

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**Революция 1917 года в России:
новые подходы и взгляды.**

Санкт-Петербург, 2011

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2011. – 159 с.

ISBN 978-5-7937-0748-0

В сборник включены материалы межвузовской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 17 ноября 2010 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

- © А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2011.
- © Авторы статей, 2011.
- © А.А. Иванов, оформление обложки, 2011.
- © Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2011.

ISBN 978-5-7937-0748-0

От составителя

В 2011 году исполнилось бы 80 лет доктору исторических наук, профессору Виталию Ивановичу Старцеву, который долгое время был заведующим кафедрой истории СССР (с 1992 г. – русской истории). Именно он сумел превратить кафедру русской истории в один из центров изучения революции 1917 года. После ухода Виталия Ивановича из РГПУ в 1998 г. кафедра русской истории перестала разрабатывать эту тему. С 2007 года она вновь стала проводить ежегодные конференции, посвященные истории революции 1917 года в России и выпускать по их итогам сборники научных статей, которые достаточно высоко оцениваются специалистами¹.

Очередная межвузовская научная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», которую организовала кафедра русской истории, прошла 17 ноября 2010 г. В ее оргкомитет вошли доктор исторических наук, профессор А.Б. Николаев (председатель), кандидаты исторических наук, доценты Д.А. Бажанов и А.А. Иванов. В конференции приняли ученые из Санкт-Петербурга и Москвы. В ее программу было включено 14 докладов.

Конференция, как и всегда (!), вызвала интерес у студентов факультета социальных наук РГПУ, которые приняли участие в обсуждении докладов, а один из них даже выступил с сообщением. Именно в студенческой факультетской газете была опубликована первая статья, в которой освещались ход и итоги конференции. В частности, в ней указывалось, что «конференция собралась в то утро много студентов, большая часть из которых прослушала все доклады до конца. При этом докладов было меньше, увы, чем раньше, но на их качестве это не отразилось». Автор статьи отметил атмосферу, в которой она проходила: «и вновь было интересно, и даже как-то “душевно”»².

Три статьи – Д.И. Стогова, А.А. Иванова и А.В. Репникова – посвящены правым. Открывает сборник работа Д.И. Стогова, в которой анализируются «записки», составленные накануне Февральской революции в кружке А.А. Римского-Корсакова, а также их политическое значение. Стогов приходит к выводу о том, что все попытки правых спасти монархию были обречены на провал, т.к. Россия уже не могла вместить в себя крайне правую политику. А.А. Иванов в своей интересной статье показывает эволюцию В.М. Пуришкевича от поддержки Временного правительства к разочарованию в его

¹ См., напр.: *Алексеев И.Е.* Рецензия на издание: Революция в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. Санкт-Петербург, 2010. 184 с. // *Алексеев И.Е.* На страже Империи. Выпуск IV: Статьи и документы по истории черносотенства, русского национализма, дворянства, политического сыска и белого движения. Казань, 2011. С. 69 – 81. (Серия «Русское присутствие»).

² *Макаров К.* «Узок круг этих революционеров» // Двадцатый корпус. 2010. № 65. Декабрь. С. 3.

политике. Автор приводит в своей статье поговорки и стихи Пуришкевича, что, несомненно, придает ей дополнительную увлекательность и показывает правого политика как талантливого и разносторонне развитого человека. Но все усилия Пуришкевича, направленные на борьбу, с одной стороны, с Временным правительством, а с другой стороны, против большевистской опасности, а также надежды, которые он связывал с установлением в стране военной диктатуры, оказались безуспешными и нереализованными. Закрывает сборник работа А.В. Репникова, в которой анализируются взгляды И.А. Родионова, П.Н. Краснова и Ф.В. Винберга на революцию 1917 года в России. Репников, подводя итоги своего исследования, в частности, замечает, что Родионов, Краснов и Винберг, сходясь «в оценке причин и последствий падения монархии», подвергали беспощадной критике не только евреев, социалистов, либералов, буржуазию, масонов, «но и русский народ, который развратился, потерял нравственные ориентиры, деградировал».

А.М. Захаров пишет о дневнике депутата I Государственной думы А.Р. Ледницкого, опубликованном на польском языке в 1994 году. Захаров анализирует те его страницы, которые посвящены событиям революции 1917 года. Он, в частности, приводит слова Ледницкого о его поездке в Москву в начале марта 1917 года. Заметим, что историки ранее писали о ней¹, но не объясняли, кем был послан Ледницкий из Петрограда в Москву. Ледницкий же в своем дневнике указал, что он был командирован Временным комитетом Государственной думы, который попросил «сообщить о происшедшем Московской городской думе с предложением брать власть в свои руки». Иначе говоря, список комиссаров ВКГД можно пополнить теперь и Ледницким, пусть он и не имел комиссарского мандата.

Пожалуй, центральной (по своей фактологии и новизне) статьей сборника является исследование П.Н. Гордеева, посвященное изучению истории Министерства императорского двора в 1917 году. Автор приводит интересные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, и делает ценные замечания. В частности, он доказывает, что А.Ф. Головин был в МИДв комиссаром Временного правительства, а не Временного комитета Государственной думы.

А.Б. Николаев, продолжая изучение деятельности Временного суда, анализирует дела, по которым в марте – июле 1917 года проходили рабочие Петрограда. Подводя итоги, автор ставит под сомнение объективность народного суда: «В тех случаях, когда рабочие начинали требовать к себе особого отношения, вплоть до неподсудности (!), ссылаясь на свой социальный статус, временные судьи выносили, как представляется, излишне строгие приговоры, останавливая свой выбор на верхней планке наказания».

Определенный интерес представляют и другие статьи сборника, авторами которых выступили уже известные своими работами по истории рево-

¹ См., напр.: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 46.

люции 1917 года ученые (А.В. Соколов, Т.Г. Фруменкова, В.В. Хуциева и Д.А. Бажанов), так и представители научной молодежи (К.А. Тарасов, М.Ю. Белов и В.Ю. Рыженков).

Надеемся, что и этот сборник найдет своего читателя, а также будет способствовать росту интереса к истории революции 1917 года в России, к сожалению, несколько затухающему сейчас.

*А.Б. Николаев
18 августа 2011 г.*

Стогов Д.И. Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А.А. Римского-Корсакова, и их политическое значение

В настоящей статье речь пойдет о так называемых «Записках» к императору Николаю II с требованиями предотвратить грядущую революцию, которые на протяжении 1916 и начала 1917 г. составлялись участниками знаменитого кружка одного из авторитетных лидеров русских монархистов, сенатора А.А. Римского-Корсакова. Отметим, что до настоящего времени по данной проблеме не было ни одного специального исследования, хотя о существовании этих документов было известно не одному поколению ученых¹.

После того, как в январе 1916 г. Б.В. Штюрмер был назначен председателем Совета министров, деятельность кружка А.А. Римского-Корсакова, который уже существовал с 1914 г., значительно активизировалась. Правительственная политика председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, направленная против оппозиции, с точки зрения правых не была достаточно эффективной. Уже в марте 1916 г. в кружке А.А. Римского-Корсакова, по сообщениям прессы, была выработана «Записка», критиковавшая правительство за его нерешительность². В документе выдвигалось требование реорганизации кабинета. Согласно газетным публикациям того времени, наибольшее рвение в составлении записки, которую предполагалось представить в «высшие сферы» через Б.В. Штюрмера, принимал Н.А. Маклаков³.

Осенью 1916 г. кружок Римского-Корсакова в очередной раз активизировал свою деятельность, и в ноябре новый председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын передал Николаю II другую «Записку». С.П. Белецкий в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства отмечал, что она составлена в кружке А.А. Римского-Корсакова в конце премьерства Б.В. Штюрмера, который не подал ее царю, боясь, что «она не

¹ Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967 и др.

² Речь. 1916. 26 марта.

³ Там же.

отвечает либеральному настроению его декларации»¹. «Записка» была вторично отпечатана и отдана Н.Д. Голицыну, который в последние дни премьерства Б.В. Штюрмера передал ее императору от своего имени². По словам Н.А. Маклакова, первоначально пытались доставить документ через министра внутренних дел А.Д. Протопопова, но «ему не очень верили»; утверждали, что это лучше сделать с Н.Д. Голицыным, «потому что все время ждали ухода Протопопова»³.

Что это за документ? Следователям ЧСК в 1917 г. стало известно, что «Записка», текст которой, по утверждению Н.А. Маклакова, составлен одним из активнейших членов кружка А.А. Римского-Корсакова М.Я. Говорухо-Отроком, действительно была доставлена императору⁴. Как пишет близкий к А.А. Римскому-Корсакову генерал А.И. Спиридович, еще сразу после убийства Распутина Маклаков передал царю письмо, в котором выразил обеспокоенность «начавшейся анархией», а 8 января, на приеме у Николая II, он вручил ему «Записку» М.Я. Говорухо-Отрока, являющуюся «дополнением к записке кружка Римского-Корсакова»⁵. В переписке Николая II и Александры Феодоровны, однако, отсутствуют сведения о том, что императрица получала что-либо подобное. По словам Н.А. Маклакова, М.Я. Говорухо-Отрок и в январе 1917 г. считал, что его «Записка» не дошла до императора, хотя на самом деле царь ознакомился с ней⁶. Текст документа, как вышедший из кружка А.А. Римского-Корсакова, опубликован в книге А.А. Блока «Последние дни императорской власти». Создателя «Записки» Блок не указал, поскольку он не был известен С.П. Белецкому, со слов которого устанавливалось ее происхождение⁷. М.Я. Говорухо-Отрока обычно считали автором только примечания к пункту 2 этой «Записки», однако из показаний Н.А. Маклакова следует, что весь текст написан М.Я. Говорухо-Отроком⁸. Документ выработал «целый план мероприятий, направленных на подавление революционного движения и буржуазной оппозиции»⁹.

¹ Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 247, 248; Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Н.Д. Голицыным // Правые партии: Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 587; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 6.

³ Допрос Н.А. Маклакова // Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 98.

⁴ Текст «Записки» опубликован в книге: Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 126 – 140.

⁵ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция (1914 – 1917) / Отв. за вып. Ю.Г. Хацкевич. Минск, 2004. С. 457.

⁶ Допрос Н.А. Маклакова // Падение царского режима. Т. 5. С. 287.

⁷ Допрос С.П. Белецкого // Там же. Т. 3. С. 407; Показания С.П. Белецкого // Там же, М.; Л., 1925. Т. 4. С. 382; Допрос С.П. Белецкого // Там же. Т. 5. С. 247.

⁸ Допрос Н.А. Маклакова // Там же. Т. 5. С. 286 – 289.

⁹ Дякин В.С. Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России: 1895–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л., 1984. С. 618.

В «Записке» предлагалось: назначить чиновников, преданных царской власти, способных «к борьбе с анархией»; распустить Думу манифестом без указания нового срока ее созыва; изменить некоторые статьи Основных законов; ввести в обеих столицах военное (или даже осадное) положение; снабдить гарнизоны пулеметами для подавления революционного движения. Правые рекомендовали царю закрыть органы левой печати; «милитаризировать» заводы, мастерские, работающие на оборону; назначить правительственных комиссаров в Союз земств и городов и в военно-промышленные комитеты с целью пресечения революционной пропаганды; предоставить местным начальникам право удалять участников антиправительственных выступлений; обновить состав Государственного совета, устранив тех, кто симпатизирует прогрессивному блоку. А.А. Римский-Корсаков составил список желательных кандидатов в верхнюю палату. В нем значились думцы А.С. Вязигин и Н.Е. Марков, сенаторы Н.П. Зуев, В.Т. Судейкин и Г.Г. Чаплинский. Однако только Г.Г. Чаплинский в итоге прошел в Государственный совет¹.

В отличие от А.А. Римского-Корсакова и авторов первой «Записки», М.Я. Говорухо-Отрок видел главную опасность не в деятельности Думы и либеральной оппозиции, а в народном движении². Он считал бессмысленным всякий сговор с буржуазной оппозицией, ибо «эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Уступки либералам Говорухо-Отрок рассматривал как начало необратимого процесса полевения страны. Поэтому, несмотря на ряд существенных отличий, конечная точка зрения автора документа совпадала с общей позицией крайне правых, например, того же самого Н.Н. Тихановича-Савицкого, также, как мы уже отмечали, осуществлявшего в этот период активную политическую деятельность, – восстановить самодержавие в полном объеме³. С.П. Белецкий считал, что «только нерешительность правительства, борьба за местничество из-за личных интересов помешала провести сразу то, что в записке намечено»⁴.

С.П. Белецкий отмечал, что вскоре в кружке была составлена еще одна «Записка», оставшаяся в итоге у него. Ее он хотел передать через дворцового коменданта В.Н. Воейкова, но тот в это время отсутствовал. В документе была «целая группа вопросов программного свойства» по каждому министерству. Также говорилось о «Записке», которая составлялась при Штюрмере⁵. Ее принесла супруга С.П. Белецкого, и ее он охарактеризовал как план по каж-

¹ Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1925. С. 458; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. Рязань, 2004. С. 354.

² Дякин В.С. Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России: 1895–1917. С. 630.

³ Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 126 – 139.

⁴ Допрос С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 3. С. 248.

⁵ Там же. Т. 3. С. 407.

дому отдельному ведомству, как «разъясняющую записку» (когда как первая – «крупная политическая»)¹.

Вскоре после составления вышеупомянутых «Записок» появилась «Записка» черносотенного члена Думы М.В. Митроцкого от имени «православных русских кругов Киева». Авторы документа потребовали от властей привлекать к ответственности лиц, ведущих «разрушительную работу» в Думе и в общественных организациях. «Разрушительная работа темных сил – прогрессивного блока и вожаков общественных организаций, – отмечалось в записке, – становится опасной для спокойствия народных масс и требует к себе самого серьезного отношения со стороны всех, кому дорога духовная мощь государства в столь критический момент»².

14 января И.Г. Щегловитов передал записку царю³. Известно, что мысль о «Записке» возникла среди думского духовенства в Петрограде, а затем И.Г. Щегловитов и другие министры выразили желание, чтобы она была адресована не на имя правительства, как первоначально предполагалось, а на имя императора. Известно, что император читал этот документ, который, в отличие от предыдущих, был им одобрен. В нем, более умеренном по содержанию, предлагалось «поставить Гос[ударственную] думу на указанное ей Основными законами место»⁴.

Также в нашем распоряжении имеются сведения о том, что еще в декабре 1916 г. правые круги намеревались отправить депутацию в «высшие сферы» для «...ознакомления с взглядами на политический момент»⁵. В состав депутации вошли И.Г. Щегловитов, Н.Е. Марков, А.И. Дубровин и С.В. Левашов. Кстати, несколько позже, 15 февраля 1917 г. тогдашний председатель правой фракции Государственной думы, член Русского собрания С.В. Левашев заявил на заседании парламента о необходимости установления в стране диктатуры⁶. В начале 1917 г. монархисты развернули широкую подготовку к пересмотру Основных законов в пользу самодержавия, причем одним из инициаторов такого пересмотра был Н.Е. Марков.

Не позднее 15 января 1917 г. А.А. Римский-Корсаков направил за своей подписью министру внутренних дел А.Д. Протопопову письмо и «Сводку общих положений и пожеланий»⁷, выработанные на происходивших у него «собеседованиях» (в них участвовали члены Главного совета Союза русского народа – «обновленческого»); они были изложены в самой общей форме, так

¹ Допрос С.П. Белецкого // Там же. Т. 5. С. 250; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 9.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1 Д. 858. Л. 9. На эту записку император наложил свою резолюцию: «Записка, достойная внимания».

³ Записка, достойная внимания / Сообщ. М. Паозерский // Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 207 – 210.

⁴ Там же; ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 5 отделение. Оп. 265. Д. 1069. Л. 2; Черменский Е.Д. Четвертая Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 248.

⁵ Правые партии. Т. 2. С. 600.

⁶ См.: Государственная дума. 1906 – 1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV. С. 264 – 265; Правые партии. Т. 2. С. 641.

⁷ Текст «Сводки» опубликован: Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 242 – 244.

как подробная их разработка представлялась делом соответствующих ведомств. По словам В.И. Старцева, в документе «по существу была изложена программа правых сил на предотвращение революции»¹. Видимо, в конце декабря 1916 г. его текст был выработан в кружке и содержал предложения правых по борьбе с оппозицией².

В «Сводке», в частности, предлагались следующие меры: пересмотр Основных законов, касающихся прав Думы, ее обязанностей; усиление власти на местах; назначение правого, ответственного перед царем, Совета министров, сохранение однородности его состава; направление всех сил правительства для водворения порядка и спокойствия в стране; усиление правого крыла Государственного совета «надежными людьми»; усиление вырождающегося дворянства свежими элементами; ослабление Союзов земств и городов; организация ежедневной патриотической печати, не менее 10–12 органов (в этой связи, по словам А.Д. Протопопова, предлагалось «из «Московских ведомостей» сделать большую правую газету»)³; цензура на все время войны; «драконовские наказания» по суду за клевету; применение военного закона о конфискации имущества государственных изменников, а также лиц, осужденных военным судом за возбуждение смуты; широкое награждение верноподданных, особенно низов; реформа полиции и усиление наказания за оскорбление должностных лиц; полная поддержка православного духовенства; упорядочение дел Церкви; организация сельскохозяйственных и ремесленных мастерских и школ; упорядочение лесных промыслов; хозяйственная разработка казенных лесов; развитие коневодства и животноводства; покупка хлеба министерством для заграничного экспорта; эксплуатация Сибири и Кавказа; пересмотр лесоохранительного закона; упорядочение продовольственного дела; монополизация нефти и угля; усиление добычи золота; переоценка городских имуществ; передача дел и сумм попечительств о народной трезвости духовенству; усиление железнодорожного строительства; усиление правительственного надзора за школами; по военному ведомству – сокращение тыловых учреждений; сокращение отпусков с фронта; реорганизация министерства иностранных дел – представители России должны быть «русскими по духу»; открытие за границей в крупных центрах органов печати, которые «должны работать в наших интересах»; развитие коммерческой агентуры; говорилось также о необходимости использовать все силы «союзников», не упуская из виду, что «гнет Англии в итоге также недопустим, как и немецкий»⁴.

¹ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905 – 1917 гг. Л., 1977. С. 229.

² Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. С. 270.

³ Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима М.; Л., 1925. Т. 2. С. 289.

⁴ «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами главного совета Союза русского народа – обновленческого и направленных А.А. Римским-Корсаковым министру внутренних дел А.Д. Протопопову (не позднее 15 января 1917 г.) // Правые партии. Т. 2. С. 614 – 616; Программа союза русского народа перед Февральской революцией / Сост. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 242 – 244.

Кроме того, при непосредственном участии М.Я. Говорухо-Отрока была составлена еще одна «Записка», рекомендовавшая для борьбы с надвигающейся революцией совершить новый государственный переворот – изменить статус Государственной думы и выборах в нее и ввести в стране военное и, более того, осадное положение. Документ, датированный, согласно исследованиям В.И. Старцева, 16 января 1917 г., дополнял один из пунктов «Записки» А.А. Римского-Корсакова и показывал, «что правым было свойственно предчувствие близкой народной революции»¹. Дата передачи документа установлена по дневникам Николая II². Н.А. Маклаков утверждал, что он лично отдал документ царю, подробно рассказав следователям об истории передачи этой «Записки» императору³.

О политической активности Н.А. Маклакова известно. Бывший министр утверждал, что был в хороших отношениях с князем Н.Д. Голицыным; они часто встречались и вместе обедали. Со слов Н.А. Маклакова, он писал письма Н.Д. Голицыну, когда тот стал председателем Совета министров. Затем он написал письмо императору во второй половине декабря 1916 г. (отправил, по собственным словам, в Царское Село 19 или 20 декабря) и воспроизвел его текст по памяти 23 августа 1917 г. во время допросов ЧСК. Документ критиковал деятельность Думы и выражал беспокойство вследствие «признаков анархии» в столице⁴. Политическая программа письма мало отличалась по содержанию от текста «Записок» М.Я. Говорухо-Отрока.

Отметим, что, как и Н.А. Маклаков, многие «правые» непосредственно от своего имени писали письма и телеграммы в высшие инстанции. В этой связи уже мы уже подробно рассматривали деятельность Н.Н. Тихановича-Савицкого. Кроме того, интересный документ найден нами в фонде канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Это телеграмма генералмайора Артемия (Артура) Ивановича Череп-Спиридовича, близкого к кружку А.А. Римского-Корсакова. Она датирована 13 декабря 1916 г. Документ в целом отражает программу правых на конец 1916 г. Автор обратился к обер-прокурору Святейшего Синода со следующими требованиями: пересмотр банковских уставов в смысле наибольшего ограничения евреев, необходимость «выдвинуть сотню интересных своих газет, снабженных дешевой бумагой, построив огромные казенные фабрики бумаги», проведение «активной защиты династии вместо пассивного непротивления злу, иначе – катастрофа, близкая, ужасная, неизбежная». Кроме этого, Череп-Спиридович выдвигал еще более

¹ Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие. С. 230.

² Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм. С. 270.

³ Из дневника Николая II известно, что он принял Н.А. Маклакова 16 января 1917 г. (понедельник) в 6 часов вечера (Дневники императора Николая II. М., б.г. С. 620). Видимо, в ходе этой встречи Маклаков и передал «Записку» царю, о которой сам император в дневнике, правда, вообще не упоминает.

⁴ Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 141; Показания Н.А. Маклакова о письме Николаю II, отправленном во второй половине декабря 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 344.

грандиозные внешнеполитическое, имперские требования: необходимость «зрелищ внешних успехов, обещаний грандиозной программы двухсотмиллионной славянской империи, <...> восстановления Святого Креста Софии, восстановления славянских государств, воссоединения под протекторатом славянского императора великих католических церквей-сестер, <...> создания всемирного христианского банка ради освобождения мира экономического позднее политического порабощения евреями»¹.

А.Д. Протопопов, близкий к кружку А.А. Римского-Корсакова, также писал послания императору и императрице. По этому поводу С.П. Белецкий высказался следующим образом: «Единственно, два человека имели влияние – И.Г. Щегловитов и А.Д. Протопопов. Протопопов послал государыне, для отправки государю, свою особую записку. Я не знаю, нашли ли ее при аресте, по всей вероятности, копия этой записки есть. Это исходило от него лично. Конечно, в духе крайне правых пожеланий, потому что Протопопов тогда совершенно перешел на правую сторону, и курс своей политики вел в этом направлении»². Действительно, на допросе А.Д. Протопопов, говоря, что он не знает, были ли «Записки» Н.Д. Голицына, утверждал, что в декабре 1916 г. (согласно показаниям С.П. Белецкого, в начале января 1917 г.)³ составил свою «Записку», «которая была дана государю в ответ на письмо Клопова» (по утверждению Протопопова, ее «вырабатывал» профессор И.Я. Гурлянд)⁴. В ней А.Д. Протопопов указывал следующее: «Я писал, что клоповская записка требовала перемены политического направления. Смысл этой записки тот, что все недовольство зиждется на экономических принципах, а политические принципы не касаемы, если мы их изменим, мы подойдем к началам республиканского строя. Эта мысль взята вследствие моих соприкосновений с правыми группами. Записка изложена очень красиво»⁵. В документе речь шла и о возможном роспуске Думы, в случае, если она «не делает того, что написано в этой записке»⁶. Бывший директор Департамента полиции утверждал, что царь писал резолюции на «Записки» и что, «несмотря на все стремления Вырубовой и других лиц, государь последние две недели имел в виду привлечь <...> (С.П. Белецкого – Д.С.) к работе»⁷.

Проанализировав содержание «Записок», можно сделать вывод, что главные требования участников кружка А.А. Римского-Корсакова сводились к роспуску Государственной думы и к пересмотру Основных законов в сторону уменьшения ее прав. Эти меры, а также введение осадного положения и

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 2. ЛЛ. 388 об., 389 об.

² Допрос С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 5. С. 248; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 991. Л. 7.

⁵ Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 5. С. 270.

⁶ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 991. Л. 4.

⁷ Допрос С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 5. С. 249.

ужесточение контроля над печатью, фактически привели бы к установлению в России военной диктатуры при сохранении основ монархического строя.

Мероприятия по разгону Думы разрабатывались в течение 1916 г. не только в салоне А.А. Римского-Корсакова, но и в официальных монархических организациях. Как свидетельствуют документы (письма Главного совета Союза русского народа, письма и телеграммы ряда местных черносотенных организаций), монархисты выступали за роспуск военно-промышленных комитетов, за «восстановление твердой власти» для победы над врагом, за созыв съезда монархистов для обсуждения вопроса об изменении Основных законов и положения о Государственной думе, за отсрочку думских выборов до окончания войны¹.

Оценивая историческое значение рассмотренных нами документов, следует отметить следующее. Составители «Записок» выступали с крайне правых позиций. Их главные идеи – незыблемость монархического строя, введение в стране военной диктатуры, усиление контроля над печатью, активная борьба с революционным и даже либеральным движением – практически совпадали с требованиями Союза русского народа и других черносотенных организаций. Несмотря на то, что многие из разработчиков «Записок» занимали весьма высокие должности, а также имели связи при дворе, тем не менее, они не смогли реально претворить в жизнь, по сути дела, ни одной своей политической программы.

Эмигрантские историки писали о незначительной степени влияния «Записок» на политику императора. С.П. Мельгунов пришел к следующим вполне справедливым, на наш взгляд, выводам: «В конце 1916 года вопрос о снабжении войсковых частей пулеметами для подавления мятежа поднимала записка Римского-Корсакова, переданная министру внутренних дел. Сам Протопопов упоминает в показаниях о своем разговоре с Курловым, который считал целесообразным снабдить стражников пулеметами»². По словам С.П. Мельгунова, «вопрос о пулеметах, действительно, косвенно, как бы в частном порядке, по инициативе некоторых администраторов и советчиков со стороны поднимался в правительственных кругах», но так и не был положительно решен³. По вполне справедливому утверждению А.Д. Степанова относительно «Записок», составленных в кружке, «ни князь Голицын, ни Протопопов не сумели и не захотели воспользоваться <...> советами патриотов»⁴.

С.В. Куликов, говоря о причинах провала «Записок» в «высших сферах», утверждает, что «программа А.А. Римского-Корсакова, как экстремистская, не встретила сочувствия у Николая» и что «в начале 1917 г. А.А. Рим-

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 16.

² См.: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года // Возрождение. 1950. Сент. – окт. Т. 11. С. 133.

³ Там же.

⁴ Степанов А.Д. Римский-Корсаков А.А. // Святая Русь. Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. С. 618.

ский-Корсаков являлся скорее политическим маргиналом, нежели сколько-нибудь влиятельной фигурой»¹. Вполне согласимся с утверждением исследователя о том, что Римский-Корсаков с его программой был политическим маргиналом. Таких, как он, было по всей стране совсем немного. Бюрократический аппарат Российской империи в подавляющем большинстве своем разделял идеи, совершенно далекие от монархизма. То же самое можно сказать и о генералитете русской армии². И, видимо, царь в сложившейся ситуации был совершенно прав, когда, как свидетельствует А.Д. Протопопов, в начале 1917 г. сомневался «насчет крайне правой политики, вместит или не вместит ее страна»³. Вместить эту политику страна в тот исторический период уже была, судя по всему, неспособна, а то, что предпринимали А.А. Римский-Корсаков, Н.Н. Тиханович-Савицкий и другие правые, было, по сути дела, последней судорожной попыткой спасти монархию.

Захаров А.М. Февральская революция 1917 года в «Дневнике» А.Р. Ледницкого

«Революционные события глазами иностранцев» – тема поистине неисчерпаемая. Великие потрясения, увиденные глазами человека иной культуры и иной исторической памяти, приобретают особый оттенок за счет этого оригинального, хоть и постороннего взгляда. Что же тогда говорить о взгляде человека, по его собственному признанию, всю жизнь страдавшего от мучительной раздвоенности сознания – русского поляка, богатого и успешного юриста, так и не сумевшего при этом отчетливо определиться в своем отношении к двум родинам, связанным столь непростой исторической судьбой.

Александр Робертович Ледницкий (1866 – 1934) прожил яркую жизнь. Уроженец Минска, сын участников восстания 1863 года, выпускник Ярославского Демидовского лицея, он сделал быструю и блестящую профессиональную карьеру. Начав юридическую практику в 25 лет, уже к 30 годам он возглавил крупную адвокатскую контору в Москве, быстро превратив ее в одно из наиболее влиятельных и известных заведений такого рода в стране. К 1914 году в конторе работало 7 адвокатов и 25 помощников; чистый годовой доход составлял 250 тыс. рублей. Личное состояние Ледницкого к этому времени оценивалось в несколько миллионов; сам он, по признанию авторитетов правовой сферы того времени, входил в десятку лучших адвокатов

¹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. С. 358.

² Подробнее см.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917); Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора / Под ред. Л.Е. Болотина. Изд. 2-е. СПб., 2005.

³ Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 5. С. 275.

страны¹. Помощник Ледницкого А. Шафковский писал: «Каждое его выступление в Москве было сенсацией дня... Пожалуй, только гениальный Плевако возвышался над ним»².

При этом общественная карьера Ледницкого шла по восходящей ничуть не в меньшей степени. Председатель Римско-католического благотворительного общества, синдик Московского кафедрального костела, организатор юбилейных торжеств памяти А. Мицкевича и Х. Сенкевича в России, представитель московских поляков на торжествах в честь 500-летия Грюнвальдской битвы и московской адвокатуры на праздновании 50-летия судебной реформы... С 1905 года Ледницкий был членом партии кадетов и, более того, фактическим организатором московского отделения партии. Учредительный съезд московской группы кадетов проходил у него дома в Кривоникольском переулке. Будучи депутатом I Государственной думы, участвовал в подписании знаменитого «Выборгского манифеста», за что подвергся трехмесячному тюремному заключению в Бутырской тюрьме.

Относительная неудача парламентской карьеры перевела организаторские таланты Ледницкого в более привычное ему русло – он вернулся к адвокатской и общественной деятельности. В 1914 году с началом войны он возглавил Совет съезда польских организаций помощи жертвам войны, а в 1916 создал полулегальное Коло друзей польской независимости. Радикализация взглядов привела его к разрыву с кадетами.

Бурные перипетии 1917 – 1918 гг., которые, собственно, и описаны в «Дневнике», стали венцом карьеры Ледницкого в России и ее закатом. В октябре 1918 года он навсегда покинул Россию. В Польше он оставался видным юристом и общественным деятелем, охотно помогал эмигрантам из России, хотя и не был уже настолько богат. Трагическая смерть Ледницкого (находясь под судом по обвинению в коррупции, он покончил с собой) на короткое время снова привлекла внимание к его личности, но затем о нем снова забыли – как в Польше, так и в России. До сего дня, не считая короткого упоминания в обобщающем труде Гессена, есть лишь одно русскоязычное короткое эссе, посвященное Ледницкому, написанное посмертно его бывшим другом-врагом П.Н. Милюковым³, да еще и увидевшее свет в итоге лишь в польском переводе. «Дневник» же Ледницкого был опубликован в Польше лишь в 1994 году. Здесь автор статьи попытается восполнить в рамках короткой статьи указанный пробел.

Строго говоря, «Дневник» является произведением несколько иного жанра. Это разрозненные воспоминания, охватывающие период 1914 – 1918 гг., собранные в шесть тетрадей средней величины. Очевидно, что они писались на основе неких памятных записок и заметок, но дневником их назвать категорически невозможно. Иногда автор предельно и скрупулезно точен,

¹ Гессен И.В. История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 9.

² *Dzwonkowski W.* Rosja a Polska. Warszawa, 1991. S. 164.

³ *Miliukow P.* A. Lednicki jako rzecznik rosyjsko-polskiego porozumienia. Warszawa, 1939.

иногда его подводит память. Он может абсолютно точно вспомнить поименно два десятка участников не самого важного заседания, но забыть об участии в заседаниях Ликвидационной комиссии о. Э. Цепляка, о роли которого участник заседаний отзывался так: «Ледницкий по каждому вопросу спрашивал мнение Роппа и Цепляка, и всегда для польской части комиссии оно считалось решающим»¹. Или мог вдруг запомнить дату смерти виднейшего польского благотворителя и мецената А. Шанявского. Вообще, с датами у Ледницкого (гордившегося, кстати, своей профессиональной памятью) в «Дневнике» наблюдаются известные проблемы. Чаще всего он вообще не считает необходимым их приводить, что вызывает сложности в восстановлении точной датировки событий. Важнее автору «Дневника» явно представляются эмоциональная окраска и фон исторических событий, где он дает волю своему перу. Тем не менее, ценность записей Ледницкого очевидна. Взгляд на события Февральской революции 1917 года (ей посвящена самая обширная по формату третья тетрадь) богатого поляка, тесно в то же время связанного с русской общественной жизнью, остается весьма значимым для истории того периода.

В начале третьей тетради «Дневника» Ледницкий вспоминает о встрече, происшедшей в январе 1917 года в доме Н.Д. Соколова в Петрограде. «В январе в доме Н.Д. Соколова проходило заседание Российского коло друзей польской независимости, – писал он. – На том заседании я встретил Керенского. Мы вместе возвращались домой, и по дороге до «Англетера» на Исаакиевской площади, где я жил тогда, Керенский подтвердил мое предположение, что, хотя ситуация очень напряженная и массы сильно взбудоражены, о революционном выступлении никто и не помышляет, и никто не держит в руках бикфордов шнур, чтобы зажечь «всероссийский пороховой погреб»². Оценка, как видим, не слишком оригинальная и совершенно естественная для круга общения Ледницкого.

Гораздо больше внимания автор «Дневника» уделил, естественно, своему следующему визиту в Петроград. Это произошло 20 февраля 1917 года, когда он приехал в столицу по просьбе местной польской общественности. Незадолго до этого военный губернатор Петрограда С.С. Хабалов закрыл единственную польскоязычную газету города «Pietrogradski dziennik», обвинив ее редакторов Я. Домбровского и С. Гростерна в германофильстве. Отлично понимавший, что обвинения беспочвенны, Ледницкий приехал выручать петроградских коллег.

Остановившись в «Гранд Отеле» на Исаакиевской площади, Ледницкий, в ожидании приема в МВД, позвонил Керенскому. «Керенского я знал давно, – вспоминал он. – Адвокат он был не выдающийся, но политик растущий. Я его защищал на процессе над петербургскими адвокатами, написавшими резкую резолюцию на адресе Щегловитову. Помню, как в «Евро-

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914 – 1920 гг. М., 1993. Кн. 1. С. 340.

² Lednicki A. Pamiętnik 1914 – 1918. Krakow, 1994. S. 39.

пейской» они с Соколовым убеждали меня, что я, поляк, должен быть пораженцем. Говорили, что манифест 1 августа 1914 года оказался пустой фразеологией, «что только поставив на колени царскую власть, можно ожидать создания основ новой жизни». Я считал, что их ослепляет война с царизмом, и всеми фибрами моей души был сторонником войны с немцами и понимал, что победа немцев в перспективе может привести только к окончательной смерти Польши. Расстались мы тогда довольно холодно, хотя, признаться, в победу России над Германией и я не слишком верил. С Керенским мы снова сблизились в 1915, так как он стал убежденным глашатаем польской независимости, и не только на политических собраниях и в петербургских салонах, но и в Думе. Там, правда, Ян Гарусевич (лидер польского коло в IV Думе – А.З.) ехидно обронил после одной его речи: «Боже, сохрани нас от наших друзей, а с врагами мы как-нибудь разберемся сами». Я позвонил ему и пригласил к себе к 18.00, так как в 16.00 должен был быть у Н.В. Плеве (товарищ министра внутренних дел – А.З.)»¹.

Визит в МВД Ледницкому удался. Плеве, которому он вручил письма видных московских поляков (в частности, генерала А. Бабяньского), позвонил Хабалову и попросил отменить решение о закрытии газеты. «Потом мы заговорили о текущем моменте, – писал Ледницкий. – Плеве был настроен пессимистично. Говорил, что проблема не в политике, а в социальном взрыве, в ненависти, как он выразился, к классу имущих»².

Ярое полонофильство автора «Дневника», выраженное в цитированных выше отрывках, скорее всего, продукт более поздних размышлений. Наблюдательный и осведомленный юрисконсульт русского МИДа Г.Н. Михайловский оставил в своих «Записках» не самую лестную для нашего героя запись: «С Ледницким Нольде (начальник юридического отдела МИД барон Б.Э. Нольде – А.З.) встречался, дабы осведомиться о настроениях поляков, хотя сам же мне потом говорил, что поляки не верят Ледницкому, считая его оппортунистом. По поводу знания Ледницким польского вопроса Нольде отзывался крайне пренебрежительно, уверяя, что он, Нольде, в десять раз осведомленнее Ледницкого. Мне впоследствии также пришлось убедиться в полной неосведомленности Ледницкого в том, что касалось истории и современного положения польского вопроса»³.

Вернувшись домой, Ледницкий застал там двух видных деятелей польской общественности – Э. Добецкого и К. Скирмунта. Оставив их на попечение жены, М.В. Кривоносовой, он отправился с Керенским в итальянский ресторан на Большой Морской. Тональность разговора мало отличалась от январской. «Он много говорил о забастовках, о поражениях, о пропаганде, об упадке престижа власти. Я слушал и думал, что все это верно, только вот ре-

¹ Ibid. S. 46 – 47.

² Ibid. S. 49.

³ Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 57.

волюция из всего этого никак не следует. Мы расходились в убеждении, что все спокойно»¹. Тем же вечером Ледницкие уехали в Москву.

В Петроград автор «Дневника» вернулся 26 февраля. Причиной была юридическая практика – в 4-м департаменте Сената слушалось запутанное дело о браке нефтяного магната Шамси-Асабулаева, мусульманина, с русской православной. Дело было тяжелым, Ледницкий, защищавший интересы Шамси-Асабулаева, ехать не хотел. «Мне предстояло тяжкое дело? – жаловался он, – запихнуть Коран и шариат в реторту российского законодательства»².

Поезд пришел на Николаевский вокзал в девять утра. Извозчик сказал Ледницкому, что ехать нельзя – Невский перекрыт до самой Исаакиевской площади. Поручив его опеке свои вещи, автор «Дневника» решил пройтись пешком.

«Меня встретило фантастическое зрелище, – признавался он, – полностью заполненный людьми Невский. В центре проспекта – казаки. Вид у толпы был не то хмурый, не то грозный... Раз за разом кричали «Да здравствует армия!» Бросали вверх шапки... Многоустная молва сообщала о расстрелах на рогатках, о забастовках и митингах, о том, что министр внутренних дел Протопопов поставил на крышах домов пулеметы...»³.

Дойдя до «Гранд Отеля» (ему Ледницкий посвятил приличных размеров лирическое отступление вкупе с панегириком Исаакиевской площади вообще), наш герой отправился в Сенат. Оппонентом его выступал И.А. Кистяковский. «Я хорошо запомнил его шпаргалки, – ехидствовал в адрес коллеги по цеху Ледницкий. – У него, в отличие от отца и брата Богдана, тоже известных юристов, были проблемы с памятью»⁴. Заседание и в самом деле получилось долгим и трудным, продлившись до 20.00.

Атмосфера в Петрограде уже сгустилась настолько, что Ледницкий забеспокоился о своей дочери. Примечательно, к кому он счел необходимым обратиться за помощью. Он позвонил генералу в отставке Ф.Я. Ростковскому, бывшему главному интенданту русской армии. Одна из его дочерей была замужем за Т. Гриневским, лечащим врачом семьи Ледницких. Знакомство, вроде бы, не самое близкое, но, видимо, Александру Робертовичу был нужен именно офицер-поляк, сочетание силы и национальной близости. В этот вот «польский дом под прикрытием русского мундира» на Большой Пушкарской, 63 он и определил дочку на ночлег, а сам решил в сопровождении служащего гостиницы пешком пойти на вокзал – надо было возвращаться в Москву.

«Сперва мы шли по Гороховой, но на углу Екатерининского канала лежал труп полицейского, и дальше нас не пустили, – вспоминал он. – Тогда мы пошли по Морской к Невскому, откуда были слышны крики и частая стрельба. Шли мы, прижимаясь к стенам. Улица была почти пуста. Прохожие

¹ *Lednicki A. Op. cit. S. 51.*

² *Ibid. S. 52.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid. S. 53.*

говорили, что это стреляет взбунтовавшийся Волынский полк. Внезапно сзади мы услышали мерный шаг. Отошли в сторону. Это шли семеновцы в полной выкладке во главе со своими офицерами. На подходе к Невскому офицеры дали команду: «Ружья наперевес! Бегом вперед!» Прошло несколько минут, дальше – «ура, ура», и мы увидели братание тех, кто должен был стрелять, и тех, в кого»¹.

Ледницкому стало ясно, что лучше вернуться в гостиницу. Всю ночь он слышал шум пьяных оргий, особенно из ресторана «Астории», что на фоне кровавых событий дня повергло его в депрессию, причем настолько сильную, что в дневниковых записях нарушилось стилевое единство. Автору данной статьи стоило некоторого труда разобраться в витиеватых фразах и убедиться в том, что речь идет все еще о событиях ночи с 26 на 27 февраля. Беспокоившийся о дочери Ледницкий попросил о помощи румынского полковника из военной миссии, жившего в «Астории». Они сходили в румынское посольство (благо размещалось оно поблизости, на Гороховой, 4), откуда он смог позвонить Ростковскому и убедиться, что там все в порядке (можно себе представить, насколько напряженной была ночь, если в разгар ее автор «Дневника» осмелился поднять звонком с постели генерала русской армии²).

Утром Ледницкий вышел на улицу. Здесь его ждали новые потрясения. «На Гоголя меня потряс вид дворника-татарина, посыпавшего песком следы крови на снегу, – записывал он. – Мне рассказали в гостинице об убийстве коменданта Петропавловки генерал-лейтенанта В.И. фон Стааль-Гольштейна (или Штакельберга?) на Миллионной – у него потребовали сдать оружие, а он сказал: «Не вы мне его дали, не вам и отбирать». После этого я решил никуда не выходить без документов. Телефонной связи не было»³. Опять же последний момент вызывает интерес – откуда в «Гранд Отеле» узнали об убийствах, если телефон не работал? То ли слухи распространялись по городу с быстротой молнии (особенно самого зловещего свойства), то ли, что наиболее вероятно, узнал об этом автор «Дневника» все-таки позже.

Около 14.00 27 февраля⁴ в «Гранд Отель» приехала дочка Ледницкого в сопровождении зятя генерала Ростковского инженера С.И. Яздовского.

¹ Ibid. S. 55. Ледницкий смешивает два разных события. Он и в самом деле мог видеть Семеновский полк в центре города 26 февраля, но взбунтовался полк 27, как, кстати, и Волынский.

² Примечательно, что сам Ростковский в дневнике прибытие дочери Ледницкого к нему домой датирует 27 февраля, а о ночном звонке не упоминает вообще, хотя мемуарист он исключительно скрупулезный (См.: *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания... 1917-й: революция глазами отставного генерала. М., 2001. С. 47).

³ Ibidem. Опять смешение разных событий. Генерала Г.Э. Штакельберга убили 1 марта, а и.о. коменданта Петропавловской крепости В.И. Стааль фон Гольштейн благополучно пережил события 1917 года и умер своей смертью в 1921 г. (Об убийстве Штакельберга см.: *Николаев А.Б.* Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России. СПб., 2007. С. 33 – 42).

⁴ У Ростковского в дневнике – 28 февраля. Как я уже указывал, с датировкой событий у Ледницкого дело обстоит не слишком хорошо (*Ростковский Ф.Я.* Указ. соч. С. 49).

«Приехали они спокойные и даже радостные и не могли понять моего беспокойства, – с удивлением отметил Ледницкий. – Дочка в конце концов меня поняла, но Яздовский все смеялся: «Разве вы не видите, что все идет так хорошо, что крови в революции больше не будет?» (через несколько месяцев его в Сибири расстреляли большевики)»¹.

К Ростковским Ледницкий не поехал, так как около 16.00 на автомобиле приехали его будущий зять Владислав Антонович Немирович-Щитт и брат Чхеидзе, оба прапорщики. «От них я узнал, что в Думе при Родзянко формируется новый кабинет, но кто в него войдет, кроме самого Родзянко, они не знали, – записывал Александр Робертович. – Предложили ехать с ними... Поехали. Для «простоты» меня объявили арестованным чиновником и даже взяли себе какого-то солдата в помощь»². Опять примечательный момент – то ли непонимание опасности такого маскарада, вполне могущего окончиться самосудом над лжечиновником – господином представительного солидного вида, как будто сошедшего со страниц газетных карикатур на царских бюрократов, – то ли опасность эта была сильно преувеличена.

В любом случае, до Таврического дворца автомобиль доехал без приключений. «Близ Таврического стали встречаться огромные массы народа, идущего к Думе, – отмечал Ледницкий. – Я видел, что откуда-то появился приказ отбирать оружие у гражданских. Какой-то еврей держался за браунинг и кричал: «Скорее жизнь отдам, чем оружие». Оружие у него отобрали и даже не убили... Впечатление от Потемкинского дворца осталось тяжелое – солома, смятая бумага, яичная скорлупа хрустит под ногами, «бычки» от папирос»³.

Во дворец приехавших пропустили легко, так как начальником Отдела нарядов ВКГД был поляк – поручик Адольф Скобейко⁴ (будущий редактор газеты «Революционная польская армия»), и, более того, даже провели в кабинет к Родзянко. «Там я узнал о создании ВКГД, – сообщал Ледницкий. – Слышал и другие разные новости, но в основном с фронта. Члены Думы, голодные и невыспавшиеся, почти все пребывали в экстагическом состоянии. Пришло известие, что в Петроград едет царь – решили послать навстречу ему думскую делегацию с предложением отречься. Домой я уехал около 4 часов утра, но скоро вернулся, хотя добраться удалось с трудом. В ВКГД меня попросили вернуться в Москву и сообщить о происшедшем Московской городской думе с предложением брать власть в свои руки. В полночь на 1 марта я уехал в Москву»⁵.

¹ *Lednicki A. Op. cit. S. 56.*

² *Ibid. S. 57.*

³ *Ibidem.*

⁴ А.Б. Николаев пишет, что поручик 10-го Осадного дивизиона Скобейко «некоторое время исполнял обязанности начальника Отдела нарядов» Военной комиссии ВКГД (*Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 296, 608, 640.*)

⁵ *Lednicki A. Op. cit. S. 58.*

Очевидно, что в Думе Ледницкого встретили как своего человека. Его помнили по совместной партийной и думской деятельности очень многие из тех, кто находился там 27–28 февраля. Оказанное ему доверие, думается, объясняется как раз его происхождением и статусом. Видный польский общественный деятель, не желающий вмешиваться в русские внутренние дела, он устраивал практически всех как незаинтересованное лицо, идеальный курьер, вестник революции, к слову которого прислушаются в Москве.

Москва встретила Ледницкого «непрестанным броуновским движением с лозунгами в поддержку революции... Всюду господствовал красный цвет; признаюсь, что мы тоже поддались этой эйфории – в Кисловском переулке встретил Ю. Эверта, человека весьма умеренных взглядов. У нас у обоих было по красной кокарде в бутоньерке. Мы стыдливо поздоровались»¹.

В то же время сам автор «Дневника» полной уверенности не испытывал. «Я нервничал, вспоминал 1905 год и особенно кровавую реакцию, боялся за поляков, в особенности за пленных, – писал он. – С другой стороны, я опасался, как бы наши не влезли в русские межпартийные распри. Сам я в этом категорически участвовать не хотел»². Настроение, очень характерное для Ледницкого, – по признанию ближайших сотрудников, депрессивного пессимиста, религиозного мистика и спирита³.

Надо отметить, что, невзирая на приведенные выше нелестные по этому поводу характеристики, Ледницкий в самом деле беспокоился в первую очередь о польских пленных. Он хорошо понимал, что «времени нет – земля горит под ногами», как сказал он своему коллеге Е. Здзеховскому⁴. 7 марта 1917 года в Москву приехал Керенский уже в ранге министра юстиции. Ледницкий быстро добился от него письма к А.И. Пильцу, иркутскому генерал-губернатору, с требованием освободить всех польских военнопленных и при первой возможности отправить их поездом в центральную Россию. «Прием у Керенского ни у меня, ни у других москвичей сильного впечатления не произвел – холодно отметил автор «Дневника», – он долго ругал судей как слуг режима, говорил металлическим голосом на грани истерики, благодаря чему на интеллигенцию такого впечатления, как на простые массы, не производил»⁵.

Дальнейшая деятельность нашего героя была связана с т.н. Ликвидационной комиссией, история которой выходит за рамки этого сюжета (30 марта Ледницкий окончательно перебрался в Петроград, оставив адвокатуру). Февральская революция, как видим, оставила в его памяти глубокий след, хоть и прошла, собственно, по касательной относительно него самого. Тем не менее, свидетельства А.Р. Ледницкого представляются весьма значительным добавлением к уже известной картине событий, поскольку даны они человеком,

¹ Ibid. S. 59.

² Ibidem.

³ *Dzwonkowski W.* Op. cit. S. 113.

⁴ *Wrzosek M.* *Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917 – 1918.* Warszawa, 1969. S. 83.

⁵ *Lednicki A.* Op. cit. S. 60.

занимавшим немалое положение в русском обществе и при этом, по его собственному признанию «постоянно чувствовавшим раздвоенность и глубоко осознававшим всю трагедию польского народа»¹.

Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора

Министерство двора в начале 1917 года

История государственных учреждений является, как известно, важной и неотъемлемой частью общей истории государства. Однако в переломные эпохи, к которым, вне всякого сомнения, относится и российский 1917 год, значение традиционных властных структур падает; на первый план выходят «внесистемные» игроки – люди подполья, радикальные вожди и ведомые ими народные массы. Этот процесс сказывается и на историографии: как следствие ослабления авторитета государственных органов в глазах современников, уменьшается интерес к ним и последующих поколений исследователей. В то же время представляется, что изучение воздействия революционной стихии на упорядоченный мир чиновничества не только приблизило бы нас к пониманию исторической роли этой важной социальной группы, но и обогатило бы привычную картину Февраля и Октября новыми фактами и сделанными на их основе заключениями.

Хронологическими рамками данной статьи выбраны дни Февральской революции и становления нового режима (т. е. конец февраля – начало марта 1917 г.), а предметом изучения – Министерство императорского двора (далее в тексте – МИДв), само существование которого после падения монархии являлось несомненным историческим парадоксом; впрочем, ими 1917 год достаточно богат.

Основанное в 1826 г., МИДв всегда занимало особое место среди министерств Российской империи, являя собой «соединение личного, обслуживавшего нужды императорской фамилии учреждения и государственного ведомства, осуществлявшего ряд дипломатических, культурных и других функций»². Но что же представляло из себя придворное ведомство накануне Февральской революции?

4 марта, когда переворот уже совершился, помощник министра двора³ М.Е. Нирод в служебном письме главе Временного правительства Г.Е. Льво-

¹ Ibid. S. 27.

² Любарская Т.Г. Министерство императорского двора и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917. СПб., 2002. Т. 3. С. 7.

³ Т.Г. Любарская, автор раздела о МИДв в фундаментальном справочнике «Высшие и центральные государственные учреждения России», указывает, что должность помощника министра двора была упразднена около 1900 г. и восстановлена уже «при Временном правительстве» (Любарская Т.Г. Указ. соч. С. 147). Это, однако, неверно: М.Е. Нирод был на-

ву перечислил все установления, входившие на тот момент в состав МИДв. Это были: Канцелярия, Контроль, Касса и Общий архив МИДв, Придворная медицинская, гофмаршальская, церемониальная и Придворная конюшенная части, Императорская охота, Собственный е. и. в. гараж, Рота дворцовых гренадер, Управление дворцового коменданта, Капитул императорских и царских орденов, Кабинет е. и. в., канцелярии императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, Канцелярия заведующего придворным духовенством. В состав Министерства входил целый ряд дворцовых управлений: Петроградское, Московское, Варшавское, Царскосельское, Петергофское, Гатчинское, Управление городом Павловском и Управление Собственным е. и. в. дворцом. Наконец, особую значимость Ведомству придавали подчиненные ему учреждения культуры: Эрмитаж и Русский музей, Придворный оркестр и Придворная певческая капелла, Собственные е. и. в. библиотеки, Императорская археологическая комиссия, Академия художеств и Дирекция императорских театров¹.

Итого перечислено 33 установления, но и этот список не полон: в нем нет Главного управления уделов (бывшего во многом самостоятельным ведомством, однако входившего в состав МИДв), не указан численно небольшой, но состоящий из наиболее заслуженных чиновников Ведомства Совет при министре двора², нет здесь и двух десятков контор и канцелярий членов императорской фамилии, чины которых также числились на службе в МИДв³.

Таким образом, в начале 1917 года Министерство двора имело разветвленную, исторически сложившуюся из различных слабо связанных друг с другом «ведений» структуру. Во главе МИДв с 1897 г. стоял барон (с 1913 г. – граф) В.Б. Фредерикс, один из ближайших к императорской семье людей. В среде высших руководителей министерства большую роль играли семейные и личные связи – так, дворцовый комендант В.Н. Воейков был сыном управляющего делами Императорской главной квартиры, затем обер-камергера Н.В. Воейкова⁴ и зятем министра двора В.Б. Фредерикса⁵. Помощник министра двора М.Е. Нирод и начальник Канцелярии МИДв А.А. Мосолов были женаты на родных сестрах, дочерях знаменитого петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова; на третьей дочери Трепова был женат родной брат М.Е. Нирода Максимилиан, также имевший придворное звание (егермейсте-

значен на эту вновь учрежденную должность 22 декабря 1913 г., а за день до этого был Высочайше утвержден перечень обязанностей помощника министра (РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 76. ЛЛ. 16 об., 50).

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. ЛЛ. 3 – 3 об.

² Об этом учреждении см.: Любарская Т.Г. Указ. соч. С. 178.

³ О великокняжеских дворах, существовавших накануне революции см.: Придворный календарь на 1917 год. Пг., [1916]. С. 396 – 441. О подчиненности великокняжеских дворов МИДв см.: Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. I. Ч. II. С. 231. Ст. 885.

⁴ Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 222.

⁵ Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 10.

ра)¹. Начальник Придворной певческой капеллы А.Д. Шереметев унаследовал этот пост от своего брата С.Д. Шереметева, руководившего капеллой при Александре III². Традиционно большую роль при дворе (в силу родства с Петром Великим) играл род Нарышкиных; в царствование Николая II придворные и свитские чины и звания имели 12 представителей этого рода, в их числе обер-гофмейстера Е.А. Нарышкина и ее сын, генерал-майор свиты е. и. в. и начальник Военно-походной канцелярии императора³ К.А. Нарышкин, один из свидетелей отречения 2 марта 1917 г.⁴.

Другой особенностью МИДв было наличие в составе его руководства значительной группы т. н. «русских немцев» (к которым современники зачастую причисляли и лиц шведского происхождения – например, В.Б. Фредерикса)⁵. По оценке современного исследователя С.В. Куликова инославные (т.е. лютеране и католики) в Министерстве двора занимали «ключевые посты», включая пост самого министра, его помощника и начальников целого ряда придворных ведений⁶. Наконец, значительную часть руководящего состава МИДв составляли бывшие офицеры Лейб-гвардии Конного полка, шефом которого некогда был сам министр двора В.Б. Фредерикс⁷.

Впрочем, разного рода неформальными связями была пронизана отнюдь не только высшая группа чиновников МИДв. По свидетельству А.А. Мосолова, «весьма сплоченную среду, как бы племя или касту» представляла дворцовая прислуга. Примечательно, что на выборах в Государственную думу эта прослойка служащих, состоявшая в основном из потомственных при-

¹ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 798.

² Любарская Т.Г. Указ. соч. С. 160; Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2003. С. 414 – 416, 418.

³ Военно-походная е. и. в. канцелярия входила в состав Императорской главной квартиры, которая, в свою очередь, хоть и не была формально составной частью МИДв, но с 1856 г. (за исключением периода 1881 – 1898 гг.) возглавлялась министрами двора (Дмитроченкова Е.Н., Корнеев И.В., Рыженков М.Р., Сенин А.С., Снежко Н.Г., Тарасова В.В. Военное министерство и его учреждения // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917. СПб., 2004. Т. 4. С. 61 – 64, 89 – 92).

⁴ Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005. С. 50 – 51, 517 – 576.

⁵ Сразу же после Февральской революции этот факт стал активно комментироваться в прессе (особенно в «Новом времени», на страницах которого национальному вопросу всегда уделялось большое внимание) (См., например, очерки А. Ренникова «Adieu» и Н. Кравченко «Освобожденная Академия Художеств» в «Новом времени» (1917. 10, 17 марта).

⁶ Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в нач. XX в. // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С. 60.

⁷ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831 – 1917). СПб., 2007. С. 302 – 304.

дворнослужителей, голосовала, согласно Мосолову, «преимущественно за эсеров»¹.

Министерству двора принадлежало в Петербурге несколько зданий, в которых жили как высшие чины, так и рядовые служащие ведомства. В делах Кабинета е. и. в. сохранились списки чиновников МИДв (на 1 января 1917 г.), проживавших в казенных квартирах вместе с родственниками². В них отражены данные по трем петроградским адресам – Воскресенская (ныне – Робеспьера) наб., 22 (этот же дом имел нумерацию и по Шпалерной ул. – 34), Итальянская ул., 1 и Фонтанка, 31 (здание Кабинета – часть усадьбы Аничкова дворца). Из лиц, приведенных в этих списках, самую большую квартиру (12 комнат) занимал заведующий Придворным духовенством протопресвитер А.А. Дернов; 10-ти комнатные квартиры занимали заведующий Общим архивом МИДв К.Я. Грот и заведующие Отделами Кабинета е. и. в. (Земельно-заводским и Хозяйственным) А.П. Половцов и Н.Э. Рюдман (отметим, что Половцов и Рюдман, не будучи главами «установлений» МИДв, стояли в данном случае на одной иерархической ступени с К.Я. Гротом – начальником отдельного Ведомства, но несравнимого по значимости с Кабинетом е. и. в.). Восьмикомнатные квартиры имели чиновники уровня помощников заведующих отделами Кабинета и помощников начальников других «установлений» МИДв, семикомнатные – делопроизводители Кабинета и т. д. Помимо перечисленных выше, к 1917 году в распоряжении МИДв имелись и другие дома, где проживали, в основном, служащие среднего и низшего звена: на Шпалерной, №№ 52 и 54 (первый из них предназначался для придворного духовенства, второй – для служителей Эрмитажа), на набережной Мойки, 12 (квартиры в этом памятном доме были наняты МИДв в 1916 г. на три года вперед для размещения чинов Дворцовой полиции) и др. Большое количество служащих разных установлений МИДв жило в Аничковом дворце³.

¹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства двора. СПб., 1992. С. 217 – 218. Иное мнение сложилось у А.Н. Бенуа, слушавшего вскоре после Октябрьской революции речь А.В. Луначарского перед собранием низших служащих Зимнего дворца и Эрмитажа: «Что-то произнес он тогда и по адресу «Николая Кровавого», но в ответ на это раздался всего лишь один сочувствующий голос, тогда как вся масса хранила гробовое и уж вовсе не сочувственное молчание. Мне показалось, что все эти люди были даже глубоко оскорблены в своих лучших чувствах. Прибавлю тут же, что мы вообще ошиблись в оценке этих царских слуг. Позже я и мои коллеги хорошо изучили их и совершенно изменили свое отношение к ним. Принято было считать их за «презренных подкупных холопов», между тем это были по-своему очень убежденные (курсив А.Н. Бенуа – П.Г.) люди; они оставались «верными своей присяге» – тому, в чем они были воспитаны (многие занимали свои посты по наследству, от отца к сыну). Это была очень обособленная и в своем роде вполне достойная каста» (Бенуа А.Н. Дневник 1916 – 1918 годов. М., 2006. С. 195 – 196). Отметим, что свидетельства А.А. Мосолова и А.Н. Бенуа в принципе не противоречат друг другу – общеизвестно, что многие граждане, числившиеся до Февраля в рядах оппозиции, по мере «углубления революции» постепенно «правили».

² РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 908. ЛЛ. 42 – 44, 46 – 47.

³ ГАРФ. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 79 – 80 об.; Д. 4. ЛЛ. 1 – 14.

В управлении Придворного ведомства находилось огромное и сложное хозяйство, поддержание которого требовало больших затрат. Бюджет МИДв на 1917 г. был утвержден Николаем II 31 декабря 1916 г. в размере 42 148 564 руб., причем более половины этой суммы (24 419 500 руб. или 58 %) должно было состояться из доходов, «поступающих непосредственно по Министерству императорского двора» (так, только доходы Кабинета е. и. в. от эксплуатации двух огромных земельных владений – Алтайского и Нерчинского округов были запланированы в размере 12 402 077 руб.). Оставшиеся 42 % доходов предполагалось получить в «подкрепление ресурсов Министерства» из внешних источников, прежде всего – из Государственного казначейства (16 359 595 руб. или 39 % от общей суммы доходов)¹.

Составители этой бюджетной росписи вряд ли могли представить, что через два с небольшим месяца и утвердивший ее император, и контрассигновавший документ министр двора будут арестованы, а само ведомство окажется перед перспективой расформирования и упразднения.

В дни революции

Информация о том, что происходило со служащими и имуществом Министерства двора непосредственно в дни Февральской революции, к сожалению, неполна и разрозненна. Наиболее влиятельные руководители ведомства – министр двора В.Б. Фредерикс и дворцовый комендант В.Н. Воейков были в это время вместе с императором; как известно, первый из них поставил свою подпись на манифесте Николая II об отречении от престола. Впоследствии, встретившись в ноябре 1917 г. с А.А. Мосоловым, Фредерикс так ему рассказывал о собственной роли в тех событиях: «Инстинктивно я был против всякого отречения. Я говорил государю, что и при отречении неминуемо такое же кровопролитие, как и при подавлении уже вспыхнувших беспорядков. Я умолял его величество не отречься. Он же верил, что этим облегчится ведение нами войны и будет предотвращено кровопролитие внутри страны»². А.А. Мосолов в своих мемуарах отмечал отрицательную, по его мнению, роль В.Н. Воейкова в судьбе императора и монархии в дни Февраля, т. к. в связи с болезнью престарелого графа Фредерикса Воейков «как старший после министра двора и самый приближенный к императору человек несет главную ответственность за последние дни пребывания в Могилеве, за запоздалый отъезд государя и дни нахождения его величества в пути»³.

Так или иначе, вскоре В.Б. Фредериксу и В.Н. Воейкову пришлось покинуть своего монарха. Согласно воспоминаниям Воейкова, 4 марта в Ставке генерал М.В. Алексеев сказал ему: «Вы понимаете, что в такое революционное время, которое мы переживаем, народу нужны жертвы. Переговоривши с Родзянко и Гучковым, мы пришли к выводу, что граф [Фредерикс – П.Г.] и

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Ч. II. Д. 2459. ЛЛ. 1 – 3 об., 27 – 29, 96 об.

² Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 161.

³ Там же. С. 169.

вы должны быть этими жертвами»¹. Николай II, которому М.В. Алексеев тогда же доложил о крайней непопулярности В.Б. Фредерикса и В.Н. Воейкова и о необходимости их срочного отъезда из Ставки, согласился с этим². На следующий день (5 марта) министр двора и дворцовый комендант покинули Могилев, а бывший император записал в своем дневнике: «Простился с бедным гр. Фредерикс и Воейковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь; они уехали в его имение [в] Пензен[ской] губ[ернии]»³.

В действительности В.Б. Фредерикс и В.Н. Воейков поехали в разные стороны, но к 7 марта оба были арестованы бдительными гражданами: Фредерикс – в Гомеле, а Воейков – в Вязьме⁴. Обстоятельства их ареста и последующей доставки в Петроград освещали тогда многие центральные газеты⁵.

Важная роль в февральские дни досталась одному из старейших и наиболее авторитетных чинов МИДв обер-гофмаршалу П.К. Бенкендорфу⁶. Находясь в Царском селе, на время отсутствия В.Б. Фредерикса и В.Н. Воейкова он стал фактическим главой ведомства. Так, по свидетельству А.И. Спиридовича, в решающий день 27 февраля именно П.К. Бенкендорф в телефонном разговоре с В.Н. Воейковым проинформировал его (а тем самым и все императорское окружение в Ставке) о серьезном масштабе волнений в Петрограде⁷. В тот же день (точнее, в ночь с 27-го на 28-е) П.К. Бенкендорфу звонил по телефону и незадачливый «диктатор» генерал С.С. Хабалов, прося его разрешения воспользоваться припасами, хранящимися в Зимнем дворце. Все последующие дни П.К. Бенкендорф практически неотлучно пребывал в Александровском дворце, при императрице⁸.

На своем посту находился в эти дни и директор императорских театров В.А. Теляковский; его весьма подробный дневник является одним из ценнейших источников по исследуемой проблеме. Так, уже 26 февраля Теляковский записывал: «время от времени слышна стрельба из пулеметов и даже из окна моего кабинета были видны убитые»⁹. 27 февраля директор театров «говорил по телефону с гр. Ниродом и посоветовал ему переговорить с премьер-министром кн. Голицыным по поводу закрытия Императорских Театров. Гр. Нирод мне сообщил, что кн. Голицын находит весьма желательным Театры временно закрыть – я об этом немедленно сообщил в театры, а в Контору,

¹ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 201.

² Там же. С. 201 – 202.

³ Дневник Николая II // От первого лица. М., 1990. С. 14 – 15.

⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 213.

⁵ См., например: Вестник Временного правительства. 1917. 9 марта; Речь. 1917. 8, 9 марта; Новое время. 1917. 10, 11 марта.

⁶ Согласно воспоминаниям А.А. Мосолова, П.К. Бенкендорф «имел большой и заслуженный вес в министерстве двора» (Мосолов А.А. Указ. соч. С. 167).

⁷ Об этом разговоре упомянул в своих мемуарах и В.Н. Воейков (Воейков В.Н. Указ. соч. С. 165).

⁸ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 563, 599, 602, 619.

⁹ АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 42.

кроме того, послал письменное приказание»¹. В этой же записи отмечен характерный штрих: «сегодня собрались почти все в Конторе, а в Кабинете все почти чиновники отсутствуют и касса не открывалась»². Как видим, к решающему дню революции стойкость и выдержка даже рядовых служащих МИДв уже были серьезно поколеблены.

Значительно худшим было положение руководящего состава Ведомства. В Петрограде и его окрестностях в конце февраля - начале марта 1917 г. некоторые служащие высшего звена МИДв подверглись временному аресту; в их числе – директор Эрмитажа Д.И. Толстой³, начальник Царскосельского дворцового управления М.С. Путятин и помощник дворцового коменданта П.П. Гротен⁴, директор императорских театров В.А. Теляковский⁵. Ряд их

¹ Там же. ЛЛ. 43 – 43 об.

² Там же. Л. 43 об.

³ РГИА. Ф. 696. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

⁴ Оба были арестованы в Царском селе (См.: *Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 194).

⁵ В.А. Теляковский в своем дневнике (запись от 1 марта) оставил весьма колоритное описание обстоятельств ареста; позволим себе здесь его процитировать с некоторыми сокращениями: «Сегодня утром, едва я кончил пить кофе, как к подъезду моему подъехал автомобиль, в котором было несколько человек вооруженных и потребовали меня вниз. – Я просил их прийти в переднюю и вышел к ним. Вольноопределяющийся Волынского полка Вышневецкий, драматический артист, – мне заявил, что меня требуют в Думу; при этом он обратился к своим коллегам и сказал: «вот в каких царских хоробах живут сановники, в то время как народ голодает»; увидя Всеволода, он спросил кто это – я сказал, что мой сын – «ну и его мы арестуем» «хорошо вот жить рядовому под крылышком отца – вот я семейный человек, меня забрали – а сын директора у него живет». Я на это ему заметил, что сына моего забрали не смотря на то, что он белобилетник – так что я тут разницы не вижу. Мне не хотели даже позволить проститься с женой и едва я уговорил их подождать минуту. Когда я вышел на подъезд – стояла толпа народу, которой Вышневецкий объяснил, что арестовал директора театров, который жил в богатой квартире – раздались насмешки и возгласы – особенно женщины. Едва мы отъехали от подъезда, как Вышневецкий стал меня спрашивать помню ли я его, когда он приходил меня просить взять его в труппу Александринского театра и я ему отказал. При этом он рассказывал, какой он выдающийся артист. Когда меня довезли с Всеволодом до Государственной думы, то Вышневецкий объявлял толпе что везет директора Императорских театров. В Думе спросили его, зачем он меня арестовал и, когда Вышневецкий сказал, что я живу в царственных покоех – полковник кн. Туманов и некоторые члены Думы сказали, что это не причина; в это же время проходил Роздыанко (так в тексте – П.Г.) председатель Госуд[арственной] думы и увидев меня сказал, что это недоразумение и меня скоро отпустят, выдав вид на жительство – обещали также выпустить Всеволода – а пока мне предложили посидеть в одной из комнат канцелярии <...> В Думе уже действуют некоторые наши артисты и между прочим тенор Андреев, который позаботился, чтобы отпустили Всеволода и меня. Я вышел из Думы с Терещенко, который там работает и около 4-х час. дня пришел домой пешком» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. ЛЛ. 46 – 47). 5 марта директор театров занес в дневник: «Жена Горького мне телефонировала, что крайне возмущена поступком провинциального артиста Вышневецкого, который без приказа Думы меня арестовал» (Там же. Л. 51 об.). Речь в данном случае идет об артисте Б.Н. Вишневецком, служившем в то время унтер-офицером в Волынском полку (Театральная газета. 1917. 12 марта).

коллег, сказавшись больными, сами отошли от дел, передав управление вверенными им установлениями своим помощникам. Так поступили, в частности, начальник Гатчинского дворцового управления Н.Н. Крестьянов (2 марта)¹ и начальник Главного управления уделов В.С. Кочубей (7 марта)².

Нами выявлен один случай убийства высокопоставленного служащего МИДв в дни Февраля 1917 года³. Речь идет о заведующем хозяйством Придворной конюшенной части полковнике Александре Александровиче Шильдкнехте, исключенном 13 марта 1917 г. из списков чиновников этой части как «умерший 28 Февраля сего года»⁴. В формулярном списке А.А. Шильдкнехта последняя запись, помеченная 28 февраля, предельно лаконична: «Умер на службе»⁵. Некого «генерала Шильдкнехта» упоминает в своих мемуарах княгиня О.В. Палей в числе офицеров, убитых в дни Февральской революции⁶. Хотя здесь есть неточность (А.А. Шильдкнехт был полковником – впрочем, гвардейским полковником, так что мог считаться по общему счету и генералом), речь идет об одном и том же человеке⁷.

Характерно, что в служебной переписке, возбужденной детьми А.А. Шильдкнехта 20 марта 1917 г. (и тянувшейся более года) по вопросу о назначении им пенсии, высшие чины МИДв предусмотрительно избегали употребления в отношении своего бывшего коллеги прилагательного «убитый»,

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. Л. 124.

² Там же. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 5.

³ Известны также несколько случаев убийств носителей придворных чинов и званий, не служивших в МИДв – например, шталмейстера генерал-лейтенанта Г.Э. Стакельберга и гофмейстера Ф.М. Валуева (см.: Придворный календарь на 1917 год. С. 96 – 97, 108 – 109; Спиридович А.И. Указ. соч. С. 601; Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России. Сб. научн. ст. СПб., 2007. С. 34 – 40). А.И. Спиридович ошибочно называет Ф.М. Валуева камергером – согласно «Придворному календарю» он имел чин гофмейстера.

⁴ РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 166. Л. 14.

⁵ Там же. Д. 709. Л. 41.

⁶ Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции. С. 195. В.А. Теляковский также занес в свой дневник 28 февраля: «Разгромили, говорят, Конюшенное ведомство и арестовали генерала Грюнвальд (имеется ввиду заведующий Придворной конюшенной частью А.А. Гринвальд – П.Г.) – есть убитые конюшенные офицеры» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 45 об.).

⁷ Впервые об убийстве А.А. Шильдкнехта 28 февраля 1917 г. «мятежниками» написал С.В. Волков в своем фундаментальном труде, посвященном трагической судьбе гвардейских офицеров в годы революции и Гражданской войны (Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 536). Однако, исследователь, в сфере интересов которого были исключительно военнослужащие, указал в упомянутом труде лишь военное звание А.А. Шильдкнехта – полковник лейб-гвардии Конного полка. Шильдкнехт, как показывает его личное дело, действительно числился в этом полку до конца своих дней, но с 1894 г. его деятельность была связана преимущественно со службой в Министерстве двора (РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 709. ЛЛ. 36 – 42).

заменяя его нейтральным «умерший»¹ (те же термины – «покойный», «умерший» встречаются и в переписке о деньгах, найденных после смерти А.А. Шильдкнехта в его столе)². Можно подумать, что человек умер от старости, от переутомления или даже от усердия к службе. Лишь помощник комиссара 1-го подрайона Петроградской стороны К.А. Трауцин, проводивший дознание об имущественном положении дочерей А.А. Шильдкнехта, оставшихся сиротами, написал откровенно в своем рапорте: «Наталья и Лидия Александровны Шильдкнехт после смерти отца, *убитого во время революции* (курсив мой – П.Г.) Полковника Шильдкнехта, состоявшего на службе в бывшей Придворно-Конюшенной Части, проживали у своего дяди...»³. Из его же рапорта узнаем о судьбе квартиры А.А. Шильдкнехта, которая «во время революции была разгромлена, имущество частью похищено, частью испорчено»⁴.

Пока не удалось выяснить, были ли убийцами А.А. Шильдкнехта его непосредственные подчиненные, но это представляется вполне возможным⁵. Низшие служащие Придворной конюшенной части вообще отличались радикальными настроениями; вероятно, в связи с военизированной структурой этого учреждения, куда на руководящие должности назначались преимущественно офицеры-кавалеристы, в него перешел и ряд армейских порядков, вылившихся в 1917 г. в противостояние между солдатами и офицерами. Так, 13 апреля общее собрание служащих Придворной конюшенной части постановило обратиться в Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с рядом предложений, касавшихся улучшения их материального положения (в их числе – просьба об установлении восьмичасового рабочего дня)⁶. Сам по себе факт обращения в Совет уже показателен, как признак достаточно левых (для личного состава МИДв) настроений, царивших в данном коллективе. Примерно тогда же, в конце марта - начале мая общее собрание служащих той же части под председательством некоего Л. Полищука обратилось к уполномоченному комиссара Временного правительства над бывшим МИДв по делам Придворной конюшенной части депутату Государственной думы В.И. Дзюбинскому⁷ требуя (сохраняем орфографию оригина-

¹ РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 673. ЛЛ. 4 – 5. Интересно, что пенсия детям Шильдкнехта была назначена только 25 мая 1918 г. – уже от Народного комиссариата имуществ республики (Там же. Л. 48).

² Там же. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1331. ЛЛ. 1, 3.

³ Там же. Ф. 477. Оп. 11. Д. 673. Л. 14 об.

⁴ Там же. А.А. Шильдкнехт проживал на Большой Конюшенной, д. 2 (См.: Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. С. 765).

⁵ На это косвенно указывает и запись в формулярном списке («умер на службе»), и близость квартиры А.А. Шильдкнехта к комплексу зданий Придворной конюшенной части.

⁶ РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 1417. Л. 3.

⁷ В.И. Дзюбинский состоял «уполномоченным» по Придворной конюшенной части с 30 марта по 15 мая 1917 г. (См.: РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 680. Л. 5; Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. Л. 31). Упомянутый в тексте цитируемого документа генерал-лейтенант А.Х. Палеолог был уволен в отставку 4 мая 1917 г. (Там же. Д. 674. Л. 12). Следовательно, цитируемый документ был составлен между 30 марта и 4 мая 1917 г.

ла) «отстранить от занимаемых ими должностей, как не пользующихся доверием служащих» 8 начальствующих лиц Придворной конюшенной части¹ (здесь прослеживается уже очевидная аналогия с явлением выборности командиров в отдельных частях российской армии после Февраля 1917 г.).

Одним из знаковых событий Февральской революции в Петрограде стал разгром 28 февраля особняка В.Б. Фредерикса (его адрес – ул. Почтамтская, 23²). Об этом писали в свое время в прессе³; данный эпизод упоминается и целым рядом мемуаристов, связанных с придворным кругом⁴. А.А. Мосолов полагал, что разграбление и поджог этого дома (к которому граф «был очень привязан») представляли из себя «первое насильственное уничтожение частной собственности» во время революции⁵.

Сведений о серьезной, значительной порче имущества самого Министерства в дни Февраля не обнаружено; тем не менее, без некоторых эпизодов подобного свойства, конечно, не обошлось. Так, в одном из отчетов (от 6 апреля 1917 г.) начальник Петергофского дворцового управления генерал-лейтенант М.А. Лермонтов сообщал в Канцелярию МИДв: «...28 февраля с. г. из конюшни рабочего обоза взято войсками, проходящими в г. Петроград: двадцать лошадей, 25 уздечек, 5 шлей, 5 седелок, 5 дуг, 5 хомутов, 15 черезседельников, 15 суконных попон, пять саней ломовых с большими койками, 100 пудов сена и 345 пудов овса; а с фермы дачи «Александрия» – три рабочих лошади с сбруей, двумя ломовыми с койками и одними легковыми санями»⁶. В первые дни революции подвергся опасности и Ораниенбаумский Большой дворец, который, однако, серьезно не пострадал (благодаря решительным действиям местного выборного начальника подполковника Герасимова, волнения расположенной рядом Морской учебной стрелковой команды, вызванные слухами о якобы имеющихся во дворце складах оружия и драгоценностей, удалось пресечь, произведя в здании обыск)⁷.

¹ РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 1417. Л. 4.

² Весь Петроград на 1917 год. С. 719.

³ Новое время. 1917. 19 марта.

⁴ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 223 – 226; *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 155; *Палей О.В.* Указ. соч. С. 186. А.Н. Бенуа, проходивший 28 февраля по Конногвардейскому бульвару, записал в своем дневнике: «Пройдя несколько шагов по бульвару, я издали поглядел, как пожарные тушат пылающий особняк министра Двора гр. Фредерикса (его-то за что?)» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1916 – 1918 годов. С. 110).

⁵ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 155.

⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 48. Д. 716. Л. 44.

⁷ См. об этом подробн.: *Николаев А.Б.* Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий – узник Министерского павильона // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома. Сб. тр. межд. научн. конф. 16 – 18 октября 2001 г. СПб., 2005. С. 129. Слухи о событиях в Ораниенбауме доходили до революционной столицы в сильно преувеличенном виде. Так, 8 марта А.Н. Бенуа занес в свой дневник на основании телефонного разговора «с каким-то тамошним (Ораниенбаумским – П.Г.) военным лазаретом», что в Ораниенбаумском дворце состоялся «грандиозный обыск, более похожий на погром» (*Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 151). Впрочем, лично посетив Ораниенбаум 14 марта, А.Н. Бенуа нашел, что внешне дворец «в благополучном состоянии», а в интерьерах «картина разгрома довольно

Группа служащих МИДв приняла в дни Февральской революции участие в составлении так называемого «Манифеста великих князей» – неудавшейся попытке отстоять монархию, хотя бы конституционную. К этому документу исследователи Февраля обращались неоднократно; одна из последних и наиболее обстоятельных работ принадлежит перу Р.Ш. Ганелина¹. Она основана, прежде всего, на воспоминаниях (существующих в нескольких вариантах) одного из участников событий, присяжного поверенного Н.Н. Иванова, который, по словам Ганелина, «стал, выражаясь современным языком, «челноком» между Думским комитетом и Царским селом»². Действительно, согласно его собственным мемуарам, 27, 28 февраля и 1 марта 1917 г. Н.Н. Иванов несколько раз ездил в Царское, являясь как бы связующим звеном между вел. кн. Павлом Александровичем и его супругой кн. О.В. Палей (с которой Иванов был знаком по работе во Всероссийском обществе помощи военнопленным) и председателем ВКГД М.В. Родзянко. 28 февраля Н.Н. Иванов договорился с вел. кн. Павлом Александровичем «о форме и содержании» знаменитого манифеста, причем было условлено, что «текст изготовят лица из окружения государыни». Уехав затем в Петроград, Н.Н. Иванов вернулся в Царское 1 марта и, прочитав «составленный за ночь текст Манифеста за государя», почувствовал, как у него «подкашиваются ноги», т.к. в документе была «высокопарная лирика и ни одного конкретного предложения, ни одной немедленной меры»³. Это понудило Н.Н. Иванова переделать манифест, причем, по замечанию Р.Ш. Ганелина, «его собственная правка проекта вовсе не была такой радикальной, какой он стремился ее представить. Вписанный им взамен вычеркнутого фрагмент отличался лишь тем, что в нем была специально оговорена роль Родзянко, которому, как председателю Думы, поручалось составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны»⁴. Таким образом, согласно своим собственным воспоминаниям, Н.Н. Иванов явился всего лишь соавтором манифеста. Но кем же были те загадочные лица «из окружения государыни» (которая, как известно, отнеслась к великокняжескому манифесту крайне отрицательно), составившие основной текст документа?

Прояснению этого вопроса могут помочь мемуары княгини О.В. Палей, также находившейся в центре событий: «Около четырех часов дня, все еще 1 марта, к нам приехали кн. Михаил Путятин, г-н Бирюков – чиновник из министерства двора – и Иванов <...> На пишущей машинке Владимира (речь идет о вел. кн. Владимире Павловиче, сыне мемуаристки – П.Г.) составили

неутешительная, но тоже не такая безнадежная, какой она казалась издали» (Там же. С. 200).

¹ Ганелин Р.Ш. Проект манифеста Николая II, подготовленный великими князьями 1 марта 1917 г. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. (Сборник статей в честь Б.В. Ананьича). СПб., 2003. С. 40 – 53.

² Там же. С. 41.

³ Цит. по: Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 44.

манифест о даровании императором конституции. Великий князь (Павел Александрович – П.Г.) был того мнения, что надо испробовать все, чтобы спасти трон. Когда манифест был составлен, кн. Путятин побежал во дворец и поручил генералу Гротену – второму коменданту дворца¹ – просить государыню подписать его в отсутствие государя, пока тот не приедет. Нельзя было терять ни одной минуты. Несмотря на мольбы Гротена, который, говорят, даже стал перед ней на колени, государыня отказалась дать подпись. Тогда вел. кн. Павел поспешно подписал манифест, и Иванов отвез его в Петроград, где собрал подписи вел. кн. Михаила Александровича и Кирилла Владимировича. Манифест был тотчас же отвезен в Думу и вручен Милюкову, который, пробежав его глазами и положив в портфель, сказал: «Да, это очень интересный документ». Он, должно быть, сохранил его до сих пор, так как эта, важная в тот момент, бумага не увидела еще света»².

Как видим, роль Н.Н. Иванова княгиня, назвавшая его в мемуарах «письмоводителем нашего нотариуса»³, оценивала не как первостепенную. Впрочем, и современные исследователи отмечают, что в своих воспоминаниях Н.Н. Иванов «видимо, несколько преувеличивает свою роль»⁴. Но кто же, в таком случае, был автором текста? Кандидатуры обоих великих князей, как нам представляется, можно исключить. Во-первых, непонятно, зачем тогда понадобилось ждать приезда гостей – чиновников, а во-вторых, об авторстве подобной «важной в тот момент бумаги» княгиня Палей, несомненно, упомянула бы, будь авторами ее муж или сын.

Остаются М.С. Путятин и Е.А. Бирюков⁵. Они оба занимали в МИДв довольно высокие должности: Путятин – начальника Царскосельского дворцового управления, Бирюков – управляющего Канцелярией дворцового коменданта⁶. При этом действительный статский советник Е.А. Бирюков, имевший базовое юридическое образование⁷, а также 27-летний опыт службы в различных канцеляриях⁸ является, по нашему мнению, гораздо более веро-

¹ Неточность, допущенная мемуаристкой – генерал-майор П.П. Гротен был не «вторым комендантом» (такой должности не существовало), а помощником дворцового коменданта (*Любарская Т.Г.* Министерство императорского двора и его учреждения. С. 187).

² Палей О.В. Мои воспоминания о русской революции. С. 188 – 189.

³ Там же. С. 185.

⁴ *Краснова Е.И.* Великий князь Михаил Александрович в дни Февральской революции // История Петербурга. 2008. № 4. С. 34.

⁵ О М.С. Путятине в мемуарах Н.Н. Иванова есть несколько упоминаний (как раз в связи с «окружением Императрицы») (см.: *Ганелин Р.Ш.* Проект манифеста Николая II, подготовленный великими князьями 1 марта 1917 г. С. 49 – 51), об Е.А. Бирюкове не упоминается вовсе. Впрочем, по верному замечанию Р.Ш. Ганелина, рассказ Иванова «вообще игнорирует многие известные обстоятельства» (Там же. С. 42).

⁶ Придворный календарь на 1917 год. С. 462, 469.

⁷ Он учился в Императорском училище правоведения, которого, правда, так и не закончил (был отчислен из 6 класса по болезни) (РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 16. ЛЛ. 1 об. – 2).

⁸ В 1890 – 1903 гг. – в Канцелярии прошений, на высочайшее имя приносимых, в 1903 – 1916 гг. – в Канцелярии МИДв (РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 16. ЛЛ. 2 об. – 18).

ятным автором первоначального текста манифеста, чем генерал-майор М.С. Путятин¹ (что не исключает, конечно, возможности внесения М.С. Путятиным определенного вклада в составление документа²).

Весьма примечательной (особенно в свете описанных событий) является дальнейшая судьба Е.А. Бирюкова. В то время как Управление дворцового коменданта стало одним из первых упраздненных установлений МИДв (по представлению комиссара Ф.А. Головина Временное правительство еще 8 апреля приняло решение об упразднении этой структуры³, а все служащие Ведомства, согласно докладу Ф.А. Головина правительству 30 марта, подлежали увольнению⁴, Бирюков (бывший по должности одним из наиболее близких сподвижников одиозного дворцового коменданта В.Н. Воейкова⁵) не только не лишился работы (и не был арестован, как его соавтор М.С. Путия-

¹ Косвенным подтверждением этому может служить и обнаруженное нами в личном деле Е.А. Бирюкова в РГИА письмо к нему М.С. Путятин, написанное 16 января 1912 г.:

«Глубокоуважаемый Евгений Александрович.

За все сделанные Вами поправки, дополнения и изменения в нашем проекте – заранее сердечно благодарю. Завтра же рано утром все будет перепечатано начисто и подписанное будет доставлено неумедительно. Николай Васильевич Астафьев в курсе дела и Вы можете смело преподать ему Ваши указания.

Будьте здоровы и Богом хранимы.

Ваш Мих. Путятин» (РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 16. Л. 102). Письмо написано по малозначительному поводу (видимо, о награждении служащих Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги Царскосельским дворцовым управлением (Там же. ЛЛ. 101 – 101 об.); интересно оно не своим содержанием, а теми деталями, которые характеризуют взаимоотношения М.С. Путятин и Е.А. Бирюкова – в частности, признанием автором письма значительного бюрократического опыта своего корреспондента, к советам которого Путятин был склонен прислушиваться.

² А.С. Матвеев, приближенный вел. кн. Михаила Александровича, вспоминал о «манифесте великих князей»: «...этот акт, как я впоследствии узнал, был составлен в Царском Селе 28 февраля Евгением Александровичем Бироновым (так в тексте, правильно – Бирюковым – П.Г.), состоявшим в то время начальником канцелярии дворцового коменданта и кн. М.С. Путятиным, и подписан вел. князьями <...> Как мне сообщил Е.А. Биронов, означенный акт предлагался к подписи Императрице Александре Федоровне, которая должна была расписаться от имени малолетнего наследника, но Государыня от подписи отказалась» (Цит. по: *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 362). Поскольку А.С. Матвеев получил эти сведения непосредственно от Е.А. Бирюкова, указание на соавторство М.С. Путятин представляется довольно весомым.

³ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. М., 2001. Т. 1. С. 256.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 4. ЛЛ. 2 об. – 3, 10 об.

⁵ В.Н. Воейков впоследствии с возмущением вспоминал: «... я вызвал по телефону Царское Село. Ни одного из старших чинов моей канцелярии на месте не оказалось, так что я никакого толку добиться не мог <...> Как я впоследствии узнал от оставшихся без начальства младших чинов канцелярии, начальник и юрисконсульт моей канцелярии были в эти дни серьезно заняты делами, к их прямым обязанностям ни малейшего отношения не имевшими: они писали во дворце великого князя Павла Александровича проект конституции Российской империи» (*Воейков В.Н.* Указ. соч. С. 163 – 164). Генерал ошибочно относил эти события к 26 февраля, когда «верхи» еще в целом контролировали ситуацию; на самом деле «конституцию» писали 1 марта.

тин), но приказами Ф.А. Головина от 18 и 22 марта был причислен к Канцелярии МИДв (с увольнением, правда, от прежней должности)¹. В дальнейшем Е.А. Бирюков занимал в Канцелярии видное положение, заменяя ее начальника С.В. Гагарина во время ухода последнего в отпуск; служба Бирюкова продолжалась до января 1918 г., когда Канцелярия МИДв была упразднена Комиссариатом имуществ республики².

По-видимому, такое отношение Ф.А. Головина к Е.А. Бирюкову было вызвано выдающимися деловыми качествами последнего; остается при этом открытым вопрос, знал ли комиссар о той роли, которую сыграл (точнее, мог сыграть) Бирюков 1 марта 1917 г.

«Бывшее» министерство и новая власть

Среди не терпящих отлагательств вопросов, вставших перед всем российским чиновничеством после Февраля, была проблема установления определенных формальных отношений с властью, выдвинутой революцией. Если в большинстве ведомств эта проблема решалась с относительной легкостью, то служащие Министерства двора – учреждения, так сказать, кровно связанного со старым режимом, находились в непрестом положении³. Не выявлено пока еще ни одного документа, который бы свидетельствовал о тех или иных официальных контактах между руководством МИДв и Временным комитетом Государственной думы (не говоря уже о Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов) вплоть до отречения последнего императора. Когда же отречение состоялось, более выжидать было нельзя.

За отсутствием министра двора управление Ведомством переходило к его помощнику (эту должность с 1913 г. занимал граф М.Е. Нирод, неоднократно заменявший в предреволюционные годы В.Б. Фредерикса во время отъездов последнего вместе с императором из Петербурга)⁴. В первую очередь ему было необходимо добиться назначения в МИДв комиссара от ВКГД или Временного правительства, без чего никакая нормализация работы ведомства была невозможна. Первую попытку «заполучить» комиссара М.Е. Нирод предпринял 3 марта. Заведующий хозяйством Гофмаршальской части

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. ЛЛ. 16, 18.

² Там же. Оп. 46. Д. 16. ЛЛ. 17 об. – 18.

³ В.А. Теляковский занес 3 марта в свой дневник: «Наше Министерство совсем растерялось. Гр. Нирод продолжает писать бумаги, кн. Гагарин (имеется в виду вр. и. о. начальника Канцелярии МИДв С.В. Гагарин – П.Г.) тикал, о Волкове (имеется в виду управляющий Кабинетом Е. И. В. генерал-лейтенант Е.Н. Волков – П.Г.) я ничего не знаю – но у меня 2000 человек, которые на меня смотрят и ко мне обращаются как к начальнику – а касса Министерства, говорят, запечатана» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 48 об.). Впрочем, в конце записей за этот день В.А. Теляковский приписал: «Сегодня генер[алу] Волкову удалось получить с текущего счета банка 25.000, которые нам посланы для раздачи жалованья» (Там же. Л. 49). Не совсем справедливо и указание на то, что кн. С.В. Гагарин «тикал» – как увидим ниже, он в этот день вместе с М.Е. Ниродом ходил в Таврический дворец.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 76. ЛЛ. 16 об. – 19.

М.М. Аничков сообщал в частном письме (от того же числа) своему начальнику П.К. Бенкендорфу: «О назначении комиссара я обращался за содействием к графу Нироду, который сегодня же пешком вместе с князем Гагариным ходил в Государственную думу – но результат о назначении комиссара еще не удовлетворен»¹. Об этом неудачном походе записал в своем дневнике двумя днями позже и В.А. Теляковский: «Граф Нирод по-видимому растерялся. Он ездил с кн. Гагариным в Думу, дабы получить инструкции, что делать ему, но, не имея пропуска, в Думу не попал. Нирод написал бумагу – но конечно теперь не время бумаг и он не получил никакого ответа»².

В указанной «бумаге», написанной 3 марта М.Е. Ниродом на имя министра-председателя Г.Е. Львова, говорилось: «В виду образования нового правительства и в виду отсутствия министра императорского двора и уделов считаю долгом обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою не отказать в назначении комиссара для установления дальнейшего ведения дел в учреждениях Министерства императорского двора, хозяйственная жизнь коих не может быть остановлена»³. В тот же день такое же письмо Львову отправил и начальник Главного управления уделов (в дальнейшем – ГУУ) князь В.С. Кочубей (почти дословное совпадение текстов писем указывает на то, что они были согласованы заранее)⁴. Существенным отличием второго документа была лишь приписка в конце письма, в которой начальник ГУУ просил «независимо от сего» его «уведомить, кому должен я вручить свое прошение об увольнении от занимаемой должности»⁵.

Поскольку результата от этих писем, по-видимому, не было, 4 марта М.Е. Нирод отправил Г.Е. Львову еще одно, в котором сообщал, что «все учреждения Министерства императорского двора, признавая установившийся новый порядок правления, всецело подчиняются возникшему по почину Го-

¹ ГАРФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 27. Л. 2 об.

² АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 51. Тогда же директор театров отметил: «Я думаю, что гр. Нирод очень расстроен всем происшедшим. Дом гр. Фредерикса сожжен – графиню больную поместили в квартиру коменданта дворцового Воейкова, в том же доме, где живет гр. Нирод» (Там же).

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. Л. 1.

⁴ Интересно, что по высочайше утвержденному 21 декабря 1913 г. перечню обязанностей помощника министра двора в них входило управление (во время отсутствия министра) всеми установлениями МИДв, включая и ГУУ. Однако, традиционная независимость удельного ведомства и на этот раз взяла верх. Уже 25 апреля 1914 г. В.Б. Фредерикс письменно сообщил М.Е. Нироду вероятный итог скрытой дворцовой борьбы: «...Что же касается разрешения текущих дел по Главному управлению уделов, то я нахожу соответственным, чтобы вышеприведенный порядок был применен во время отсутствия моего из С.-Петербурга лишь при отъездах из столицы начальника Главного управления уделов» (РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 76. ЛЛ. 50, 84 – 84 об.). Таким образом, Удельное ведомство было выведено из-под компетенции помощника министра, поэтому В.С. Кочубею и потребовалось написать отдельное письмо.

⁵ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 3.

сударственной думы Временному правительству»¹. И вновь ответа не последовало. 5 марта М.Е. Нирод, сообщая в письме П.К. Бенкендорфу о своем обращении к Г.Е. Львову, вынужден был признать: «До настоящего времени, к сожалению, назначен комиссар лишь для заведывания делами Дирекции театров. Надеюсь, что моя просьба будет удовлетворена в самом непродолжительном времени; как только узнаю о назначении, немедленно Вам сообщу»².

Но что же правительство? Как показывают опубликованные журналы его заседаний, судьба Министерства двора находилась в поле зрения революционного кабинета с самого начала его работы. Еще на первом заседании Временного правительства, состоявшемся 3 марта³, министр финансов М.И. Терещенко «возбудил также вопрос об охране дворцовых, кабинетских и удельных земель, подчинив их надзору одного лица, с тем, чтобы оно находилось в подчинении у министра финансов. В качестве такого заведующего лица может быть назначенный правительством комиссар. Совет министров одобрил предположения министра финансов, установив, что в случае приглашения на должность комиссара членов Государственной думы, правительству с этим ходатайством надлежит обратиться в Комитет членов Государственной думы, который и назначает этих лиц»⁴.

Тем временем, еще 2 марта ВКГД назначил специального комиссара в Дирекцию императорских театров – им стал член Государственной думы октябрист Н.Н. Львов⁵. Н.Н. Львов развил на своем новом посту весьма актив-

¹ Там же. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. Л. 2. Данное весьма сдержанное по тону послание было опубликовано в «Вестнике Временного правительства» в числе прочих приветствий и уверений в верности новой власти; при этом слово «императорского» в газетном тексте исчезло – уже сказывалась революционная цензура (См.: Вестник Временного правительства. 1917. 23 марта).

² ГАРФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об.

³ Традиционная датировка, которой придерживаются и публикаторы журналов заседаний Временного правительства – 2 марта (Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 385 – 386). А.Б. Николаев привел ряд серьезных аргументов в пользу того, что это заседание состоялось 3 марта (*Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 562 – 563).

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 386.

⁵ О Н.Н. Львове см.: *Нарский И.В.* Львов Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 338 – 339. Несмотря на то, что в опубликованном фрагменте дневника В.А. Теляковского говорится о его поездке в Думу 3 марта, в ходе которой он «добился от Родзянко назначения комиссаром Н.Н. Львова», А.Б. Николаев предположил, что в действительности назначение Львова состоялось 2 марта. По мнению исследователя, хотя приказ о назначении Н.Н. Львова комиссаром, хранящийся среди других приказов ВКГД в фондах РГИА, и не датирован, но, имея номер (№ 140), может быть привязан к этой дате (2 марта), т.к. предыдущий и последующий приказы ВКГД были изданы именно в этот день (*Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 320 – 321). Предположение А.Б. Николаева подтверждается и другими документами – так, в фонде Дирекции императорских театров, хранящемся в том же архиве, есть машинописная копия приказа о назначении Н.Н. Львова комиссаром ВКГД, в котором проставлена дата – 2 марта (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 1).

ную деятельность¹. Уже 3 марта он, посетив Дирекцию, распорядился «впредь до последующих распоряжений Высшей правительственной власти» сохранить за В.А. Теляковским функции по управлению этим учреждением, причем контроль за финансовой стороной деятельности Дирекции театров Львов оставил за собой². В тот же день Н.Н. Львов выступил на собрании артистов в Александринском театре где, среди прочего, заявил о переименовании императорских театров в государственные³. В самом скором времени (не позднее 5 марта) на дверях всех трех петроградских государственных театров уже висело объявление: «По повелению Временного комитета Г[осударственной] думы вход в здание сие воспрещен. Какие-либо аресты, выемки, осмотр бумаг могут делаться не иначе, как по распоряжению г. комиссара, члена Г[осударственной] думы, Николая Николаевича Львова. За нарушение сего приказа виновные подвергаются строжайшему наказанию. Подписал член Г[осударственной] думы Н. Львов»⁴.

5 марта Н.Н. Львов (также в сопровождении В.А. Теляковского) явился на собрание труппы Мариинского театра. От имени труппы театра комиссара приветствовал известный оперный артист П.З. Андреев. «Изжив тиски старого режима», говорил он, «мы ныне ясно сознаем, чего нам не хватало и что было нашим тормозом». Выход из создавшегося положения, по словам Андреева, был «только в самой широкой автономии» Мариинского театра. От имени труппы артист просил Н.Н. Львова «в ближайшем будущем выслу-

Отметим, что о деятельности Н.Н. Львова в качестве комиссара в Дирекции театров 2 марта говорится и в соответствующей записи в уже цитированном дневнике В.А. Теляковского: «Сегодня целая компания рабочих пришла в Контору и нагнала страшный страх (так в тексте – П.Г.) на чиновников, которым заявила, что если сейчас им не выдадут точных и другое довольствие от чиновников ничего не останется. Я вызвал чиновников, их успокоил, а потом позвал к себе представителей и выборных от рабочих – с которыми лично и говорил, чтобы они успокоились, что все им положенное будет выдано, но в настоящую минуту происходит заминка, так как наша касса в Министерстве двора опечатана. Как раз в это время приехал комиссар Н.Н. Львов, который все мною сказанное подтвердил рабочим и они успокоились» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 47 об.). Соотнося эту запись с известиями следующего дня (поездка Теляковского в Думу, где он «добивается» назначения Львова комиссаром), можно выстроить следующую картину событий: 2 марта ВКГД назначил Н.Н. Львова комиссаром в Дирекцию театров, но не на постоянной основе, а временно, с целью нормализовать работу Дирекции. Н.Н. Львов и В.А. Теляковский быстро пришли к взаимопониманию, и 3 марта директор театров отправился в Думу хлопотать об утверждении Львова уже в качестве постоянного комиссара – по существу, руководителя, представителя революционной власти в Дирекции.

¹ В.А. Теляковский в своем дневнике 4 марта отметил: «Комиссар Н.Н. Львов почти ежедневно приезжает в Дирекцию и производит самое успокаивающее впечатление на всех служащих – своим тактом, спокойствием и благожелательным отношением». Позднее, 1 апреля, Теляковский так охарактеризовал Львова – к тому моменту уже бывшего комиссара: «Он бесспорно очень правдивый, добрый и симпатичный человек – но едва ли государственный» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. ЛЛ. 49 об., 86 об.).

² Николаев А.Б. Революция и власть. С. 327.

³ Там же. С. 369.

⁴ Новое время. 1917. 5 марта.

шать выбранный нами художественный совет и рассмотреть совместно выработанный внутренний распорядок»¹. Н.Н. Львов, согласно газетным отчетам, «просил труппу принять все зависящие от нее меры к возобновлению ее обычной художественной деятельности», пожелал «яркого развития свободного проявления народного гения и творчества» и закончил свою речь словами: «Да здравствует свободная Россия!», после чего в зале раздались бурные аплодисменты². Лично П.З. Андреев получил тогда же от комиссара театров удостоверение, что «впредь до особого распоряжения Военного министра он откомандирован в мое, комиссара, распоряжение и по отбыванию воинской повинности подчинен моим приказаниям»³.

Тогда же, 5 марта⁴, Н.Н. Львов нашел время для встречи с депутацией деятелей искусства (в их числе были А.Н. Бенуа, М. Горький, Ф.И. Шаляпин и др.), на которой обсуждался вопрос о создании на базе МИДв «Министерства искусств». А.Н. Бенуа после этой встречи записал в дневнике: «Из разговора [М.И.] Терещенко с Н.Н. Львовым мы узнаем, что самое Министерство двора продолжает функционировать по инерции, что нигде ничего пока не разрушено (только о Петергофе нет точных сведений). Все главные чины Министерства остаются до поры до времени на своих местах, и Н.Н. Львов хлопочет, чтоб правительство признало и утвердило и [Е.Н.] Волкова⁵, и [В.А.] Теляковского, и Д.И. Толстого⁶, и всех прочих. Терещенко с этим вполне соглашается, однако считает, что покамест лучше об этом не заявлять, – не надо, мол, дразнить гусей»⁷.

¹ ОР РНБ. Ф. 1056. Ед. хр. 521. Л. 1. Документ машинописный, внизу написано: «Председатель общего собрания артистов Мариинского театра» (им, видимо, и был тогда П.З. Андреев), но ничьей подписи на документе нет. В деле также имеется конверт с надписью: «Господину Николаю Николаевичу Львову. Здесь. Тверская ул., 4» (Там же. Л. 2). Это заставляет предположить, что данный вариант речи Андреева, возможно, предполагалось отослать Н.Н. Львову, но по каким-то причинам это сделано не было. Текст этой речи был с некоторыми несущественными изменениями опубликован в «Новом времени» (Новое время. 1917. 7 марта).

² Новое время. 1917. 7 марта; Речь. 1917. 8 марта.

³ ОР РНБ. Ф. 1056. Ед. хр. 7. Л. 1. Комендант государственных театров В.Ф. Безпалов вспоминал, что «Н.Н. Львовым в свое время все военнотружущие артисты государственных театров были прикомандированы к нему впредь до особого распоряжения военного министра. Каждому из военнотружущих тогда было выдано удостоверение об этом за подписью Львова» (*Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 72).

⁴ В заметке об этом совещании, помещенной в «Речи», дается другая дата – 6 марта (См.: Речь. 1917. 7 марта). Однако в дневнике А.Н. Бенуа содержится подробный рассказ об этой встрече, записанный 5 марта (*Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 130 – 142).

⁵ Управляющий Кабинетом е. и. в. – П.Г.

⁶ Директор Эрмитажа – П.Г.

⁷ *Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 136. У М.И. Терещенко, проявлявшего, как видим, особый интерес к судьбе придворного ведомства, могли быть на это и личные причины – ранее, до войны, он сам был служащим МИДв, состоя чиновником особых поручений при директоре императорских театров (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1912 год. СПб., 1912. С. 93).

Тем временем, на заседании 4 марта Временное правительство вернулось к вопросу о судьбе МИДв. По представлению министра финансов М.И. Терещенко ему было дано право «производить необходимые расходы по Министерству императорского двора»; кроме того, непосредственно в ведение Министерства финансов переходило одно из важнейших (и старейшее) установление МИДв – Кабинет е. и. в., в связи с чем правительство поручило М.И. Терещенко «выяснить вопрос о возможном обращении свободных средств Кабинета в облигации внутреннего военного займа»¹.

При этом в Кабинет в качестве правительственного комиссара был назначен член Государственной думы И.В. Титов², который до этого (в ночь на 28 февраля) уже назначался ВКГД комиссаром в Министерство финансов³, поэтому (в рамках курса на передачу МИДв в ведение Министерства финансов) это решение было вполне обоснованным. Однако, с учетом состоявшегося ранее назначения Н.Н. Львова появление еще одного комиссара вносило дополнительную путаницу, тем более, что у Львова уже появился свой кандидат на руководящую должность в МИДв. В.А. Теляковский занес в свой дневник 5 марта: «Около 3-х часов я вместе с Н.Н. Львовым поехал к управляющему Кабинетом генералу Волкову, чтобы переговорить относительно дальнейших функций Кабинета его величества, Кассы и Контроля Министерства. Н.Н. Львов предлагал Волкову исполнять как бы обязанности министра, но Терещенко, бывший моим чиновником особых поручений и ставший теперь министром финансов, предложил своему товарищу Титову взять на себя обязанности комиссара по Кабинету. – В 3 часа приехал Титов и после переговоров с Волковым – поехал с Львовым к председателю Совета министров – дабы установить эти отношения»⁴.

В просмотренных нами фондах Кабинета е. и. в. сведений о деятельности И.В. Титова удалось обнаружить крайне мало, по видимому, она ограничилась ревизией кабинетских финансов⁵. При этом новый комиссар взаимодействовал и с другими установлениями МИДв, чья деятельность касалась финансовой сферы. Служащий Контроля МИДв старший контролер П.П. Сланский в служебной записке, подготовленной уже для Советской власти в августе 1918 г., отмечал, что И.В. Титовым в свое время был взят отчет Контроля по доходам и расходам МИДв за 1915 г. (последний подобный отчет по Министерству, подготовленный до революции) и «не возвращен, несмотря на

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 27 – 28.

² В фундаментальном справочнике по государственным учреждениям Российской империи вместо него ошибочно указан И.В. Годнев (*Любарская Т.Г.* Указ. соч. С. 150).

³ *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 316.

⁴ АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. ЛЛ. 50 об. – 51.

⁵ В частности, в делах Кабинета сохранился документ, подписанный 6 марта министром финансов М.И. Терещенко и гласящий, что «на основании постановления Временного правительства от 6 марта 1917 года комиссару по Министерству финансов, члену Государственной думы Ивану Васильевичу Титову поручается наблюдение за финансовою частью бывшего Кабинета его величества» (РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 908. Л. 49).

неоднократные напоминания»¹. Дату формального окончания полномочий И.В. Титова как комиссара над Кабинетом, пока не удалось установить, но известно, что уже 22 марта он получил назначение комиссара в Пермскую губернию и район Уральских заводов².

Возвращаясь к заседанию Временного правительства 4 марта, тогда же при обсуждении вопроса «о порядке заведывания дворцами, художественными хранилищами и другими имуществами Министерства двора и Главного управления уделов» было решено «поручить общее заведывание названными имуществами комиссару Временного правительства³ члену Государственной думы Николаю Николаевичу Львову», придав ему в помощники инженера П.М. Макарова⁴.

Нельзя не отметить определенного противоречия в этих решениях – с одной стороны, казалось бы, МИДв переходит под контроль Министерства финансов; с другой, управление «имуществами» МИДв сосредоточивается в руках комиссара государственных театров Н.Н. Львова, о подчинении которого финансовому ведомству ничего при этом не говорилось.

Интересной личностью был и назначенный в помощники к Н.Н. Львову гражданский инженер П.М. Макаров – «близкий приятель» А.Ф. Керенского⁵, впоследствии сопровождавший императорскую семью в Тобольск⁶. Хотя весь 1917 год П.М. Макаров числился всего лишь помощником комиссара над МИДв, его влияние на дела ведомства было довольно значительным⁷.

¹ РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1336. Л. 14.

² Николаев А.Б. Титов Иван Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. С. 613.

³ Как уже говорилось выше, Н.Н. Львова назначил комиссаром Временный комитет Государственной думы. Однако в первые дни марта 1917 г. в ходе тесного сотрудничества между ВКГД и правительством сложился «институт двойных полномочий, когда направляемое (назначаемое) ВКГД лицо одновременно являлось и комиссаром Думы, и комиссаром Временного правительства» (Николаев А.Б. Источники по истории института комиссаров Временного комитета Государственной думы (по материалам РГИА) // Исследования источников по истории революции 1917 года. СПб., 1996. С. 16).

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 28.

⁵ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 137. О дружеских отношениях П.М. Макарова с А.Ф. Керенским см. также: Демьянов А. Из рассказов П.М. Макарова // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 1. С. 18.

⁶ Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2007. С. 489.

⁷ А.Н. Бенуа, тесно соприкасавшийся с П.М. Макаровым весной 1917 г. по делам, связанным с охраной бывших дворцовых ценностей и проектом создания Министерства искусств, дает ему на страницах своего «Дневника» массу негативных характеристик: «тряпка», «человек мелко-самолюбивый, но честолюбивый, с большим запасом зависти», «бездарный, сумбурный и нелепый человек», «круглый дурак и вполне достойный подданный Николая II», «мерзкий, скользкий (это в нем и напоминает проделки Верховенского) господин», «Петр Верховенский в миниатюре» и др. (Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 203, 232, 255, 292, 298, 320). Следует, впрочем, отметить, что на тысячах страниц дневников и воспоминаний А.Н. Бенуа подобных оценок удостаиваются очень многие современники Александра Николаевича – так, например, впервые увидев 5 марта Н.Н. Львова, Бенуа

Так, например, 6 марта Макаров сообщил А.Н. Бенуа «о своем намерении пригласить вместо Н.Н. Львова некое лицо из *Москвы* (курсив А.Н. Бенуа – П.Г.), имя которого он предпочитает пока держать в секрете»¹. В тот же день (6 марта) на очередном заседании правительства министр-председатель Г.Е. Львов (вероятно, по настоянию А.Ф. Керенского или непосредственно П.М. Макарова) предложил назначить комиссаров в МИДв, Собственную е. и. в. канцелярию и Канцелярию по принятию прошений. Министры постановили «просить члена Государственного совета Давида Давидовича Гримма наметить лиц из среды членов Государственного совета, которые могли бы принять на себя обязанности комиссаров названных учреждений»².

Это решение правительства свидетельствовало об ослаблении позиций Н.Н. Львова в МИДв. По свидетельству А.Н. Бенуа, Н.Н. Львов, столкнувшись с вмешательством А.Ф. Керенского и П.М. Макарова в дела МИДв, уже 5 марта заявил министру юстиции о своем желании покинуть пост комиссара³. З.Н. Гиппиус записала в своем дневнике 7 марта (со слов бывшего у них с Д.С. Мережковским дома П.М. Макарова): «Любопытно, что П.М. Макаров теперь правительственное лицо: Керенский сделал его комиссаром по охране дворцов (Н.Н. Львов ушел, не желая проводить коренной реформы в ведомстве Двора; что, мол, за революция, лучше просто «беречь гнездо». Хорош. На его место хотят Урусова⁴ или Головина, Ф.А.)»⁵. На самом деле Н.Н. Львов пребывал комиссаром театров еще около 10 дней. Из преобразований, осуществленных им в это время в Театральном ведомстве, можно отметить

«сразу узнал известный тип русского барина – из категории милых выродившихся или *gamollis*» (Там же. С. 135). Познакомившись с Ф.А. Головиным, комиссаром правительства в МИДв (о его назначении см. ниже), А.Н. Бенуа «впечатление <...> получил не особенно выгодное. Не разобрал, что это у него – напускная (уже по должности) угрюмая (вернее, унылая) важность, или это просто форма вялости, граничащая с какой-то... беспомощностью. Тощий, плешивый, с выдающимся (однако не «волевым») подбородком, со «смешными» длинными, заостренными, чуть кверху поднятыми усами, в длинном старомодном сюртуке, в котором он себя неловко чувствует. На слова скуп, говорит как-то неохотно и «грустно», чуть картавя. Потухшие усталые глаза (морфиномана?). Совершенно очевидно, что Макаров будет им распоряжаться, а при случае и прятаться за ним» (Там же. С. 159 – 160).

¹ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 142.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 39.

³ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 138.

⁴ Согласно Т.В. Воронцовой, автору комментариев к дневникам З.Н. Гиппиус, имеется в виду гофмаршал, член Государственного совета В.М. Урусов: *Гиппиус З.Н. Дневники: в 2-х кн. М., 1999. Кн. 1. С. 712.*

⁵ Там же. С. 482. Это первое обнаруженное нами упоминание кандидатуры Ф.А. Головина на пост комиссара в МИДв (хотя можно полагать, что П.М. Макаров уже 6 марта в разговоре с А.Н. Бенуа, упоминая «лицо из Москвы», имел в виду тех же лиц, о которых он позже рассказал З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковскому). В выборе П.М. Макаровым (или его другом-покровителем А.Ф. Керенским) кандидатуры Ф.А. Головина могли сыграть роль и масонские связи – все трое были «братьями» (См.: *Серков А.И. Русское масонство 1731 – 2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 256, 388 – 389, 509.*)

учреждение 7 марта новой должности «коменданта государственных театров»¹ и назначение на нее подпоручика В.Ф. Беспалова².

Возвращаясь к принятому Временным правительством 6 марта решению назначить комиссара в МИДв, нельзя не отметить, что оно во многом обесмысливало ряд предыдущих постановлений в отношении придворного Ведомства: назначение И.В. Титова в Кабинет, делегирование Н.Н. Львову полномочий по заведыванию дворцовыми имуществами. Однако Временному правительству потребовался всего лишь один день, чтобы внести еще большую сумятицу в ситуацию вокруг МИДв. Уже 7 марта правительство, выслушав сообщение министра земледелия на тему: «О необходимости установления порядка заведования и способов использования земель Кабинета его величества и государевых» постановило: «Поручить разработку означенного вопроса министру земледелия совместно с министром финансов»³. Таким образом, к «разделу наследства» МИДв подключилось еще одно государственное учреждение – Министерство земледелия (именно к нему позднее и перешли земельные богатства Уделов и Кабинета).

Представляется, что у этой достаточно сумбурной политики, в итоге которой спустя пять дней после падения монархии Придворным ведомством руководили два министерства и два комиссара, было несколько причин. Одна из них – сложная структура самого МИДв, в которую были включены и крупнейшие театры, и дворцы с их художественными сокровищами, и обширные земельные владения. Долговременное объединение управления алтайскими рудниками и петербургской балетной труппой, придворной капеллой и придворной конюшней было возможно только в условиях монархии. Наряду с этим можно отметить и отсутствие у членов Временного правительства ясной и единой точки зрения на вопрос о будущем МИДв, и развернувшееся в среде художественной интеллигенции обсуждение проекта создания «Министерства искусств»⁴, вносившее в вопрос о судьбе МИДв дополнительную неопределенность.

¹ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 369 – 370. А.Б. Николаев пишет также об издании 8 марта приказа, официально утвердившего возникшее еще 3 марта наименование бывших императорских театров государственными (Там же. С. 369). В верхней части документа, на который ссылается исследователь, действительно есть дата «8 марта»; однако это всего лишь поздняя канцелярская пометка, т.к. внизу там же стоит штамп с надписью: «Объявлено в журнал распоряжений 6 марта 1917 г.» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 4). Таким образом, приказ был издан не позднее 6 марта.

² По воспоминаниям В.Ф. Беспалова, реально руководившего охраной театров с 1 марта, Н.Н. Львов назначил его комендантом уже 3 марта. Таким образом, 7 числа Львов лишь официально оформил состоявшееся ранее назначение (*Беспалов В.Ф. Театры в дни революции 1917.* С. 22 – 28).

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 46.

⁴ О неосуществленном проекте создания «Министерства искусств» см.: *Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году.* М., 1983. С. 74 – 149; *Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль - октябрь 1917 г.).* Л., 1988. С. 200 – 216; *Бенуа А.Н. Указ. соч.* С. 124 и далее.

О том, как воспринимались эти события служащими МИДв, мы имеем лишь отрывочные сведения. Несомненно, что революционные потрясения, особенно поначалу, явились серьезным ударом для чинов придворного ведомства: так, В.А. Теляковский, посетивший 4 марта здание Кабинета е. и. в., нашел, что «там полная растерянность. На [Н.Э.] Рюдмане¹ лица нет. Чиновники Кабинета и Контроля на службу не ходят и все чего-то ждут»². Днем ранее М.М. Аничков сообщал П.К. Бенкендорфу, что «в силе возможности чины Гофмаршальской части бывают в Управлении и нервно работают»³.

Тревожные сообщения поступали и из провинции – так, 6 марта помощник начальника Алтайского горного округа Кабинета Е. И. В. Л.Л. Маслов телеграфировал Управляющему Кабинетом Е.Н. Волкову (сохраняем орфографию документа): «на основании Манифеста и акта Великого Князя отдал приказ о подчинении Временному Правительству. Для охраны имущества вошел тесное сношение с камитетом общественного порядка основанном [в] Барнауле распоряжением губернатора пасредством двух избранных служащих членами. От начальника округа никаких сведений нет прошу выяснения дальнейшего палажения округа»⁴.

В РГИА сохранились тексты трех телеграмм, отправленных 7 марта 1917 г. заведующим Контролем МИДв В.С. Федоровым своим подчиненным в Москву, а также в Алтайский и Нерчинский горные округа (подконтрольные Кабинету е. и. в.). В телеграммах говорилось: «Министерство подчинилось Временному правительству. Правительство решило сохранить действие всех учреждений Министерства на прежних основаниях в полном объеме. В личном составе не предвидится пока никаких перемен. Для наблюдения за финансовыми делами Министерства назначен член Государственной думы Титов»⁵. Тогда же, 7 марта, А.Н. Бенуа и П.М. Макаров, приехавшие в Кабинет е. и. в. (располагавшийся во флигеле Аничкова дворца) застали управляющего Кабинетом генерал-лейтенанта Е.Н. Волкова за произнесением «прощальной речи перед собранием служащих» (он уже тогда подал в от-

¹ Помощник управляющего Кабинетом е. и. в., заведующий Хозяйственным отделом Кабинета. – П.Г.

² АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 49 об.

³ ГАРФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 3 – 3 об. В то же время низшие служащие МИДв явно воспрянули духом: «Среди прислуги также началось брожение. <...> Сторожа, рабочие, домашняя прислуга – все собираются предъявить новые требования – не сообразуясь, что именно теперь стало трудно не им одним, но и тем, которые их содержат и платят жалованье» – записал 1 марта в своем дневнике В.А. Теляковский (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 47).

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 908. ЛЛ. 50 – 51.

⁵ Там же. Ф. 482. Оп. 6. Д. 295. Л. 1. Тексты телеграмм одинаковые, за одним исключением – в телеграммах, адресованных в горные округа, после слов «учреждений Министерства» добавлялось также «в частности Нерчинского округа и Контроля», «в частности Алтайского округа и Контроля» (Там же).

ставку, но оставался еще у дел «до вступления в должность нового начальства»¹.

8 марта 1917 г. на заседании Временного правительства по представлению министра-председателя Г.Е. Львова было принято важное для дальнейшей судьбы МИДв решение: «назначить комиссаром в бывшее² Министерство императорского двора Федора Александровича Головина»³. Таким образом, на второй неделе революции МИДв обрело, наконец, своего нового руководителя, а бывший председатель II Государственной думы Ф.А. Головин вторично оказался на подмостках российской истории⁴.

Комиссар Временного правительства

¹ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 147 – 148. Поездка состоялась по просьбе П.М. Макарова, желавшего, чтобы А.Н. Бенуа лично познакомил его с Е.Н. Волковым.

² Здесь (по-видимому, впервые) в официальном тексте появляется такая необычная формулировка, как «бывшее министерство». В дальнейшем на протяжении всего революционного года в «шапке» подавляющего большинства документов, исходящих от тех или иных установлений МИДв, эта формулировка присутствовала. Причем если бланки были еще «царскими», то слово «бывшее» наспех впечатывалось или вписывалось сверху, а слово «Императорского» зачеркивалось от руки или машинописными «крестиками» (См., напр.: РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Д. 2312. ЛЛ. 47 – 55, 57 – 58). Факт функционирования в течение почти целого года «бывшего министерства», как представляется, заслуживает специального юридического анализа.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 53. Тогда же правительство постановило передать находившиеся ранее в ведении МИДв «бывший Императорский фарфоровый завод и гранильные фабрики в Петергофе, Екатеринбурге и на Алтае в заведование Министерства торговли и промышленности» (Там же). Таким образом, к предполагаемому расчленению придворного ведомства было подключено еще одно министерство.

⁴ А.Б. Николаевым был поставлен вопрос о более ранней дате назначения Ф.А. Головина комиссаром в МИДв. Опираясь на один из выявленных им списков комиссаров ВКГД (составленный не ранее 11 марта), где среди 25 комиссаров перечислен и Ф.А. Головин, исследователь включил его в число комиссаров ВКГД как «ранее не известного комиссара» (Николаев А.Б. Источники по истории института комиссаров. С. 15, 18, 24). В другой своей работе А.Б. Николаев высказал предположение, что Ф.А. Головин был назначен ВКГД комиссаром в Министерство двора «видимо, <...> 2 марта» (Николаев А.Б. Революция и власть. С. 321). Эта дата выбрана, вероятно, потому, что «после образования Временного правительства ВКГД приказы о назначении комиссаров не издавал» (Николаев А.Б. Источники по истории института комиссаров. С. 12). Однако, никакими иными документами факт назначения Ф.А. Головина в МИДв 2 марта не подтверждается. В самом Ведомстве в то время о Головине и не слыхали, что подтверждается цитированными выше письмами и телеграммами руководящих чинов МИДв. Первый приказ Ф.А. Головина по ведомству МИДв был издан 10 марта (см. об этом далее), что было бы весьма странно, если бы его назначение состоялось 2-го числа. По нашему мнению, нет оснований считать Ф.А. Головина комиссаром ВКГД. Обращает на себя внимание тот факт, что список, выявленный А.Б. Николаевым, изначально не имел никакого названия – как список комиссаров ВКГД его определил уже сам исследователь. Можно предположить, что неизвестный составитель этого документа вписал в него вообще всех известных ему «комиссаров», не вдаваясь в подробности, кем они были назначены – ВКГД или Временным правительством. Таким образом, комиссар правительства Ф.А. Головин, получивший свое назначение 8 марта, и оказался в числе лиц, поименованных в этом документе.

В то время, когда Ф.А. Головин получил назначение в МИДв, в большинстве ведомств революционные комиссары уступили власть новым министрам¹. Однако, особенность МИДв состояла в том, что после Февраля его уже не мог возглавлять министр; невозможно было, в самом деле, представить среди членов Временного правительства министра императорского двора. Поэтому данное Ведомство стало единственным в России Министерством, которым на протяжении практически всего 1917 года руководил комиссар.

В связи с этим представляется интересным прояснить некоторые вопросы, связанные с объемом полномочий указанного лица, которые поначалу вообще не были никак определены. Лишь 20 марта Временное Правительство постановило «объявить во всеобщее сведение, что имущества, предприятия и капиталы бывшего Министерства двора, перешедшие ныне в собственность государства, состоят под его охраной, в лице назначенного Временным правительством особого комиссара по делам названного министерства, Федора Александровича Головина, от которого только и могут исходить распоряжения, касающиеся упомянутых имуществ, предприятий и капиталов»². Таким образом, данным постановлением подтверждались исключительные полномочия Ф.А. Головина в области управления хозяйством бывшего МИДв. Однако, о правах и обязанностях комиссара в сферах политической и административной, в вопросе отношений со служащими ведомства ничего не было сказано.

В правительственном постановлении от 8 марта говорилось о назначении Ф.А. Головина в «Министерство императорского двора» – так это Ведомство в старой России часто и называли, сокращая полное наименование, содержащее в себе прибавку «и уделов». Главное управление уделов, хотя и имело значительную степень самостоятельности, все же подчинялось предшественнику Головина графу Фредериксу. Но сохранилось ли это подчинение теперь по отношению к комиссару Временного правительства?

Само правительство (возможно, после некоторых колебаний³) постановило 10 марта оставить во главе Главного управления уделов его прежнего начальника В.С. Кочубея. При этом, однако, решения о выведении Уделов из состава МИДв тогда не было принято (только 16 марта они были выделены в самостоятельное Главное управление). Это ставило Ф.А. Головина в юридически двусмысленное положение. Отголоском данной революционно-бюрократической неразберихи служит отношение и. д. начальника Канцеля-

¹ «Деятельность комиссаров ВКГД как руководителей правительственных учреждений окончилась с вступлением в должность министров Временного правительства», отмечает А.Б. Николаев (См.: *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 374).

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 139.

³ «Новое время», например, сразу после назначения Ф.А. Головина поторопилось сообщить своим читателям, что в его ведение «переданы также все учреждения и имущества Удельного ведомства» (Новое время. 1917. 9 марта). Можно полагать, что редакция этой крупнейшей русской газеты имела свои источники в правительственных кругах.

рии МИДв С.В. Гагарина В.С. Кочубею от 18 марта: «Препровождая при сем приказ комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов за № 1, покорнейше прошу Вас ознакомить с содержанием сего приказа всех служащих» далее в тексте зачеркнуто: «Главного управления уделов, так и подведомственных оному установлений» и вписано «в подведомственных Главному управлению уделов дворцах»¹. Эта правка говорит нам как о неопределенности полномочий Ф.А. Головина, так и о существовавшем уже тогда проекте раздела Удельного ведомства, с возвращением подконтрольного ему дворцового хозяйства обратно, в «бывшее» МИДв (впоследствии так и будет сделано).

Сам Ф.А. Головин и до, и в течение месяца после 16 марта в своих приказах называл себя «Комиссаром Временного правительства по Ведомству бывшего Министерства двора и уделов»² (при этом в жизнь Уделов он не вмешивался и никаких распоряжений по этому Ведомству не издавал). Однако, после постановления правительства от 14 апреля о передаче большей части удельных богатств (кроме подведомственных Главному управлению уделов императорских дворцов) в ведение министерств земледелия и торговли и промышленности³ ситуация изменилась, и уже 21 апреля в Канцелярию МИДв поступило отношение из Канцелярии Ф.А. Головина с просьбой «заказать возможное количество всех бланков для Канцелярии комиссара без надписи «и Уделов», а также заказать новые штампы и печати с устранением той же надписи»⁴. Тем не менее, как минимум до конца мая еще использовались старые бланки, в которых слова «и Уделов» зачастую (но далеко не всегда) вычеркивались⁵.

Сразу же после назначения Ф.А. Головина комиссаром в МИДв центральный орган доминирующей в правительстве кадетской партии газета «Речь» оповестила своих читателей, что «Член Гос[ударственной] думы Н.Н. Львов остается комиссаром по государственным театрам»⁶. Вопрос о разграничении полномочий Ф.А. Головина и Н.Н. Львова в этот период представляется довольно запутанным, т. к. решение правительства от 6 марта о передаче Львову заведования «имуществами» МИДв отменено формально не было, в то же время и в постановлении о назначении Головина комиссаром МИДв об изъятии театров из его ведения ничего не говорилось⁷. Тем не менее, уже вторым своим приказом по МИДв (изданным 10 марта) Ф.А. Голо-

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. Л. 7.

² См.: Там же. ЛЛ. 1 – 32.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 289 – 290.

⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Д. 2344. Л. 40.

⁵ См.: Там же. ЛЛ. 55, 58 – 60, 65, 69 – 71, 75 – 76, 78, 80 – 83. В одном случае чиновники по ошибке зачеркнули слово «Двора» (Там же. Л. 73).

⁶ Речь. 1917. 9 марта.

⁷ А.Н. Бенуа занес в свой дневник 9 марта: «Головин назначен, утвержден, и он «всецело на нашей стороне». Однако позже я в газете прочел, что и Н. Львов тоже остается! Как же так?» (Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 153).

вин назначил своим помощником гражданского инженера П.М. Макарова – того самого, которого правительство 4 марта определило помощником к Н.Н. Львову¹. Это переподчинение косвенно указывает на концентрацию всей власти в ведомстве в руках Ф.А. Головина практически сразу после его назначения. Вскоре проблема разрешилась и с формальной точки зрения – 16 марта² Н.Н. Львов, к тому времени уже тяготившийся своими полномочиями³, передал их Ф.А. Головину⁴.

Правомерно задаться вопросом, каковы были границы власти Ф.А. Головина в МИДв и как они соотносились с полномочиями его предшественников – министров двора? Как показывает анализ приказов комиссара, изданных им в марте – ноябре 1917 г., в сферу его компетенции входили, во-первых, дела по личному составу Ведомства – прием на службу, назначения на должности, перемещения по службе, увольнения в отпуск и от службы (большинство последних производилось «по личному прошению» увольняемых). Во-вторых, Ф.А. Головин имел право (и активно им пользовался) переименовывать и реформировать те или иные установления МИДв, а также создавать различные комиссии и совещания, связанные с деятельностью МИДв (разбором дворцовых архивов, охраной имущества и т. д.)⁵. Таким об-

¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 10.

² В.А. Теляковский записал 16 марта в дневнике, что Н.Н. Львов сообщил ему, что он «окончательно решил отказаться от руководства делами театров и передать их, как и другие установления Министерства, их заведующему Федору Александровичу Головину назначенному исполнять функции бывшего министра двора» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 67 об.). Информация об этом появилась в газетах 17 марта (См.: Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта).

³ 14 марта В.А. Теляковский записал в своем дневнике (со слов чиновника особых поручений при Дирекции театров П.П. Посникова, ездившего в этот день к Н.Н. Львову), что «комиссару нашего Министерства Головину очень бы хотелось получить в свое ведение и театры; с другой стороны, Н.Н. Львову хотелось бы от этого отказаться – но есть причина, которая может помешать Головину, это что он женат на еврейке» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 64 об.). Не касаясь последнего замечания (свидетельствующего о неполном понимании директором театров послефевральских реалий) отметим, что одной из причин разочарования Н.Н. Львова в деле организации театров было поведение артистов. Тот же Теляковский записал 15 марта, как при разговоре с ним и М.И. Терещенко Н.Н. Львов «рассказывал свои впечатления от бесконечных мелких просьб, с которыми к нему обращались артисты в такие важные знаменательные дни» (Там же. Л. 65 об.).

⁴ Тем не менее, в течение некоторого времени после этого Н.Н. Львов еще занимался театральными делами. В.А. Теляковский отметил в своем дневнике 20 марта: «В 11 ? часов ко мне приехал комиссар член Государственной думы Н.Н. Львов»; Львов рассказывал Теляковскому, как он пытался до этого (в тот же день) убедить хор Мариинского театра примириться с Ф.И. Шаляпиным (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. ЛЛ. 72 об. – 73).

⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. ЛЛ. 1 – 138. О деятельности Ф.А. Головина в МИДв см. также: *Голостенов М.Е.* Головин Федор Александрович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 81; *Тютюнник Л.И., Додонов Б.Ф.* Учреждения Временного правительства // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917. СПб., 1998. Т. 1. С. 236 – 237. Головин Федор Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. С. 133 – 134.

разом, власть Ф.А. Головина в порученном ему Ведомстве была вполне реальной и сопоставимой с той, которую имели его предшественники.

Можно предположить, что эта власть в значительной степени опиралась на лояльность служащих МИДв, в большинстве своем далеких от революционного радикализма. После Февраля 1917 года в Ведомстве по-прежнему строго соблюдалась субординация. Так, например, и. д. начальника Канцелярии МИДв С.В. Гагарин обратился 22 июня 1917 г. к Ф.А. Головину с официальной просьбой о разрешении вступить в брак. В это время подобная формальность уже выглядела, как представляется, несколько старорежимно¹.

Таким образом, положение Ф.А. Головина в «бывшем» МИДв было хотя и прочным, но юридически неопределенным².

Рассмотрим первые шаги Ф.А. Головина на посту комиссара над МИДв. Не удалось пока установить точную дату его приезда из Москвы в Петроград – во всяком случае, это случилось между 6 (когда П.М. Макаров намекал А.Н. Бенуа о желательности приглашения вместо Н.Н. Львова некоего лица из Москвы) и 9 марта – в этот день (или «к этому дню» – источник здесь не дает полной ясности), по свидетельству того же Бенуа, его давний знакомый В.Ф. Нувель, видный деятель «Мира искусства» и по совместительству помощник делопроизводителя Канцелярии МИДв «успел уже съездить к приехавшему из Москвы Головину – «представиться по службе»,

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 76. Л. 227. Хотя, российским законодательством и запрещалось «лицам, состоящим в службе, как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальств, удостоверенного письменным свидетельством» (Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. X. Часть I. С. 1. Ст. 9), тем не менее, вопрос о признании комиссара революционного правительства (а не министра двора) «начальством» для и. д. начальника Канцелярии МИДв представляется юридически неоднозначным. Таким образом, обратившись к Ф.А. Головину за разрешением на вступление в брак С.В. Гагарин лишний раз продемонстрировал образец традиционной чиновной дисциплины. Другой пример сохранения строгой субординации – отношение заведующего «бывшим Придворным духовенством» протопресвитера А.А. Дернова в Канцелярию МИДв от 20 марта 1917 г. «Имея надобность отбыть в Москву», – писал А.А. Дернов, – «считаю долгом уведомить Канцелярию бывшего Министерства двора, что таковую поездку я предпринимаю с ведома комиссара Временного правительства по делам бывшего Министерства двора Ф.А. Головина, выезжаю из Петрограда 21 сего Марта вечером и намерен пробыть в Москве одну неделю...» (РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (14 доп.). Д. 23. Л. 4).

² В частности, некая В. Лорис-Меликова, писавшая Головину 5 мая 1917 г. по вопросу о продолжении выдачи ей денег из Канцелярии императрицы Марии Федоровны, адресовала свое письмо «Господину комиссару Временного правления и Государственной думы министру Императорского двора Федору Александровичу Головину» (РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Д. 2314. Л. 87). Это, конечно, всего лишь курьезный пример революционно-бюрократической неразберихи, но в определенном смысле характерный – источником власти Ф.А. Головина было Временное правительство, в то же время само слово «комиссар» ассоциировалось с Думой, от имени которой (а точнее, от имени ВКГД) назначались в дни Февраля комиссары в различные учреждения; с другой стороны, реальный объем полномочий Головина в МИДв заставлял проводить параллели с «настоящими» министрами двора.

и тот его обнадежил насчет его дальнейшей судьбы. Канцелярия министра¹ двора, во всяком случае, остается при прежнем составе!»².

Наконец, 10 марта Ф.А. Головин уже реально вступил в управление МИДв, издав свой «приказ № 1». Оповещая служащих МИДв о вступлении «в управление Ведомства бывшего Министерства двора и уделов», Ф.А. Головин писал: «Призываю всех лиц, состоящих на службе в отдельных управлениях ведомства продолжать исполнять свои обязанности и занятия установленным порядком, памятуя, что отныне, когда судьбы народа находятся в его собственных руках, все они служат более не лицам, а всему русскому народу и родине.

Все служащие могут быть уверены, что при добросовестном отношении к порученному им делу и действительной преданности новому строю, основанному на началах свободы и равенства всех перед законом, они могут рассчитывать на мою постоянную поддержку и содействие.

Обращаясь особенно к составу служащих различных дворцовых управлений», – продолжал комиссар (при этом в черновом тексте приказа был зачеркнут стоящий перед словом «служащих» эпитет «нижних» – возможно, по той же причине, по которой и в армии после Февраля стали избегать выражения «нижние чины»), – «я благодарю их от имени правительства за ревностную охрану вверенного им государственного имущества.

Я надеюсь, что напряженной работой и неустанным трудом все служащие Ведомства от старших до младших покажут, что они сознают величие переживаемого нашей родиной момента и помогут Временному правительству в ответственной задаче, возложенной на него народом»³.

Как видно, в этом приказе, первом шаге правительственного комиссара на своем посту, сквозили и отчетливые нотки революционного недоверия к придворным служащим («при <...> действительной преданности новому строю», «надеюсь, что <...> все служащие <...> покажут, что они сознают...»), и успокоительные обещания («продолжать <...> установленным порядком», «могут рассчитывать на мою постоянную поддержку»). Для того, чтобы прояснить все опасения, необходима была, конечно, личная встреча Ф.А. Головина с его новыми подчиненными. В ее преддверии, 10 марта М.Е. Нирод разослал начальникам всех установлений МИДв приглашение «прибыть одиннадцатого сего марта к 3 часам пополудни в Канцелярию Министерства (Фонтанка 20), к каковому времени приедет в Канцелярию назначенный Временным правительством комиссар по административной части»⁴

¹ Так в тексте, правильно – Канцелярия Министерства.

² Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 154.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта; РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. Л. 2.

⁴ Не вполне ясная формулировка «по административной части» была, вероятно, связана с восприятием И.В. Титова как комиссара «по финансовой части» (См. цитированные выше телеграммы В.С. Федорова: «Для наблюдения за финансовыми делами Министерства назначен член Государственной думы Титов»).

Министерства императорского двора Федор Александрович Головин для ознакомления с начальниками установлений Министерства»¹. В приписке к одному из подобных приглашений говорилось: «лицам, состоящим в гражданских чинах, сообщено, что надлежит быть в сюртуках»² – вероятно, во избежание явки служащих в неуместных в данное время придворных мундирах³.

Судя по сохранившемуся газетному отчету о первой личной встрече Ф.А. Головина с начальниками придворных ведений, состоявшейся 11 марта, сказать комиссару было особенно нечего. «Ф.А. Головин обратился с речью, в которой указал, что он понимает то особое положение, в котором сейчас находится ведомство и все его служащие», – отмечал корреспондент «Нового времени». «Задача Временного правительства по отношению к данному ведомству заключается в том, чтобы сохранить в целостности и неприкосновенности все то большое достояние, которое заключается в ценных дворцовых имуществах, художественных коллекциях и особых капиталах». Далее комиссар указал, «что в своей работе он намерен идти рука об руку с чинами ведомства, которых приглашает к совместной работе.

Как выльется дальнейшая жизнь ведомства, – Ф.А. Головин затрудняется сказать и лишь указывает, как одну из возможностей, объединение бывшего ведомства двора с каким-либо другим учреждением в новое ведомство изящных искусств».

После выступления одного из наиболее авторитетных чиновников ведомства, бывшего начальника Канцелярии МИДв В.С. Кривенко (сказавшего, что «весь состав работников ведомства считает своею нравственною обязанностью нести свою работу так, как они несли ее и до сих пор»), а также поддержавшего его заведующего Контролем МИДв В.С. Федорова, Ф.А. Головин сообщил, что «все лица, имеющие в нем надобность по служебным делам, могут обращаться к нему в Зимний дворец, где будет помещаться канцелярия комиссара Временного правительства»⁴.

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. ЛЛ. 5 – 8. «Это, вероятно, последняя бумага Министерства двора», – записал в дневнике получивший данное уведомление В.А. Теляковский (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. Л. 57 об.).

² РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. Л. 6.

³ О форме одежды чинов МИДв и придворного штата см.: *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – нач. XX в. СПб., 2001. С. 421 – 440.

⁴ Новое время. 1917. 12 марта. Примерно так же описывал (в дневниковой записи от 11 марта) встречу комиссара с начальниками установлений МИДв и присутствовавший на ней В.А. Теляковский: «В 3 часа, в Канцелярию Министерства – где собрались все начальники установлений бывшего Министерства двора прибыл комиссар Государственной думы Федор Алекс. Головин и в краткой речи, обращенной к нам всем, выяснил то положение, которое теперь создано для служащих – так как Министерство обладает громадным имуществом, составляющим теперь достояние всего русского народа – необходимо его оберечь и сдать в полном порядке и сохранности туда, куда прикажет будущее правительство, при чем может быть часть отойдет в другие министерства, а может быть будет образовано особое Министерство изящных искусств – а потому он приглашает всех служащих спокойно продолжать свои занятия впредь до новых распоряжений. Если же кому-нибудь не захочется продолжать службу, не разделяя взгляды Временного правительства

11 – 12 марта от имени Ф.А. Головина начальникам установлений МИДв были разосланы отношения, в которых они официально оповещались о назначении Ф.А. Головина комиссаром, П.М. Макарова – его помощником, а также о том, что «вследствие сего все распоряжения по бывшему Министерству двора должны исходить исключительно от меня и по всем делам прошу обращаться ко мне (Зимний дворец, детский подъезд, телефон 1-82)»¹. В свою очередь начальники установлений в специальных приказах объявили о назначении комиссара своим подчиненным².

Что касается последних, то они вскоре предприняли попытку самоорганизации. 14 марта состоялось собрание служащих Контроля и Кассы МИДв, Кабинета е. и. в. и Капитула орденов³. Собрание постановило: «Составить объединенную общими профессиональными интересами организованную группу и присоединиться к формирующемуся в настоящие дни союзу служащих в правительственных учреждениях, приняв за лозунг: а) поддержка всем своим профессиональным и гражданским трудом Временного правительства в осуществлении им обнародованной правительственной программы и в ведении войны с германской коалицией до полной победы над врагом, в согласии и сотрудничестве с нашими союзниками; б) защита и обеспечение профессиональных интересов всех служащих в правительственных учреждениях». Кроме того, собранием был избран Комитет из 4 человек (в него вошли служащие МИДв Н.Я. Овчинников, В.С. Савицкий, Н.К. Кодрунцев и С.В. Бернер); было также решено «пригласить все остальные учреждения бывшего Министерства двора войти в состав организованной группы с выбором своих уполномоченных, по одному на каждое учреждение, для участия в

– надо об этом открыто и честно заявить, при чем Временное правительство примет все меры, дабы обеспечить существование и безопасность заявивших о невозможности продолжать службу при новых условиях. – Речь Головина, отличавшаяся большим тактом, была покрыта рукоплесканиями». Сам Теляковский тогда же (несколько преждевременно) заявил Ф.А. Головину, что «что же касается меня и Дирекции <...> нас уже неделю, как посещает комиссар Н.Н. Львов, потому я лично буду обращаться к Головину лишь в особых случаях с ведома Н.Н. Львова» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. Ед. хр. 1325. ЛЛ. 58 об. – 59).

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. ЛЛ. 9 – 10 об. А.Н. Бенуа, побывавший на аудиенции у Ф.А. Головина 11 марта, записал в своем дневнике об апартаментах, отведенных комиссару: «Утром состоялось мое знакомство с Ф.А. Головиным. Произошло оно в Зимнем дворце, в нижнем этаже на Детской половине, куда попадаешь через маленький подъезд и небольшую отдельную парадную лестницу. Здесь уже имел свой угол Макаров, но Головину предоставлен целый апартамент налево от лестницы, состоящий из двух сводчатых зал и нескольких комнат» (Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 159).

² Не обошлось без курьеза: и. д. начальника Гатчинского дворцового управления А.К. фон Рейер в своем приказе от 11 марта объявил о назначении вместо Федора Александровича Федора Алексеевича Головина – спутав, вероятно, комиссара с его знаменитым предком, генерал-адмиралом Петровской эпохи. Пришлось 15 марта отдавать новый приказ – уже с правильным отчеством (РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 2. ЛЛ. 132, 134).

³ Двумя днями ранее служащие Капитула обратились с официальным приветствием к Ф.А. Головину, а также к Временному правительству и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов (ГАРФ. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 9 – 10).

Комитете группы и в учредительном собрании союза» и «довести о настоящем постановлении через Комитет группы до сведения Комиссариата Временного правительства»¹. Не удалось обнаружить какой-либо реакции Ф.А. Головина на создание этого Комитета, но уже тот факт, что в его приказах за весь 1917 год о подобной организации не упоминается ни слова², явно говорит о незначительности ее влияния на дела МИДв.

Таким образом, к середине марта 1917 г. положение теперь уже «бывшего» Министерства двора приобрело контуры некоторой определенности. Вопреки сообщениям периодической печати, на страницах которой МИДв уже с первых дней революции числилось «упраздненным»³ (и даже объявлялось о том, что в занимаемые им помещения въедут «воинские рии»⁴), Придворное ведомство пережило переворот и продолжало функционировать, хотя и с парадоксальной приставкой «бывшее». Несмотря на ряд первоначальных решений правительства, которые, в случае их воплощения, привели бы к разделу МИДв между другими министерствами, большая часть установлений МИДв (кроме земельных угодий Уделов и Кабинета е. и. в., а также Императорской охоты⁵) вновь была объединена под руководством комиссара Временного правительства Ф.А. Головина, занимавшего этот пост до Октябрьской революции (и даже некоторое время после нее)⁶. Власть Ф.А. Головина в Ведомстве была сопоставима с властью министров двора⁷; сам же

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 598. Л. 1.

² См.: Там же. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. ЛЛ. 1 – 138.

³ Новое время. 1917. 8 марта.

⁴ Речь. 1917. 5 марта.

⁵ Земли, недра, рудники, фабрики и заводы, а также капиталы Кабинета е. и. в. были объявлены государственной собственностью решением Временного правительства от 27 марта 1917 г.; с этого момента они перешли в заведование ряда министерств: земледелия, торговли и промышленности, финансов, а также Государственного контроля (Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 180 – 181). Имущества и предприятия Удельного ведомства были разделены решением правительства от 14 апреля между министерствами земледелия и торговли и промышленности, причем находящиеся в ведении ГУУ императорские дворцы с усадебными землями и парками были переданы в заведование комиссара по бывшему МИДв Ф.А. Головина (Там же. С. 289 – 290). Тогда же, 14 апреля, в ведение Министерства земледелия была передана и Императорская охота (Там же. С. 289).

⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 1. Л. 133. В конце марта Ф.А. Головин уже собрался было покинуть пост комиссара. А.Н. Бенуа записал в своем дневнике 30 марта: «Вчера, возвращаясь в автомобиле с Головиным, я узнал от него, что он бросает настоящую должность и уезжает наместником на Кавказ. Его кандидатом называют Челнокова» (*Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 237). Позднее Временное правительство отказалось от назначения наместника, и замена Ф.А. Головина М.В. Челноковым не состоялась (Там же. С. 245). Следы этого замысла (в виде ряда документов, связанных темой сношений с Кавказским краем) сохранились в бумагах Канцелярии МИДв (РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Д. 6. ЛЛ. 14 – 21).

⁷ В некоторых случаях Ф.А. Головин буквально следовал дореволюционным традициям. Так, например, с давних времен установился обычай денежного награждения отличившихся чиновников, и Ф.А. Головин им также не пренебрег – 22 марта 1917 г. его распоряжением 5 чиновников 1-го делопроизводства Канцелярии МИДв и сторож Канцелярии

факт управления Министерством (в течение почти целого года) не министра, а революционного комиссара является беспрецедентным – таким же, каким было и само существование «бывшего» Министерства двора после падения монархии.

Своеобразное влияние имела Февральская революция на самое крупное из «установлений» МИДв – Главное управление уделов. Ход и итоги Февраля в удельном ведомстве заслуживают отдельного рассмотрения.

Революция в Уделах

Удельное ведомство, основанное еще Павлом I, хотя и вошло впоследствии в состав МИДв, оставалось, тем не менее, во многих отношениях обособленным от остальных учреждений Министерства вплоть до 1917 г. Будучи менее всего связанным с собственно придворной жизнью, Главное управление уделов (в дальнейшем – ГУУ) ведало огромным, разбросанным по всей Империи удельным хозяйством. Во главе ГУУ с 1899 года стоял князь Виктор Сергеевич Кочубей¹.

Как уже говорилось выше, еще 3 марта В.С. Кочубей совместно с М.Е. Ниродом направили министру-председателю Г.Е. Львову письменные просьбы о назначении комиссара. В.С. Кочубей тогда же заявил о желании уйти в отставку. Пока же ответа от правительства не было, 7 марта Кочубей написал краткую служебную записку, в которой говорилось: «В виду болезненного моего состояния прошу помощника моего Григория Григорьевича Снежкова вступить в управление Главного управления уделов впредь до назначения правительственного комиссара»².

Тем временем правительство демонстрировало волю к сотрудничеству с прежним начальством ГУУ. В отношении от 9 марта министр-председатель сообщил В.С. Кочубею «что заведывание всеми делами Удельного ведомства поручается временно на правах правительственных комиссаров Григорию Григорьевичу Снежкову и Александру Александровичу Сиверсу»³. Учитывая, что и Г.Г. Снежков, и А.А. Сиверс занимали должности помощников начальника ГУУ⁴, налицо было стремление новых властей подойти к изменениям в руководстве удельного ведомства с максимальной деликатностью.

10 марта по представлению министра-председателя Временное правительство рассматривало вопрос о положении Удельного ведомства. Было решено ГУУ «сохранить, предоставив князю Виктору Сергеевичу Кочубею ос-

были награждены (совокупно) 565 рублями, по примеру прошлых лет (РГИА. Ф. 472. Оп. 59. Д. 11. ЛЛ. 1 – 2).

¹ Любарская Т.Г. Указ. соч. С. 189 – 193.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 5. Документ написан В.С. Кочубеем собственноручно. Никакой конкретный адресат на нем не указан.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 8. Следовательно, уже к 9 марта в правительственных кругах было решено, что Уделы в компетенцию только что назначенного в МИДв Ф.А. Головина не войдут (это решение имело смысл при наличии плана официального выделения ГУУ из состава МИДв, что вскоре и произошло).

⁴ Придворный календарь на 1917 год. С. 470.

таться во главе этого Управления»¹. В этот же день, вероятно, перед заседанием, состоялась личная встреча Г.Е. Львова и В.С. Кочубея, на которой глава правительства убеждал начальника ГУУ не покидать свой пост. 12 марта он повторил это предложение в личном письме В.С. Кочубею.

Пребывая в сомнениях, Кочубей написал ответное письмо Львову (которое, как гласит надпись на документе, так и не было отправлено): «В ответ на Ваше письмо от 12-го сего Марта спешу сообщить, что я принимаю предложение, считая своим долгом идти навстречу всем пожеланиям Временного правительства, но при этом остаюсь при своем первоначальном мнении, высказанном мною при свидании с Вами 10-го Марта, что мое оставление на прежней должности может быть встречено некоторыми недружелюбно, так как я был назначен на эту должность прежним правительством. Поэтому я буду смотреть на это мое назначение, как на временное»².

12 марта в ГУУ на имя В.С. Кочубея поступило и официальное письмо от министра-председателя, носившее успокоительный характер для удельных служащих. Временное правительство, говорилось в этом письме, «постановило никаких изменений в Удельном ведомстве не производить. Прошу передать всем служащим по Главному управлению уделов просьбу Временного правительства продолжать свои работы на пользу дорогой всем нам свободной России»³.

Содержание этого документа было сообщено В.С. Кочубеем всем служащим ГУУ циркуляром от 14 марта, в котором начальник ГУУ обратился к подчиненным и от своего имени: «Высоко ценя такое доверие к нашей деятельности Временного правительства, я глубоко верю, что служащие Удельного ведомства приложат все свои силы к исполнению с исключительным усердием своих обязанностей на пользу дорогого нашего Отечества, работая в родном нам всем удельном ведомстве. В этой уверенности прошу всех служащих удельного ведомства продолжать свои обычные занятия»⁴.

Тем не менее, уверенности в завтрашнем дне у служащих Удельного ведомства по вполне основательным причинам не было. Начальник Симбирского удельного округа Л.И. Яшнов в телеграмме в ГУУ от 15 марта настаивал на необходимости официального уведомления о назначении ответственного комиссара для заведывания уделами⁵. Вопрос о комиссаре Уделов поднимался в тот же день и на заседании Временного правительства; было

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 67. Тогда же было решено «равным образом сохранить Ведомство Кабинета, указав последнему на необходимость льготного отношения к крестьянам» (Там же).

² РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 1. Документ помечен мартом 1917 г.; более точная дата не проставлена.

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 12. Представляется, что данное письмо и письмо Г.Е. Львова от 12 марта, о котором идет речь в цитированном выше неотправленном письме В.С. Кочубея – разные документы. Во втором письме речь явно шла о личной судьбе В.С. Кочубея, тогда как первое адресовано всем служащим ведомства.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. ЛЛ. 13, 16.

⁵ Там же. Л. 26.

решено, однако, «признать, что ввиду сохранения заведования Главным управлением уделов за князем Кочубеем, надобности в назначении в это ведомство комиссара в настоящее время не имеется»¹.

На следующий день (16 марта) Временное правительство приняло принципиальное решение касательно дальнейшей судьбы Удельного ведомства. В виду «общегосударственного значения ведомства и работы его на надобности государственной обороны», министры постановили «впредь до решения Учредительного собрания» все удельные «имущества, предприятия и капиталы» национализировать, любые выдачи членам Дома Романовых прекратить, а ГУУ придать статус особого Главного управления. Начальник ГУУ получил право «производства всех расходов, потребных на управление и хозяйственную деятельность ведомства, в пределах назначений по смете, утверждаемой Временным правительством». Наконец (что было особенно важно для личного состава ведомства), охрану всех удельных имуществ было решено «считать по-прежнему лежащею на обязанности и ответственности подлежащих установлений и должностных лиц Удельного ведомства, коим все правительственные установления, общественные организации и частные лица обязаны оказывать законное содействие»².

Таким образом, Удельное ведомство, выведенное теперь из-под контроля Министерства двора (неразрывно связанного в массовом сознании со свергнутым режимом) приобрело, если можно так выразиться, некоторую революционную легитимацию. Временно упрочилось и положение руководства ГУУ – В.С. Кочубей, считавший в середине марта нецелесообразным оставаться при своей должности, так как он был назначен на нее императором, в конце месяца уже мог уверенно подписывать бумаги: «Утвержденный Временным правительством начальник Главного управления уделов кн. Кочубей»³.

В отличие от большинства придворных учреждений, круг ведения которых не выходил за пределы обеих столиц, ГУУ имело большие владения и разветвленную сеть служащих по всей стране. 5 марта начальникам удельных округов была разослана телеграмма (за подписью Г.Г. Снежкова), в которой говорилось: «Впредь до назначения правительственного комиссара для заведывания уделами следует вести по-прежнему текущую работу управлением»⁴.

Однако написать это было легче, чем сделать. Вести работу «по-прежнему» после Февральской революции было невозможно (тем более –

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 101.

² Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта. Практически теми же словами правительство обратилось 20 марта и к служащим остальных учреждений МИДв, предписывая «ближайшую охрану указанных имуществ, предприятий и капиталов [бывшего Министерства двора] возложить на обязанность и ответственность подлежащих должностных лиц...» (Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 139).

³ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 4.

одному из учреждений Министерства двора). И начальникам округов приходилось выступать в непривычной для себя роли, разъясняя населению необходимость беречь и охранять удельные земли. Особенно сложной эта задача была в период до 16 марта, когда Уделы оставались еще формально собственностью Дома Романовых.

Так, 5 марта Управление Московского удельного округа разослало циркуляр управляющим имениями означенного округа, в котором, помимо оповещения о свершившемся перевороте и формировании Временного правительства (повиноваться коему есть «первейший долг всех русских граждан») давалось указание «принять все меры к охране вверенного Вам лесного, земельного и всякого другого имущества, обращаясь в случае необходимости к содействию вновь установленной власти, при чем было бы весьма полезно, в случае поползновения окрестного населения к каким-либо самовольствам и хищениям, помимо обращения к местным властям, разъяснять местному населению, с которым у Вас по службе Вашей существуют, конечно, давние связи и которое, в большинстве имений, всегда относилось благожелательно к местным удельным управляющим, делавшим немало добра для населения, особенно в переживаемые тяжелые годы беспримерной войны, что находящиеся в Вашем заведывании владения, особенно лесные, чьим бы достоянием они не были¹, являются таким важным для всего населения имуществом, дающим и топливо, и строительные материалы, и выпасы (где можно), и сенокосы, что если население станет хищничать в них, то оно будет грабить самого себя.

Подобные беседы, веденные в дружелюбной и вразумительной форме, без начальнического гонора, всегда смогут, вероятно, оказать умиротворяющее влияние на благоразумную часть населения, которая сумеет, надо надеяться, повлиять и на других». Кроме перечисленного выше, Управление округа предписывало «за отречением государя императора Николая II-го от престола <...> снять из Канцелярий имений находившиеся там портреты государя»².

Начальник Киевского удельного округа Н.М. Псиол в отправленной в тот же день (5 марта) телеграмме управляющим имениями округа ограничился несколькими фразами: об установлении со 2 марта нового правительства, «законным (характерная оговорка! – П.Г.) требованиям которого Вам надлежит подчиняться», о необходимости «быть тактичным» по отношению к населению и заботиться об охране удельного имущества «помня, что оно собственность Отечества»³. 2 дня спустя, 7 марта состоялось общее собрание служащих Киевского удельного округа, на котором Н.М. Псиол, по его словам, сделал «сообщение об образовании Временного правительства и данных

¹ Как видим, Управление округа в полной мере осознавало щекотливость вопроса о праве собственности на удельные имущества.

² РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. Л. 11.

³ Там же. Л. 18. Таким образом, начальник Киевского удельного округа предвосхищал решение Временного правительства о национализации Уделов.

мною, соответственно этому, удельным чинам, находящимся на местах, указаний об обязательности подчиняться его требованиям». Еще через день, 8 марта Псиол явился на заседание Исполнительного комитета Совета объединенных общественных организаций г. Киева; там он заявил, что «Управление вверенного мне округа <...> в полном составе служащих, всецело подчиняясь Временному правительству и признавая таковое источником власти для дорогой нашей Родины, остается при спокойном исполнении текущей работы, направляя свои силы по снабжению и обслуживанию армии, семей призванных в войска, населения и промышленные заведения продуктами лесного и сельского хозяйства»¹.

Целый ряд телеграмм, поступающих «с мест» в ГУУ носил приветственно-восторженный характер; так, Управление Казанского удельного округа в телеграмме от 6 марта сообщало: «Руководясь телеграммой 5 марта о назначении правительственного комиссара для заведывания уделами, чины округа, присоединяясь [к] новому правительству просят Главное управление уделов приветствовать от них таковое»². Схожее содержание имели телеграммы, полученные от начальников Ливадско-Массандрского удельного управления (20 марта), Тифлисского (28 марта) и Вельского (5 апреля) удельных округов³.

В то же время имела место и тревожная тенденция. Так, начальник Самарского удельного округа А.Н. Малахов 9 марта доносил в ГУУ, что «в некоторых имениях Самарского удельного округа производятся в настоящее время самовольные порубки удельного леса местными крестьянами»⁴. Он же 14 марта телеграфировал: «Рабочими [и] местным населением устранены начальник Тимашевского завода два сменных помощника врач и арестованы завод работает [на] оборону остановка завода оставит войска без сахара об этом сообщено Комитетам народной власти губернскому [и] уездному»⁵.

Как уже говорилось выше, 14 апреля Временное правительство разделило удельные богатства между министерствами земледелия, торговли и промышленности, а дворцовое хозяйство Уделов перешло в ведение комиссара МИДв Ф.А. Головина⁶. На этом история Уделов, насчитывающая 120

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 69. Д. 650. ЛЛ. 20 – 21 об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. ЛЛ. 29, 32 – 33.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 15. Наоборот, в соседнем Саратове, по сообщениям прессы, местные крестьяне проявили сознательность и взяли под охрану удельные имения (Новое время. 1917. 25 марта).

⁶ Для помощи в приемке удельных дворцов в ведение «бывшего» МИДв, из Уделов в Кабинет е. и. в. были переведены (прикомандированы) 3 чиновника: младший делопроизводитель Н.Н. Агров, младший делопроизводитель, архитектор А.А. Бибер и исп. об. младшего делопроизводителя Ф.Ф. Пель (РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 913. ЛЛ. 3 – 4 об., 8).

лет, закончилась¹. Последний начальник ГУУ князь В.С. Кочубей был уволен от своей должности 15 мая 1917 года².

Соколов А.В. **«Совещание членов Государственной думы по делам Православной церкви» и смена состава Святейшего Синода (апрель 1917 года)**

По оценкам большинства историков, наибольшее влияние Государственной думы и ее институтов на политические события в России 1917 года имели место в конце февраля – первых числах марта, когда комиссары ВКГД фактически замещали арестованных царских министров. После образования Временного правительства, объявившего о своем принятии «всей полноты власти», роль Думы быстро сошла на нет. Однако, как справедливо отмечает А.Б. Николаев, новое правительство «оказалось бессильным отказаться от Государственной думы как источника власти и не уничтожило возможности возобновления ее полноценной парламентской деятельности»³. Ему вторит И.К. Кирьянов, заявляя, что «сами думцы были не согласны пассивно ожидать того момента, когда вновь пробьет их час, и стремились в той или иной форме обеспечить участие Государственной думы в принятии политических решений»⁴. Вместе с тем, историк относит начало подобных попыток к дням апрельского кризиса, а точнее – к «информационному совещанию» членов Временного правительства, ВКГД и Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемуся в ночь с 20 на 21 апреля в Мариинском дворце⁵, хотя «частные совещания» депутатов под председательством М.В. Родзянко проходили регулярно и в марте 1917 года⁶.

Указанную концепцию, однако, существенно дополняет факт существования так называемого «Совещания членов Государственной думы по делам православной церкви» (далее – «Совещание»), пик деятельности которого приходится на середину апреля 1917 года. Причем и повод для проведения

¹ Тем не менее, название «Главное управление уделов» встречается в служебной переписке еще летом 1917 г. (РГИА. Ф. 468. Оп. 30. Д. 913. Л. 8). По-видимому, ГУУ сохраняло после 14 апреля в течение еще нескольких месяцев свою организационную структуру, пока министерства-«наследники» делили между собой удельное имущество.

² Вестник Временного правительства. 1917. 23 июня.

³ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 592.

⁴ Кирьянов И.К. Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского Государственного университета. Серия история. 2008. № 4 (60). Т. 4. С. 83.

⁵ Там же. С. 83 – 84.

⁶ См.: Николаев А.Б. Частные совещания членов Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 670; Вестник Временного правительства. 14, 15, 17, 18, 21, 22, 25 марта, 8 апреля 1917 и др.

работ «Совещания», и его цель определялись той правовой «лакуной», которая отчетливо обозначилась во взаимоотношениях высшей государственной и церковной властей сразу после отречения Романовых.

Обер-прокурором Временного правительства первого состава стал председатель Комиссии по делам православной церкви в IV Государственной думе центрист Владимир Николаевич Львов. Источники свидетельствуют о том, что его думская деятельность и стала причиной этого назначения¹. Однако, именно В.Н. Львов, войдя в правительство, стал одним из самых ярких сторонников его неподотчетности перед парламентом. «Увидев нас, членов Государственной думы, – вспоминал депутат Н.В. Савич, – он (В.Н. Львов – А.С.) начал стучать по столу и кричать: «Плевать мне теперь на Думу, я получил власть из рук революционного народа»².

С момента своего назначения новый обер-прокурор вел себя в Ведомстве православного исповедания как «революционный диктатор», его высказывания и действия по отношению к архиереям носили вызывающий характер³. Он заявил о необходимости широкой чистки «распутинского» епископата и уже через три дня вступил с Синодом в открытый конфликт. Непосредственным поводом к нему стала попытка В.Н. Львова уволить «на покой» члена Синода митрополита Московского Макария. Синод не утвердил написанного под давлением Львова прошения Макария об отставке, чем вызвал гнев обер-прокурора⁴. Кроме того, 7 марта в газетах появилась информация о том, что Львов собирается назначить на петроградскую и московскую кафедры кандидатов по своему усмотрению⁵. В связи с этим Синод обратился к обер-прокурору с просьбой довести до сведения Временного правительства, что «церковь никогда еще не переживала такого давления власти», и что назначение митрополитов обер-прокурором или даже самим Советом министров помимо Синода с точки зрения православных канонов недопустимо⁶. На это Львов ответил, что он «облечен властью Исполнитель-

¹ См.: Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 489; Родзянко М.В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986. С. 312 и др.

² Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 222. Вместе с тем, существуют сведения, что и в начале марта В.Н. Львов принимал участие в работе частных совещаний членов Государственной думы, в частности, 6 марта 1917 года (Биржевые ведомости. 1917. 7 марта).

³ См.: Фруменкова Т.Г. 1) Деятельность В.Н. Львова на посту обер-прокурора Св.Синода // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. СПб., 1996. С. 74–78; 2) Синод и Февральская революция // Революция 1917 г.: Сб. науч. статей. СПб., 1995. С. 27–34; Соколов А.В. Святейший синод и Временное правительство: февраль-апрель 1917 г. // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2001. № 2 (5). С. 32–41.

⁴ Новое время. 1917. 16 марта.

⁵ Точнее заявлялось, что митрополитом Петроградским уже назначен епископ Уфимский Андрей (кн. Ухтомский), а московская кафедра предназначается архиепископу Пензенскому Владимиру (Путяте) (Новое время. 1917. 7 марта).

⁶ Новое время. 1917. 16 марта.

ным комитетом Государственной думы, и что он не сложит своих полномочий, так как не считает синодских иерархов представителями церкви»¹.

Члены Синода тоже апеллировали к Государственной думе. Вечером 9 марта митрополит Владимир (Богоявленский), архиепископ Арсений (Стадницкий) и протопресвитер А.А. Дернов посетили председателя Думы М.В. Родзянко, сообщив ему о создавшемся конфликте, и попросили содействия для выхода из него, а также (sic!) разрешения на проведение выборов столичного архиерея. Родзянко в ответ «обещал постараться все уладить»². 13 марта вышло обращение Синода к Временному правительству с заявлением о том, что архиереи находят образ действий нового обер-прокурора «неканоничным и незаконным», но «Св. Синод не находит... возможным оставить кормило всероссийской православной церкви без кормчего» и поэтому оставляет за собой ведение дел по управлению православной российской церковью «до созыва Св.Синода на основах канонических (архиереи избираются архиереями всей русской церкви путем опроса (по телеграфу), а лица пресвитерского сана – духовенством)»³.

Синод отказывался принимать диктуемые В.Н. Львовым постановления, а без этого «церковная» власть обер-прокурора оказывалась не более чем фикцией. Он, конечно, мог в соответствии со своими полномочиями подтверждать (или не подтверждать) «законность» определений иерархов, но издавать акты церковного управления от своего имени не имел права. И о какой бы «революционной диктатуре» он ни заявлял, максимум, на что распространялись его полномочия – проводить по большому счету никого ни к чему не обязывающие «ревизии» деятельности епархиальных преосвященных и издавать приказы о назначении и увольнении не носящих духовного сана служащих в учреждениях Синода и церковных учебных заведениях. Именно такими приказами Львова «пестреют» номера «Вестника Временного правительства» от марта – апреля 1917 года⁴.

В сложившихся обстоятельствах Львов решил обратиться к помощи «носителя верховной власти», то есть Временного правительства. 10 марта он заявил на его заседании о желательности изменения состава членов Святейшего Синода⁵. Возможно, об этом дне писал В.Д. Набоков, вспоминая, как обер-прокурор с негодованием рассказывал «об «идиотах и мерзавцах», заседающих в Синоде»⁶. Набоков обрисовал и своеобразное отношение министров к обер-прокурору, который «выступал всегда с большим жаром и одушевлением и вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде

¹ См.: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 584.

² Новое время. 1917. 16 марта; Петроградская газета. 1917. 11 марта.

³ Новое время. 1917. 14 марта.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 15, 16, 25, 29 марта, 1 и 8 апреля.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. М., 2001. Т. 1. С. 71.

⁶ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 57.

правительства, но даже у чинов канцелярии... Доклады его бывали проникнуты каким-то почти комическим отчаянием»¹. Однако поддержки Львов не нашел. Временное правительство заключило, что изменение состава Синода нужно производить постепенно, «с соблюдением необходимой осторожности», что на деле означало затягивание или даже откладывание вопроса². Несколькими днями позже А.Ф. Керенский рассказал об этой ситуации своему старому знакомому Д.В. Философову, заметив, что «...наиболее трусливы Милюков-Шингарев. Они боятся трогать «синодалов»»³. Однако и сам глава правительства князь Г.Е. Львов также не был склонен проводить радикальные меры в отношении высшего церковного управления. В конце марта – начале апреля 1917 года он откровенно признался председателю Петроградского религиозно-философского общества А.В. Карташеву, что «боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто бы Временное правительство «насилует церковь»»⁴.

Вместе с тем столичные газеты активно комментировали конфликт архиереев и обер-прокурора. Примечательно, что 15 марта «Петроградская газета» в качестве кандидатов в члены Синода кроме прочих назвала фамилии двух депутатов Думы: прот. А.В. Смирнова и прот. Ф.Д. Филоненко⁵. Смирнов состоял секретарем Комиссии по делам Православной церкви, в дни революции он и Филоненко обратились от имени думских священников к духовенству всей России, заявив, что единогласно приняли участие в избрании ВКГД и призывают «немедленно признать его власть и своим горячим пастырским словом разъяснить народу, что переворот произошел для его блага и для счастья Родины»⁶. Ф.Д. Филоненко уже 1 марта с еще тремя членами Думы был командирован ВКГД в расположенные Петрограде воинские части для осведомления о тех мерах, которые предпринимаются «в интересах Родины» «для установления законного порядка в государстве»⁷. С 7 по 13 марта Филоненко и депутат Н.И. Янушкевич объездили войска Северного фронта⁸ и доложили о своей поездке на частном совещании членов Государственной думы под председательством М.В. Родзянко 14 марта⁹. 9 апреля газета «Вестник Временного правительства» сообщила об отъезде Ф.Д. Филоненко и князя С.П. Мансырева на Румынский фронт¹⁰. Л.Д. Троцкий вспоминал, что весной 1917 года Филоненко пользовался огромной популярностью у солдат

¹ Там же. С. 55.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 71.

³ *Философов Д.В.* Дневник (17 января – 30 марта 1917) // Звезда. 1992. № 3. С. 147.

⁴ *Карташев А.В.* Временное правительство и Русская церковь // Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 17–18.

⁵ Петроградская газета. 1917. 15 марта.

⁶ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 7 апреля.

⁷ См.: *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 79.

⁸ Вестник Временного правительства. 1917. 9 и 14 марта.

⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта; Известия ВКГД. 1917. 27 апреля.

¹⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 9 апреля.

и представлялся им «носителем идеи освобождения, пастырем революции»: «солдаты носили священника на руках, поднимали его над головами, усаживали заботливо в сани»¹. Важно, что оба – и А.В. Смирнов и Ф.Д. Филоненко – являлись единомышленниками В.Н. Львова в вопросе о церковных реформах, и, возможно, обер-прокурор уже тогда (в середине марта 1917) замыслил ввести их в состав Святейшего Синода.

12 марта В.Н. Львов выехал в Москву, чтобы найти опору своей политике среди местных церковных кругов². Комментируя эту поездку, газета «Московские ведомости» критически замечала, что обер-прокурор, «человек слишком неуравновешенный, не осторожный в словах и действиях», искал поддержки против Синода не только у духовенства, но и «на улице» и в Городской думе: «его влияние на самом деле значительно ниже, чем он сам заявляет»³. Вместе с тем именно в Москве Львов впервые объявил о намеченном им плане действий. В интервью журналисту газеты «Утро России» он сообщил, что, прежде всего, необходимо создать при обер-прокуроре «смешанное совещание» из духовных и светских лиц для разработки вопросов, которые потом будет обсуждать Синод. После этого нужно созвать Предсоборное присутствие, а потом – Поместный собор⁴. Когда 15 марта обер-прокурор вернулся в Петроград, он привез с собой из Москвы авторитетного общественного деятеля Н.Д. Кузнецова. Последнему, по версии «Утра России», поручено создание «совета по церковным делам», на который будет опираться новый обер-прокурор «в своих попытках воздействия на нынешний состав Синода»⁵. Представление об образовании указанного органа в составе 3 епископов, 3 представителей белого духовенства и 6 мирян было вскоре внесено в канцелярию Временного правительства⁶, но рассмотрение затягивалось из-за обилия других вопросов. 15 марта Львов выступил на заседании правительства по итогам своей поездки в Москву, но его доклад просто «приняли к сведению»⁷.

Очевидно, ощущая слабость своего положения внутри правительства, В.Н. Львов пересмотрел ранее принятое им решение о ликвидации должности товарища обер-прокурора Синода⁸: им стал уже упоминавшийся кадет А.В. Карташев, косвенную рекомендацию которому дали А.Ф. Керенский и Г.Е. Львов⁹. Однако и появление заместителя не изменило ситуацию в корне. Хотя Синод и пошел на некоторые уступки, уволив 18 марта епископа Сара-

¹ Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 258.

² Вестник Временного правительства. 1917. 12 марта. «Официальной» версией цели поездки являлось выяснение вопроса об увольнении митрополита Макария.

³ Московские ведомости. 1917. 23 июня.

⁴ Утро России. 1917. 14 марта.

⁵ Утро России. 1917. 15 марта.

⁶ Вестник Временного правительства. 1917. 19 марта.

⁷ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 100.

⁸ Новое время. 1917. 8 марта.

⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 19 марта.

пульского и Елабужского Амвросия¹, а 20 марта – митрополита Московского Макария², но в остальном дело «церковного обновления» практически не двигалось с мертвой точки.

Вместе с тем к концу марта сотрудничество В.Н. Львова с бывшими коллегами-депутатами стало более тесным. Утром 28 марта В.Н. Львов провел заседание Училищного совета при Синоде, посвященное судьбе церковно-приходских школ. Чтобы озвучить свою мысль о необходимости их сохранения, Львов пригласил членов Думы И.С. Ключева, Е.П. Ковалевского, В.А. Потулова, прот. А.В. Смирнова и прот. Ф.Д. Филоненко³. Если верить сообщению газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник», троих последних даже наделили правом решающего голоса⁴. Намерения оберпрокурора в данном случае более чем прозрачны: и Е.П. Ковалевский⁵ и И.С. Ключев⁶ являлись сторонниками объединения всех средних школ в Министерстве народного просвещения и выступали в качестве оппонентов Львова. Видимо поэтому им предоставили лишь совещательный голос.

Вечером 28 марта Временное правительство все-таки рассмотрело предложение В.Н. Львова об образовании временного совещательного органа

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.

² 18 марта Синод также принял постановление «О предоставлении правлениям духовных семинарий и училищ права избирать кандидатов для замещения административных и преподавательских должностей», причем указанные кандидаты все равно должны были утверждаться синодальными архиереями (Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта). Этого «революционного» нововведения, конечно же, было явно недостаточно в условиях набиравшей обороты в епархиях «церковной революции».

³ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 7 и 8 апреля.

⁴ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 7 апреля.

⁵ Депутат III и IV Государственной думы Евграф Петрович Ковалевский являлся автором законопроекта о всеобщем обучении и в первые дни революции исполнял обязанности комиссара ВКГД по Министерству народного просвещения, по учреждениям Ведомства императрицы Марии (Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. С. 256). В марте 1917 года его назначили комиссаром Временного правительства по учреждениям бывшего Ведомства императрицы Марии (Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта). О деятельности Е.П. Ковалевского в Мариинском ведомстве см.: Фруменкова Т.Г. Депутаты IV Государственной думы Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас во главе Мариинского ведомства (март – май 1917 г.) // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906 – 1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 325 – 346).

⁶ Депутат II – IV Государственной думы Иван Семенович Ключев в свое время состоял инспектором народных училищ 1-го района Самарского уезда Самарской губернии. В мае 1917 года И.С. Ключев вошел как представитель ВКГД в Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения, где возглавил комиссию «для разработки плана объединения школ различных ведомств под общим управлением» (Николаев А.Б. Ключев Иван Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. С. 254 – 255. См. также: Государственный комитет по народному образованию. Законопроекты и постановления Государственного комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения. Май – декабрь 1917 года. Пг., 1918. С. 19).

при обер-прокуроре. Однако вместо утвердительной резолюции (или вообще какого бы то ни было ответа по существу) Львов получил все то же «принято к сведению»¹. Такая реакция со стороны правительства отчетливо продемонстрировала, что даже совещание авторитетных церковных деятелей не станет выходом из того тупика «полномочий без полномочий», в котором оказался обер-прокурор: у созываемого им органа их будет еще меньше, чем у него самого.

Это заставило Львова обратиться к авторитету Государственной думы. Менее чем через неделю, с 6 апреля 1917 года при его активном участии начало действовать «Совещание членов Государственной думы по делам православной церкви». Именно так оно официально именовало себя в своей письменной резолюции, адресованной обер-прокурору². Существуют и альтернативные названия указанного органа. Так, в номере от 14 апреля 1917 года газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» оно броско именуется «Думским союзом», что, конечно же, имело целью произвести необходимый эффект на читателей (особенно, если учитывать тот факт, что возглавляемая будущим «обновленческим» лидером проф. Б.В. Титлиновым газета по своей направленности была близка к позиции обер-прокурора). В своих исследованиях «полумемуарного» характера сам Б.В. Титлинов и бывший товарищ обер-прокурора А.В. Карташев именуют учреждение «Советом...» (далее по тексту)³. В любом случае, сама формулировка – подобная наименованию соответствующей думской комиссии – как бы подчеркивала структурную связь с ней новообразованного учреждения.

Суммируя данные газетных сообщений можно реконструировать следующий неполный состав «Совещания»: Михаил Иванович Арефьев, граф Владимир Алексеевич Бобринский, протоиерей Михаил Владимирович Митроцкий, протоиерей Памфил Тимофеевич Населенко, Василий Алексеевич Потулов, протоиерей Александр Васильевич Смирнов, протоиерей Александр Лаврентьевич Трегубов, протоиерей Федор Дмитриевич Филоненко, Василий Павлович Шеин⁴, по партийно-фракционной принадлежности все – националисты и октябристы. Можно предположить, что в состав «Совещания» также вошли уже ранее привлекавшиеся В.Н. Львовым к обсуждению церковных вопросов Иван Семенович Ключев и Евграф Петрович Ковалев-

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 190.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. 1. Стол 1. Д. 42. ЛЛ. 34 – 34 об.

³ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 88; Карташев А.В. Революция и собор 1917–18 гг. Париж, 1942. С. 82. Согласно Карташеву «Совет по делам православной церкви» образовался в марте 1917 года.

⁴ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 14 и 15 апреля. Отметим, что из перечисленных депутатов В.П. Шеин являлся товарищем председателя думской Комиссии по делам православной церкви, а А.В. Смирнов – ее секретарем (Николаев А.Б. 1) Смирнов Александр Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. С. 564; 2) Шеин Василий Павлович // Там же. С. 694).

ский¹. Председателем «Совещания» стал прот. А.В. Смирнов². В заседаниях участвовал и сам обер-прокурор В.Н. Львов, однако, в каком статусе – полноправного члена или представителя правительства – неизвестно. «Всероссийский церковно-общественный вестник» и Б.В. Титлинов упоминали, что в состав «Совещания» входили и некоторые «внедумские церковно-общественные деятели», однако их фамилий не назывались³. Предположительно это могли быть близкий к обер-прокурору прот. К.М. Аггеев, вскоре назначенный главой Учебного комитета при Святейшем Синоде, а также упомянутый выше Н.Д. Кузнецов. Думается, их специально как бы «вынесли за скобки», чтобы не снижать высокого статуса собрания народных представителей.

На первом заседании 6 апреля члены «Совещания» избрали «специальную исполнительную церковную комиссию» в составе А.В. Смирнова, Ф.Д. Филоненко, П.Т. Населенко, А.Л. Трегубова, В.А. Потулова, М.И. Арефьева и В.П. Шеина для предварительного обсуждения «назревших вопросов»⁴. 11 апреля эта Исполнительная комиссия сформулировала повестку дня предстоящего общего собрания, выделив три «ближайших задачи церковной работы данного момента»: немедленное «обновление» Синода (то есть смена его состава), облегчение «церковной самодеятельности» на местах и скорейшее образование Предсоборного присутствия⁵.

В четверг 13 апреля состоялось второе – «решающее» – заседание. В газетном отчете о нем, озаглавленном «Собрание думского совещания», говорится, что почти все подготовленные Исполнительной комиссией пункты резолюции депутаты приняли без дебатов. «Продолжительные и горячие прения» вызвал лишь самый главный для обер-прокурора вопрос – о смене состава Синода. Граф В.А. Бобринский и М.В. Митроцкий высказали мнение, что «неканонично сейчас Временному правительству и обер-прокурору увольнять Синод и собирать новый». Им возразили, что, так как старая система рухнула, сейчас «все неканонично», а, кроме того, другого выхода нет. Присутствовавший тут же В.Н. Львов заявил графу Бобринскому, что церковная свобода может наступить только после внутреннего обновления церкви, когда в ней получит законную силу голос клира и мирян. По словам обер-прокурора, «нынешние архиерейские домогательства свободы есть ни что иное, как желание наличного епископата, не пользующегося народным доверием, сохранить в своих руках власть и господствующее положение». Львов добавил, что «обер-прокурорская власть считает своей обязанностью перед

¹ На участие Е.П. Ковалевского в работах «Совещания» косвенно указывает факт его приглашения Синодом в июне 1917 года в Предсоборный совет.

² Как следует из подписи на резолюции «Совещания» (РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. 1. Стол 1. Д. 42. Л. 34 об.).

³ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 14 апреля; *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 88.

⁴ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 14 апреля.

⁵ Там же.

церковью и народом использовать все свои полномочия для обновления церкви и в частности епископата. Когда церковь реорганизуется, соберется правильный Собор из епископов, клира и мирян и установит постоянный порядок церковного управления, тогда обер-прокурор сам откажется от своих прерогатив. Иерархи домогаются свободы произвольного управления церковью, а не свободы церкви. Обер-прокурор же осуществляет народную волю об истинном церковном освобождении"¹.

Подавляющее большинство собрания поддержало Львова. По итогам заседания 13 апреля «Совещание» составило резолюцию, в которой сложившееся в православной церкви положение оценивалось как критическое. Заявлялось, что исправить ситуацию может «только энергичная самодеятельность и дружная совместная работа всех членов церкви, как духовенства, так и мирян». Ввиду этого «Совещание» предложило обер-прокурору: «а) указать на необходимость предоставления православному духовенству широкой свободы устраивать съезды и собрания общепархиальные, благочиннические, пастырские, приходские и т.д. – для обсуждения на них, совместно с мирянами, вопросов о благоустройении церкви... б) войти в Св. Синод с представлением о проведении выборов членов консисторий на епархиальных съездах, вместо бытовавшей ранее практики назначения»². Кроме всего этого, совещание настоятельно указало на необходимость скорейшего обновления Синода еще до окончания зимней сессии, так как «Св. Синод к прискорбию не проявляет той энергичной деятельности, которая требуется важностью переживаемого момента»³. Указанную резолюцию тут же вручили обер-прокурору.

На следующий день, 14 апреля 1917 года, В.Н. Львов добился от Временного правительства подписания указа о роспуске старого состава Синода и назначении нового⁴. Официальной причиной этого объявлялось увольнение митрополитов Петроградского Питирима и Московского Макария, а также «окончание синодальной зимней сессии»⁵, что представляется неубедительным. Во-первых, Питирима отправили на покой еще 6 марта, а Макария уволили «с оставлением членом Святейшего Синода»⁶. Во-вторых, иерархи в конце марта - начале апреля разъезжались в свои епархии на страстную неделю и Пасху и практически сразу после возвращения в Петроград вновь получили распоряжение отправляться туда, что опять-таки выглядело совершенно неожиданным. Единственной причиной появления постановления о роспуске именно 14 апреля могла быть только резолюция «Совещания». Именно она (и авторитет Думы) стала тем веским аргументом, который помог обер-

¹ Там же. 15 апреля.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. Отд. 1. Стол 1. Д. 100. Л. 34 об.

⁴ Журналы заседания Временного правительства. Т. 1. С. 291; Церковные ведомости. 1917. № 16 – 17. С. 83.

⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 16 апреля.

⁶ Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.

прокурору убедить других министров в необходимости данного решительного шага¹.

Кто кроме В.Н. Львова составлял список новых членов Синода, утвержденный правительством, неизвестно, но важно отметить, что в расширенное представительство белого духовенства попали соратники обер-прокурора и члены «Совещания» А.В. Смирнов и Ф.Д. Филоненко. Из числа епископов в новый Синод вошли только те, кто, так или иначе, был готов к сотрудничеству со светской властью и проведению реформ. Примечательно и то, что обер-прокурор так и не согласился на предлагавшиеся православными архиереями выборы по телеграфу, так как опасался, что в этом случае высшее церковное управление может стать слишком независимым от него и Временного правительства и откажется проводить предполагаемые обер-прокурором преобразования.

После 14 апреля 1917 года «Совещание» перестало быть интересным для обер-прокурора, так как выполнило свою основную миссию. Однако, его члены, по-видимому, так не считали и продолжали периодически собираться. А.В. Карташев утверждал, что «Совет по делам православной церкви» прекратил свою деятельность только в июле 1917 года, когда многие его участники перешли в открывшийся тогда Предсоборный совет². Здесь имеется некоторая неточность, поскольку последний начал свою работу уже 12 июня 1917 года. В него вошли 4 депутата Государственной думы: А.В. Смирнов и Ф.Д. Филоненко как члены Синода, а также Е.П. Ковалевский и В.П. Шеин из числа лиц, приглашенных Синодом³. Возможно, эти четверо и есть те самые «многие члены» «Совещания», о которых говорил Карташев.

Существуют указания на проведение заседаний депутатов Государственной думы с обсуждением церковных вопросов в конце апреля - начале мая 1917 года. Лидер обновленческого движения А.И. Введенский писал, что «Государственная дума, оказавшаяся не у дел, устраивает ряд заседаний по церковным вопросам». По его сообщению, в заседании от 20 апреля обсуждался вопрос об удалении прихожанами, уездными и губернскими исполнительными комитетами священников. «Совещание признало совершенно ненормальным и недопустимым самовольное удаление священников, и особенно арест без суда и следствия. Было решено через Синод обратиться с призывом к губернским комитетам, а через них и к уездным, чтобы впредь не допускались подобные действия»⁴. Отметим, что 18 мая глава правительства князь Г.Е. Львов действительно отправил губернским комиссарам циркуляр,

¹ Об этом также писал Б.В. Титлинов (См.: *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 88).

² *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 82.

³ Священный Собор Православной российской церкви. Деяния. М., 1918. Кн. I. Вып. 1. С. 5 – 6. Однако, видимо, Е.П. Ковалевский на деле не участвовал в заседаниях Предсоборного совета, поскольку он не упоминается в числе его членов, включенных в состав Поместного собора (Там же. С. 29 – 30).

⁴ *Введенский А.И.* Церковь и государство (очерк взаимоотношений церкви и государства в России в 1918 – 1922). М., 1923. С. 35 – 36.

в котором отметил, что «самовольное вмешательство сельских, волостных, уездных и губернских общественных комитетов в церковную жизнь, определяемую лишь церковными законами, является недопустимым и незаконным»¹.

О связи «Совещания членов Государственной думы по делам православной церкви» с теми думскими заседаниями, которые регулярно проводились под председательством М.В. Родзянко, свидетельствует сообщение в «Вестнике Временного правительства» от 23 апреля 1917 года. Там говорилось, что 22 апреля состоялось думское собрание с участием М.А. Караулова, П.П. Гронского, И.П. Демидова и других, где «священник Филоненко сделал доклад о работах Синода»². Надо отметить, что поскольку полноценные занятия новой сессии Синода начались только 25 апреля, Филоненко мог говорить лишь о планируемых мероприятиях³. Вместе с тем важно отметить, что в материалах других заседаний под руководством Родзянко церковная тематика отсутствует⁴. Не указано «Совещание» и среди учреждений ВКГД, «официально» перечисленных в первом номере его «Известий»⁵. Однако, там говорилось, что В.А. Потулов (член «Совещания») возглавлял при ВКГД подраздел распространения литературы в отделе сношений с воинскими частями и населением⁶. Представляется, что и М.В. Родзянко и другие члены Временного комитета не могли не знать о факте работ «Совещания», но не уделяли ему внимания в связи наличием более насущных проблем (правительственные кризисы, продовольственный вопрос, армия и фронт и пр.).

Еще об одном «церковном» заседании думцев повествует запись в дневнике настоятеля Успенского собора в Московском Кремле протопресвитера Н. Любимова (с 14 апреля 1917 года – члена Святейшего Синода). По сообщению Любимова, 4 мая состоялось собрание «думского духовенства», по поручению которого Ф.Д. Филоненко 5 мая выступил в Синоде с предложением разрешить работать в городских или сельских учреждениях лицам духовного сана, вынужденным оставить службу по постановлениям сельских или городских приходских приговоров. Синод это определение принял. Далее Филоненко высказался за распространение постановления на всех представителей духовенства, даже находящихся на службе, что позволило бы им иметь дополнительный заработок и улучшить материальное положение, а также за разрешение носить на этой сторонней светской службе светское платье. При этом Филоненко «ссылался на думское духовенство и на мнение членов Государственной думы вообще, причем называл фамилии и имена известных ему сотоварищей по Думе». Однако А.В. Смирнов выразил катего-

¹ Сборник циркуляров МВД за период март – июнь 1917. Пг., 1917. С. 35 – 36.

² Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля.

³ Возможно, запланированных, в том числе, в рамках «Совещания».

⁴ См.: Известия ВКГД. 1917. 27 апреля – 28 августа; Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932.

⁵ Известия ВКГД. 1917. 27 апреля.

⁶ Там же.

рическое несогласие: «Я не могу себе представить, чтобы с этим примирились даже, например, многие члены Думы Государственной». В ответ Филоненко заявил, что «не ожидал подобных речей от А.В. Смирнова»¹. И Смирнов, и Филоненко апеллировали к состоявшемуся накануне заседанию, являвшемуся, скорее всего, ни чем иным как «Совещанием членов Государственной думы по делам православной церкви», причем оно выступило уже в роли законосовещательного органа при Синоде.

Таким образом, приведенные факты заставляют сделать вывод о значительной роли депутатского корпуса IV Государственной думы в разработке церковных реформ, проведенных Синодом в апреле – июле 1917 года, а также позволяют по-новому взглянуть как на историю «частных совещаний» членов Государственной думы, так и на отношение Временного правительства к принимаемым на этих собраниях резолюциям и постановлениям.

Следует также добавить, что участие думцев в церковных делах не ограничилось вышеперечисленным. 19 депутатов IV Государственной думы стали членами Поместного собора, проходившего в Москве с 15 августа 1917 по 7 (20) сентября 1918 года. По условиям выборов Думе было предоставлено 12 мест, которые заняли Михаил Иванович Арефьев, граф Владимир Алексеевич Бобринский, князь Илларион Сергеевич Васильчиков, протоиерей Николай Эмилианович Гепецкий, Илья Тимофеевич Евсеев (впоследствии отказался), профессор Николай Федорович Каптерев, Евграф Петрович Ковалевский, Валериан Валерианович Лашкевич, Николай Николаевич Львов, Василий Александрович Потулов, Михаил Владимирович Родзянко и Сергей Илиодорович Шидловский². Кроме них как члены Предсоборного совета в состав Собора вошли депутаты IV Думы Владимир Николаевич Львов, протоиерей Александр Васильевич Смирнов, протоиерей Федор Дмитриевич Филоненко, Василий Павлович Шеин, «по должности» – епископ Томский и Алтайский Анатолий (Каменский) и избранные с мест Александр Геннадиевич Альбицкий и прот. Алексей Маркианович Станиславский³. М.В. Родзянко до 3 (16) февраля 1918 года состоял товарищем председателя Собора, а В.П. Шеин – все время работы Собора – его секретарем⁴.

¹ Протопресвитер Николай Любимов. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (25 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская церковь в годы революции (1917 – 1918). М., 1995. С. 54 – 58.

² Священный Собор Православной российской церкви. Деяния. С. 117. Князь И.С. Васильчиков писал, что в Соборе участвовал также А.Л. Трегубов, но это не подтверждается официальными церковными источниками. Впрочем, воспоминания Васильчикова полны неточностей (См.: Васильчиков И.С. Мое участие в Поместном церковном соборе Российской православной церкви 1917 – 1918 гг. // Новый журнал. 1971. Кн. 102. С. 142 – 143; 1972 Кн. 109. С. 285 – 287).

³ Священный Собор Православной российской церкви. Деяния. С. 61, 90, 114 – 115.

⁴ Там же. С. 93, 139.

Иванов А.А.
**В.М. Пуришкевич и Временное правительство:
от поддержки к разочарованию**

«27-го февраля мы могли стать гражданами, могли возродиться. Увы!» – записал в конце декабря 1917 г. в плане своей речи перед Революционным трибуналом видный правый политик В.М. Пуришкевич, сокрушаясь о своих рассыпавшихся в прах надеждах, которые он возлагал на Февральскую революцию¹. А надежды такие, как это ни странным может показаться на первый взгляд, у лидера черносотенного движения действительно были.

Прибыв с фронта в революционный Петроград в день отречения императора Николая II от престола – 2 марта 1917 г., Пуришкевич сразу же начал выступать с речами в поддержку свершившегося государственного переворота. Выступления правого политика состоялись в Государственной думе, 3-м стрелковом, Ардаганском, Грузинском и запасном пулеметном полках². Как сообщало 4 марта «Солдатское слово», «В. М. Пуришкевич объезжал сегодня полки и призывал офицеров и солдат повиноваться Временному правительству, как единственной власти, существующей в настоящее время в стране до созыва Учредительного собрания»³. До нас дошли кадры документальной кинохроники, запечатлевшей фрагмент выступления Пуришкевича перед входом в Таврический дворец, где он, со всех сторон окруженный солдатами, жестикулируя и размахивая папашой, бросает в толпу какие-то лозунги, вызывающие ответную радостную реакцию собравшихся⁴.

Вот что вспоминал о выступлении Пуришкевича в дни революции в Государственной думе большевик и сотрудник газеты «Правда» Ф.Ф. Раскольников: «Однажды на хорах появился и, встав в картинную позу, начал говорить довольно пожилой, но хорошо сохранившийся мужчина в высокой светлой папаше, какие в ту пору носили военные чиновники санитарного ведомства и служащие союза земств и городов. На плечи выступавшего была накинута серая николаевская шинель. На вопросы об его имени он громким голосом отчеканил:

– Говорит член Государственной думы Пуришкевич.

Несмотря на одиозность имени депутата, толпа ему все же позволила говорить.

¹ «27-го февраля мы могли стать гражданами...» Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. / Публ. И.С. Розенталь // Исторический архив. 1996. № 5 – 6. С. 134.

² Там же. С. 130.

³ Солдатское слово. 1917. 4 марта.

⁴ См.: «Падение династии Романовых». Совкино, 1927.

– Правительство, оказавшееся не способным справиться с разрухой, в настоящее время свергнуто, – начал свою речь Пуришкевич.

Короткий смысл длинной речи этого зубра сводился к тому, что он тоже присоединяется к Февральской революции. <...> Настроение солдат было праздничным, и одного голословного заявления Пуришкевича о разрыве с поверженным строем, который на самом деле он неустанно защищал до последнего дня своей жизни, было достаточно, чтобы даже этот черносотенец удостоился рукоплесканий»¹.

Впрочем, последние слова будущего советского дипломата грешат стереотипностью. Как уже отмечалось ранее, речи Пуришкевича о разрыве со старым строем вовсе не были голословными – этот разрыв действительно имел место, и произошел он еще накануне Февральской революции². Поэтому осуждение старого строя и приветственные слова в адрес революции, как представляется, были вполне искренними.

Как вспоминал правый публицист Н.А. Энгельгардт, в эти дни Владимир Митрофанович обратился к А.Ф. Керенскому с письмом, в котором предлагал своему бывшему политическому антиподу «трудовую руку» для общей работы на фронте³. По словам самого Пуришкевича, он просил Керенского поручить ему всю санитарную часть в армии без предоставления портфеля в кабинете Временного правительства, но тот не удостоил Владимира Митрофановича ответом⁴.

Вместе с тем в дни Февральской революции, в отличие от других правых, Пуришкевич обладал какой-то удивительной неприкосновенностью. Пока за его недавними единомышленниками-черносотенцами шла настоящая охота, Пуришкевич не только оставался на свободе, но и пользовался покровительством новой власти. Н.А. Энгельгардт вспоминал, что какое-то время А.Ф. Керенский даже держал Пуришкевича в Зимнем Дворце под мнимым арестом, для того чтобы оградить лидера РНСМА от возможных неприятностей⁵. И это в то время, когда глава Всероссийского Дубровинского союза русского народа А.И. Дубровин был арестован уже 28 февраля и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а лидер Союза русского народа Н.Е. Марков после разгрома и поджога помещений Главного совета СРН 27 февраля был вынужден бежать в Финляндию, скрываясь

¹ Раскольников Ф.Ф. На боевых постах. М., 1964. С. 21 – 22.

² См.: Иванов А.А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред.). СПб., 2010. С. 7 – 17.

³ Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Т. 24. СПб., 1998. С. 61.

⁴ «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 130. Характерно, что прокурору петроградского окружного суда Ф.Ф. Нандельштедту, заставшего вскоре после революции Пуришкевича в приемной у Керенского, пришла на ум мысль: «уж не думает ли Пуришкевич занять какой-нибудь пост в Министерстве юстиции?» (Кошко А.Ф. Как было найдено тело Распутина // Король сыска: Рассказы / Сост. Г. Беляев. М., 2002. С. 284).

⁵ Энгельгардт Н.А. Указ. соч. С. 61.

от ареста (где, впрочем, его вскоре удалось выследить и передать в руки «революционного правосудия»). Избежал Пуришкевич, в отличие от своих прежних единомышленников, и участи быть допрошенным Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, расследовавшей преступления старого режима. Просьбу комиссии явиться для дачи показаний Владимир Митрофанович проигнорировал, а та, в свою очередь, решила не проявлять настойчивости в отношении бывшего лидера крайне правых, хотя и подготовила материалы для его допроса¹. Более того, когда в апреле 1917 г. Пуришкевич был арестован на станции Луга по подозрению в распространении монархической литературы, так как при обыске у него было обнаружено 300 экземпляров монархических воззваний, он отделался лишь «легким испугом». Пуришкевич убедил прокурора Лужского окружного суда в том, что вся монархическая литература и листовки предназначались для растопки, а для раздачи на фронте он вез с собой 10 тыс. экземпляров новых революционных изданий. После телеграммы Пуришкевича министру путей сообщения он был освобожден из-под ареста². Более того, на протяжении лета 1917 г. Владимир Митрофанович беспрепятственно принимал участие в частных заседаниях Государственной думы, на которых вместе с другими депутатами-либералами активно обсуждал политическую ситуацию в стране. По сути, Пуришкевич (не считая еще ранее полежавшего В.В. Шульгина) оказался единственным лидером русских правых, не только не исчезнувшим после революции с авансцены, но и остававшимся активным субъектом политической жизни страны. Видимо, его вклад в дело свержения старого строя – «историческая речь» в Государственной думе 19 ноября 1916 г., нанесшая ощутимый урон престижу власти и участие в убийстве Г.Е. Распутина, ставшее по признанию самого политика «первым выстрелом революции», – обеспечивал Пуришкевичу на первых порах лояльность со стороны новой власти.

Впрочем, стоит также заметить, что и сам Пуришкевич в первые революционные месяцы никакой контрреволюционности не выказывал. Напротив, он не отделял себя от революции, а его риторика того времени отличалась откровенным либерализмом. «Мы произвели тот переворот, – заявлял политик, – который дал первые лучи свободы, заблестевшей 27 февраля»³. В одной из своих брошюр Пуришкевич, к примеру, писал: «Страна глубоко демократическая, Россия должна иметь в составе своего правительства людей из народа. <...> Народ должен видеть на верхах правящей власти людей своей среды, людей близких своему миросозерцанию и способных обновить государственный строй родины на широких началах

¹ См.: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1026.

² Курский край. 1917. 23 апреля.

³ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена. М.; Л., 1932. С. 127.

демократического принципа»¹. Но при этом, опомнившись, Пуришкевич уверял своих читателей, что победа революции не означает, что по русскому дворянству пора «петь отходную». «Из нашей среды, – напоминал он, – вышли благородные глашатаи действительной русской свободы – славная плеяда декабристов, принявшая мученический венец во имя правды и свободы и мы, сейчас, в том законодательном учреждении России, которое признавалось вами очагом застоя и рутины, подняли **первые** (выделено Пуришкевичем – А.И.) действительное знамя свободы, став ее **первыми** глашатаями во имя любви к своему народу, угнетенному бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших Россию на антинациональные пути в последние годы царствования императора Николая II – Слабовольного. <...> Русскую революцию сделали не пролетарии всех стран, соединившиеся против своих правительств, а весь русский народ, все его классы, все его сословия с дворянством во главе, во имя победы национальной, а не интернациональной идеи»².

Недавний черносотенец и поборник русских патриархальных начал, ранее горячо отстаивавший их с думской трибуны, призывал в эти дни «лучших русских людей» «поднимать выше священное знамя гражданской свободы, свободы западного образца»; обращался к «забитой и загнанной русской буржуазии» с призывом встать на защиту завоеваний революции и не дать безответственным силам «замутить великой демократической реки нам предстоящих реформ грязью анархии»³. Более того, Пуришкевич поспешил переключить традиционную монархическую триаду «Православие. Самодержавие. Народность» в довольно неуклюжую, но соответствующую духу времени формулу: «Родина. Отечество. Свободная Россия»⁴.

«Вы знаете, – писал Пуришкевич в апреле 1917 г., – что защитников старого режима нет и быть их не может в России, ибо это было бы предательством против России, изменой Родине в тяжелые переживаемые нами дни военной брани»⁵. Так что не вызывает сомнения, что вчерашний черносотенец безоговорочно подчинился Временному правительству, и до тех пор, пока оно представлялось ему властью, способной довести страну до победы над Германией и до свободных выборов в Учредительное собрание, он делал все, чтобы защитить престиж этого органа власти.

Однако вскоре В.М. Пуришкевичу пришлось убедиться в утопичности своих взглядов на революцию и на государственные способности творцов Февраля. Временное правительство довольно быстро показало свою полную неспособность к управлению государством и армией, в то время как радикально-левые силы с каждым месяцем набирали политический вес и влия-

¹ Пуришкевич В.М. Вперед! Под двухцветным флагом. (Открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917. С. 6.

² Там же. С. 21, 34.

³ Там же. С. 17 – 18.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

ние. Победа над Германией, казавшаяся политику уже столь близкой, стала безнадежно ускользать: распропагандированные «чудо-богатыри» стали превращаться в «чудо-дезертиров», дисциплина в армии рухнула, начались кровавые расправы над офицерами...

И тональность выступлений Пуришкевича начинает меняться. Видя, что все летит под откос, что в правительстве нет людей, способных вывести страну из политического кризиса, в который она с каждым днем все глубже и глубже погружалась, Пуришкевич все критичнее отзывается о Временном правительстве.

В.М. Пуришкевич одним из первых обратил внимание на опасность со стороны левых радикалов в целом и на большевистскую угрозу, в частности. Видя рост популярности левых сил, вызванный, по его мнению, бездарной политикой Временного правительства, Владимир Митрофанович стал предупреждать общество о том, что вместо победоносного окончания войны и чаемого за ним возрождения страну может ждать «ужасная гибель». Продолжая рассуждать о том, что революция могла бы «поставить нас на самое блестящее место среди народов Европы, даже всего мира»¹, Пуришкевич вместе с тем стал опасаться, что бездарная политика Временного правительства может все загубить. Он сетовал на то, что в России «нет правительства», поскольку «правительством называется та, власть, которая способна карать виновных, кто бы они ни были, к какой бы группе населения они не принадлежали». «Видим власть безвольную, видим власть трусливую, видим власть искательно-просящую в тех случаях, когда ей приходится говорить с растленными анархией народными низами и с тем, что называется сейчас русская армия на фронте. <...> Если вы – правительство, то сумейте говорить языком власти не со слабыми, а с сильными, или, по крайней мере, с теми, которые считают себя силою в России наших дней», – взывал он к Временному правительству, не преминув напомнить последнему, что «призванное к жизни в час натиска и бури, родившееся не нормально», оно не может являться выразителем общественного доверия, и только обстоятельства военного времени заставляют общество до поры до времени закрывать на это глаза². «В дни революции нельзя быть Антонием, нужно быть Цезарем, а когда народ обращается в толпу Спартака, долг власти стать Крассом», – поучал, обращаясь к историческим аналогиям, буржуазных властителей В.М. Пуришкевич³.

Возмущаясь третированием новой властью офицерского состава, начавшегося с печально известного приказа № 1 «О демократизации армии», политик требовал от военного министра А.Ф. Керенского вспомнить, что «нет страны, нет демократии в мире, нет демократического строя, который управлялся бы волею только солдата и рабочего»⁴. Он напоминал слова На-

¹ Буржуазия и помещики в 1917 г. С. 280 – 281.

² Пуришкевич В.М. Вперед! Под двухцветным флагом. С. 2, 6 – 7.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же. С. 7 – 8.

полеона, считавшего, что существует лишь два способа усмирить взбунтовавшуюся армию – либо полностью ее распустить, либо очистить ее, пролив кровь виновных. «Да усвоит же себе это прочно военный министр Керенский, заслуги коего перед родиною в наши дни будут неоценимы, если он пойдет по стопам Наполеона Бонапарте, а не предпочтет, оставаясь Наполеоном Федоровичем, проводить свою, истории не знакомую, систему оздоровления армии и тыла»¹. «Какой бы строй в государстве не был, – указывал Пуришкевич на одном из частных совещаний членов Государственной думы, – будь это республика, конституционная монархия или федеративная республика, везде требуются порядок, и везде требуется дисциплина»².

Считая, что в связи со стремительной дискредитацией Временного правительства и ростом влияния советов единственным «законным» органом власти может быть лишь Государственная дума (которая, с одной стороны, являлась органом еще дореволюционным, а с другой – «первая подняла знамя восстания для освобождения России»), В.М. Пуришкевич призывал депутатов не быть «политическими трусами», а сделать так, чтобы Дума «заговорила громко, грозно, властно, чтобы она подняла свой голос». Но поскольку, по его словам, произнесенным 16 июня 1917 г., Совет рабочих и солдатских депутатов «взял власть над Временным правительством», и депутаты Государственной думы не могут быть гарантированы от ареста, а сама Дума – от упразднения, необходимо перенести частные заседания российского парламента подальше от Петрограда – в Новочеркасск. «Да здравствует Государственная дума, единственный орган, способный спасти Россию и повести ее по верным историческим путям, и да погибнут все те темные силы, которые лепятся у Временного правительства...» – заключал он³.

Но предложение политика о противопоставлении Думы Временному правительству и переносе частных думских заседаний в Новочеркасск, как следует из стенограммы, вызвало лишь смех депутатов. А председатель Го-

¹ *Пуришкевич В.М.* Вперед! Под двухцветным флагом. С. 36. Эту же мысль В.М. Пуришкевич развил на частном заседании членов Государственной думы 16 июня 1917 г. «Великий полководец всех времен Наполеон Бонапарт говорил: взбунтовавшуюся армию есть только два способа привести в порядок: один – распустить ее до последнего человека, другой – залить ее морем крови. Распустить армию мы не можем, ибо она стоит перед внешним врагом; залить кровью виновных и всех не нужно, а нужна казнь; все это придется открыто говорить о тех, кто подстрекает народные толпы, кто подстрекает армию на эксцессы и беспорядки, и до тех пор, пока военное министерство и военный министр не станут на эту здоровую точку зрения, которая во все времена приводила армию в порядок, до тех пор порядка в русской армии не было, не будет и быть не может!». «Поверьте мне, уничтожив тысячу, 2 тысячи, 5 тысяч негодяев на фронте и несколько десятков в тылу, не имели бы мы того неслыханного позора, который несмываемым пятном лег на историю России», – указывал он (*Буржуазия и помещики в 1917 г.* С. 126, 199).

² *Буржуазия и помещики в 1917 г.* С. 126.

³ Там же. С. 204.

сударственной думы М.В. Родзянко отчитал оратора за то, что тот заходит «слишком далеко» и касается таких вопросов, которых «нельзя касаться».

В.М. Пуришкевич также не переставал указывать триумфаторам Февраля на большевистскую опасность. Поддержав в начале июля подавление большевистского выступления в столице, политик не разделял оптимизма тех, кто полагал, что с большевизмом в стране покончено. В августе 1917 г. он говорил о том, что положение в стране ухудшилось до последней степени, и предупреждал, что в Совете рабочих и солдатских депутатов «происходят события, которые, после того, как назреют, разразятся опять в Петрограде и отзовутся эхом по всей России. <...> Большевики готовятся к чему-то грозному, большому»¹.

К концу лета 1917 г. В.М. Пуришкевич, уже не ожидая никаких здравых инициатив по выходу из сложившегося кризиса от кабинета Керенского, на частном освещении членов Думы 20 августа заявил, что обращаться с призывами к Временному правительству – только дискредитировать себя. Но отнюдь не о восстановлении монархии заговорил Владимир Митрофанович, а об установлении в стране военной диктатуры. «Мы находимся на дороге, на пути величайшей катаклизмы, по сравнению с которой то, что представляется сейчас, является пустяками. Я нахожу, что пора громко сказать <...>, что при этом Временном правительстве, при той системе, которую оно ведет, мы никогда порядка в стране не получим. Порядок в стране может быть только, когда страна получит диктатуру, порядок может быть только тогда, когда диктатура будет состоять из Верховного военного совета <...> До тех пор, пока Россия не получит диктатора, облеченного широкой властью, до тех пор, пока Верховный совет не будет состоять из лучших русских генералов, которые выгнаны с фронта, которые жизнь свою полагали за Родину, до тех пор порядка в России не будет. Никакие Керенские, никакие Черновы, никакое правительство никогда этого порядка не дадут»². Помимо диктатуры, Пуришкевич предлагал арестовать Совет рабочих и солдатских депутатов, предать суду членов Временного правительства за узурпацию прав Учредительного собрания, ввести вновь генерал-губернаторов вместо комиссаров и сформировать профессиональную полицию, вместо народной милиции³.

Но, как и следовало ожидать, и это выступление Пуришкевича, сделанное им в преддверии выступления генерала Л.Г. Корнилова, вызвало осуждение большинства участников совещания. Испугавшийся Родзянко поспешил отмежеваться от слов правого оратора (а также принял меры, чтобы речь эта не попала в печать), подчеркивая, что Государственная дума не может сочувствовать никакому государственному перевороту (как будто не она совершила его в феврале 1917 г.!), а депутат-кадет Л.А. Велихов по-

¹ Там же. С. 275.

² Там же. С. 280.

³ Солдатская мысль. 1917. 24 августа (4 сентября).

спешил развеять опасения Пуришкевича, указав, что тот «переоценил момент»¹.

По сообщению «Солдатской мысли», на совещании Временного правительства некоторыми его членами даже был поднят вопрос об аресте Пуришкевича за его «крамольную» речь, однако большинство министров склонилось к тому, что раз выступление правого политика прозвучало на частном и закрытом заседании, без последующей публикации в газетах, то его нельзя рассматривать как призыв к контрреволюционным действиям².

В.М. Пуришкевич же, между тем, не только говорил, но и действовал. На базе «Общества русской государственной карты», расширенном за счет офицеров, Пуришкевич попытался создать, по сути, новую организацию, целью которой стало бы «наведение порядка в стране»³. Ища пути установления в стране военной диктатуры, Пуришкевич встречался с генералами Л.Г. Корниловым и А.И. Деникиным, но те не захотели иметь общих дел с одиозным для них политиком.

Конспиративная деятельность Пуришкевича, тем временем, не осталась незамеченной, да и его высказывания в августе 1917 г. не оставляли сомнения в том, что его сочувствие в надвигавшемся конфликте отнюдь не на стороне Керенского. Поэтому, когда 28 августа верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов потребовал от Керенского объявить Петроград на военном положении, передать ему всю военную и гражданскую власть и отправить в отставку Временное правительство в полном составе, армейский комитет 12-й армии потребовал немедленного ареста Пуришкевича. И вскоре, арестованный на фронте, где Владимир Митрофанович находился со своим санитарным поездом, правый политик был доставлен в столицу и по подозрению «в причастности к попытке восстановления старого строя»⁴ заключен в «Кресты». Причем, арест этот, похоже, носил «профилактический» характер – Пуришкевича, поддерживавшего идею введения в стране военной диктатуры, в ходе корниловского выступления решили упрятать в «Кресты» «от греха подальше», так как к выступлению мятежного генерала политик никакого отношения не имел и тут же от него отмежевался⁵.

Взятие Пуришкевича под стражу было совершено на основании указа Керенского от 2 августа 1917 г. о внесудебных арестах. Пуришкевич же на допросах всячески подчеркивал абсолютную законность своих действий, отвергая любые намеки на контрреволюционный заговор. Не обнаружив за Пуришкевичем никаких преступных действий, контрразведка передала дело прокурору Петроградской судебной палаты; тот в свою очередь, также не

¹ Буржуазия и помещики в 1917 г. С. 281.

² Солдатская мысль. 1917. 24 августа (4 сентября).

³ См. об этом: *Иванов А.А.* В. М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 158 – 163.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 4. Д. 24. ЛЛ. 63, 68.

⁵ Солдатское слово. 1917. 1 сентября.

нашел никаких оснований для ареста политика и передал его дело в Министерство внутренних дел; в Министерстве, опять-таки, не сумев ни к чему придаться, вернули дело в Судебную палату, которая, так и не предъявив Владимиру Митрофановичу каких-либо веских оснований для содержания его под стражей и, тем более, обвинения, постановила 18 сентября освободить политика. Но пока работал механизм следственной машины, Владимиру Митрофановичу пришлось протомиться в «Крестах» три недели.

Но арест не сломил политика – оказавшись временно отрезанным от внешнего мира, он решил бороться с безвольным Временным правительством и большевизмом с помощью пера. В этот период Пуришкевич сочиняет целый цикл стихотворений («Безгласая Русь», «Думы», «Дары Республики», «Генерал-губернатор», «Смольный», «Пути жизни», «Зеркала» и др.), тон которых уже заметно отличается от того, что он писал в первой половине 1917 г. Досталось от политика-поэта и Керенскому, который после августовских событий 1917 г. окончательно упал в глазах Пуришкевича и был высмеян им в стихотворении «Зеркала»¹.

Естественно, не мог Пуришкевич обойти своим вниманием такой шаг А.Ф. Керенского, как провозглашение 1 сентября 1917 г. (не дожидаясь созыва Учредительного собрания, призванного определить форму правления в стране) России республикой. Как отмечал орган Пуришкевича, газета «Народный трибун», такое решение Керенского было уступкой большевикам, требовавшим введения в стране республиканского строя. Но, признавая, что де-факто Россия была республикой, начиная с 3 марта 1917 г., издание лишь указывало, что «актом 1 сентября Временное правительство приняло на себя огромную ответственность перед самой республиканской идеей». «Для того чтобы дать жизнь Республике, нужно создать под ее флагом народное довольство, – поучала газета Пуришкевича. – До 1 сентября от этого довольства зависела судьба только Временного правительства. Отныне же с ним связана также судьба всего нового строя»². И, конечно же, Владимир Митрофанович не удержался, чтобы не выразить свое отношение к превращению России в республику в стихах, в которых, в частности, были такие строки:

В законодательном порыве буйных сил,
Когда исчез блудивший на престоле,
Республику Керенский возгласил,
Не справившись о всенародной воле.
Величья подвига исполненный сознаньем,
Торопит он, об этом слышу я,
Русь – Учредительным Собраньем.
Его намеренья отменно хороши,
А все же на ушко я вопрошу Эдипа:

¹ См.: РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 133. ЛЛ. 5 – 6.

² Народный трибун. 1917. 5 сентября

Не будет ли сие, премудрый, разреши,
Для власти наростом полипа?
Коль форма новая с наскока нам дана,
И красный цвет ее так плодовит и пышен,
То воля русская уже обречена
И глас Отечества излишен¹.

Как видно из стихотворения, В.М. Пуришкевич уже не питал никаких надежд и на Учредительное собрание. Его пессимистические прогнозы о дальнейшем ходе «великой и бескровной» революции все больше подтверждались, а спасительного выхода из глубокого национального кризиса так и не было видно. Под псевдонимом Всеволод Чарский, в статье «В чем гибель русской революции», он заключал: «Русская революция, не имеющая вождей, должна выдохнуться, придушить самое себя, ибо в ней нет ни последовательного хода в развитии событий (как его представлял на начальном этапе Февраля сам Пуришкевич – *А. И.*), ни глубины народного порыва, ни идеи. <...> Властолюбие, самоуверенность и беспредельная бездарность вождей русской революции, – вот те три молота, которые бьют по ней и по ее вождям, что день, то сильнее, и которые добьют ее окончательно и бесповоротно – на счастье всех сторонников свободы, права и порядка»².

Да и над «свободой», претворенной в жизнь Временным правительством, В.М. Пуришкевич уже откровенно смеялся. После того как американцы предложили передать в дар революционной России копию своей статуи свободы, издание Пуришкевича замечало, что для нас такая статуя никак не подходит, поскольку факел, который находится в руке американской скульптуры, «для поджога не годится», а изображение свободы в виде женщины-боярыни (как традиционно аллегорически изображалась Россия) «оскорбит демократию буржуазностью вида». В качестве альтернативы «Народный трибун» предлагал свой проект, «одобренный институтом красоты Ю. Нахамкиса»: «Витязь в шинели. Огромного роста, вроде американской статуи свободы. Правая рука протянута вперед и в ней огромный круглый подсолнух. На пьедестале бронзовые семечки и выгравированная подпись: “Семя, упавшее на камень”». Поставить это изваяние предлагалось на острове Голодае...³

Свое отношение к революции и ее «завоеваниям» В.М. Пуришкевич также выражал в новом для себя пропагандистском жанре – в многочисленных «поговорках и пословицах свободной России». За сентябрь 1917 г. он опубликовал около 130 таких поговорок, вне всякого сомнения, сочиненных им самим, среди которых встречались довольно меткие и остроумные. Приведем некоторые из них, призванные по замыслу их автора отразить (или, скорее, сформировать) народные настроения: «И старое гадко, и новое не

¹ Пуришкевич В.М. Безгласая Русь // Народный трибун. 1917. 19 сентября.

² Чарский В. В чем гибель русской революции // Народный трибун. 1917. 21 сентября.

³ Народный трибун. 1917. 20 сентября.

мило: жили не сладко, а сейчас – опостыло»; «Враг у ворот, нам без забот. Враг в Петрограде – мы и здесь не в накладе»; «Делят Русь на части большевики да власти»; «Думе Государственной, гимн пели благодарственный, да испугалась Дума и померла без шума»; «Все на Руси ново; а ни ситного, ни ржаного»; «Где умная баба, с революцией слабо, мужа дурака, в миг – за бока: “Не точи лясы, не копти неба, сидим без хлеба!”»; «Сыты революцией до отвала, одним дуракам ее мало; кто креста боится, пора и попоститься»¹.

Осенью 1917 года из под пера В.М. Пуришкевича выходят уже откровенно контрреволюционные строки. Подводя итог своему тюремному заключению, политик писал:

Уйдя от жизни и людей,
Я вник в событий ход тревожных,
И черни оценил вождей
И холод их учений ложных.
Я понял, что настанет час,
Когда, пресытившись от пира,
Народ услышит правды глас,
И свергнет своего кумира...²

А в самой преддверии захвата власти большевиками, 18 октября 1917 г., В.М. Пуришкевич выступил с крайне резким и категоричным стихотворением-призывом «Довольно»:

Пять п... стоят у власти³,
А Русь глядит, оторопев,
Как по стране играют страсти
И как растет народный гнев.
<...>
Но нет! терпенье не резина
И, как не длительно оно,
Лихая русская година
Сметет Пятерку все равно.

Когда? я не рожден пророком,
Но, чую, близок этот миг:
Законодательство насकोком
Для нас мучительней вериг!

¹ Там же. 22, 27 сентября.

² Пуришкевич В.М. Думы // Народный трибун. 1917. 27 сентября.

³ Речь идет о «Совете пяти» (Директории) – коллегии Временного правительства из пяти министров (А.Ф. Керенский, М. И. Терещенко, А.И. Верховский, Д.Н. Вердеревский и А.М. Никитин), созданном 1 сентября 1917 г. для выхода из острого правительственного кризиса. «Совет пяти» прекратил свое существование 25 сентября 1917 г. в связи с образованием Третьего коалиционного правительства, но поскольку все его члены оказались в новом кабинете, В.М. Пуришкевич продолжал именовать их «Пятеркой».

<...>

Пора, пора, сей камертон
И скрипачей большой столицы
Прогнать, пока предсмертный стон
Нас не привел под сень гробницы.

<...>

Великий прадедов большак,
Неужто мы его забыли,
И предпочтем в керенской пыли
Влачить национальный флаг?¹

Ровно через неделю после призыва В.М. Пуришкевича гнать Временное правительство это сделали большевики. 25 октября власть в стране вновь переменилась. Но падению опостылевшего Временного правительства Пуришкевичу порадоваться не пришлось – большевики, об опасности которых он столько предупреждал, были для него еще хуже неудачников-либералов. Печатный орган Пуришкевича «Народный трибун» был тут же закрыт, типография разгромлена красногвардейцами, а последний номер газеты конфискован. Владимиру Митрофановичу пришлось перейти на нелегальное положение и скрываться по подложному паспорту. Национальный флаг, о судьбе которого в революционные дни так сокрушался Пуришкевич, был сорван – над страной взвилось красное знамя. Расчет правого политика на то, что после окончания войны либеральные силы возьмут в стране верх лет на 5 – 10² (что и заставило его в свое время дать заметный крен влево), не оправдался. Творцам Февраля понадобилось всего лишь чуть более полугода, чтобы полностью разочаровать в себе общество. Поэтому эволюция В.М. Пуришкевича в отношении Временного правительства была вполне естественной. Будучи, что называется «реальным политиком», Пуришкевич всегда отличался большой «гибкостью» в политических вопросах, неизменными для него оставались лишь две вещи – интересы Великой России (естественно, в том виде, как он их сам понимал) и как достижение их – сильная государственная власть. И пока у политика теплилась надежда на то, что Временное правительство сможет стабилизировать ситуацию в стране и довести ее до победы над Германией, он искренне готов был к сотрудничеству с ним, но как только эти надежды улетучились – Пуришкевич превратился в убежденного противника буржуазно-либеральной власти.

¹ Пуришкевич В.М. Долой // Народный трибун. 1917. 18 октября.

² Пуришкевич В.М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 136 – 137.

Фруменкова Т.Г.

Социально-экономические проблемы Петроградского воспитательного дома в марте – октябре 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. в Петроградском воспитательном доме, крупнейшем сиротском заведении России, возникли проблемы со снабжением продуктами. 16 марта приказом и. д. директора главного врача И.А. Климова устанавливалось усиленное дежурство по кухне. В состав дежурных входили фельдшерица, служительница, кормилица и работник. Очередь таких дежурств должны были вести «делегаты, выбранные от каждой группы». В конце марта приказами И.А. Климова был ужесточен контроль над «числом лиц, состоящих на продовольственном довольствии». Главные надзиратели всех отделений, которые представляли в экспедицию у приема детей рапортчики о количестве таких рабочих и служащих, должны были «на обороте рапортчиков показывать поименно о всех убывающих и прибывающих». Приносить эти списки полагалось не позднее 9 часов утра следующего дня.

31 марта в виду установленной Центральным продовольственным комитетом нормы выдачи хлеба «по одному фунту на человека, а рабочим, занимающимся физическим трудом, по 1 1/2 фунта» в Петроградском доме был установлен особый порядок его раздачи. Всем «служительницам, безместным питомцам (воспитанникам, возвращенных в дом деревенскими воспитателями по истечении срока пребывания или по иным причинам, но пристроить которых не удалось – Т.Ф.) и рабочим» полагалось «ежедневно выдавать из хлебозерни дома по 1 фунту утром на целый день». От каждой группы следовало выбрать «приемщика, снабженного записками о числе лиц, имеющих право на получение хлеба за подписью надзирательниц отделений или вахтера». Служительницам прачечной и рабочим таким же порядком выдавалось по 1 1/2 фунта в день. Кормилицам, требующие «усиленного питания», получали ежедневно по 2 фунта хлеба по 1/2 фунта за 4 раза – «утром к чаю», в обед, «днем к чаю» и «за ужином». Хлеб заранее нарезали полуфунтовыми порциями. Выдавать его должны были «служительницы при столовой» из корзин в то время, когда «кормилицы займут места за столами в том же порядке, как это делается при выдаче пищи». Из отделений кормилицы направлялись в столовую в сопровождении служительниц с заверенными документами, подтверждающими их численность.

В «лазарете женской прислуги» предписано было отпускать хлеб на фактическое число больных. По мнению И.А. Климова, «при введении такого порядка значительно сократится... небережливый расход хлеба. Принимая же во внимание..., что хлеб отпускается по норме на единицу, опасение о недостатке хлеба, отпускаемого по карточкам на число довольствующих лиц в доме, отпадает». Наблюдение за исполнением правил возлагалось на эконома с помощником и надзирательницу столовой.

10 мая Хозяйственный комитет Петроградского дома заслушал протокол собрания кормилиц, младшего и среднего персонала служащих дома от 7 мая и присоединился к некоторым его положениям. Было решено отпускать все продукты «как на 1-й, так и на 2-й стол по точному распределению на каждое довольствуемое лицо», а отпуск обедов и ужинов «по запискам высшему и среднему персоналу» прекратить, так как «для этой категории лиц продуктов... не отпускается». Расходы «на отпускаемые по запискам г. главного врача добавочно к обеду на усиленное питание молоко и яйца» предложено было «относить на медицинский кредит, а не на пищевой». 19 мая об этом было объявлено в воспитательном доме.

Недостаток продовольствия приводил к конфликтам. 9 июня Хозяйственный комитет назначил дежурных по кухне – по одной от фельдшерниц и служительниц «для наблюдения за выдачей продуктов из кладовой и за соблюдением порядка при раздаче пищи». В недоразумениях должны были разбирать дежурные члены Комитета. Список их фамилий вывешивался на видном месте. В условиях нехватки продовольствия остро воспринимались его порча по халатности служащих, а также попадание некачественной еды на стол. 25 августа правление заслушало доклад и. д. директора о том, что часть закупленного парного мяса, лежащего в леднике, «подверглась порче... и была выброшена», а в грибном соусе, поданном дежурному врачу А.В. Поповой, обнаружены были мелкие белые грибные черви», и объявило эконому дома «за недосмотр выговор»¹.

Летом 1917 г. в Петроградском доме был образован «Открытый кооператив служащих». Его председателем был К.Г. Доппельмайер, с 5 мая 1917 – помощник директора, ставший и председателем Правления Дома. 27 июля управляющий Министерством государственного призрения А.А. Барышников, «идя навстречу служащим Министерства... в вопросе получения предметов первой необходимости» попросил чиновника «озаботиться приобретением ...продуктов... для удовлетворения нужд всех служащих..., вступивших в кооператив... Позволяю рассчитывать, что полезность возникшего кооператива вызовет... полное содействие со стороны учреждений и лиц ведающих снабжением населения продуктами»².

10 августа заведующие хозяйственной частью закрытых заведений были приглашены в Министерство на «совещание по вопросу об обеспечении продовольствием». «В виду создавшегося затруднительного положения Петрограда в продовольственном отношении, вызывающего большие осложнения в деле прокормления воспитывающихся закрытых учебных заведений, а равно и в виду различного рода других неблагоприятных обстоятельств, связанных с переживаемым временем»³, начало занятий было отсрочено до 1 октября, что распространялось на училище нянь и Мариинскую учительскую семинарию Воспитательного дома.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. ЛЛ. 10, 12, 18, 27 – 29, 45, 50, 68.

² РГИА. Ф. 759. Оп. 67. Д. 108. ЛЛ. 95 – 95 об.

³ Там же. Оп. 27. Д. 2227. Л. 62.

Наконец, 15 сентября в Министерстве был организован «продовольственный комитет с состоящим при нем продовольственным отделом» под председательством того же К.Г. Доппельмайера. Первый подписанный им документ утверждал: «На попечении Министерства... находятся младенцы, больные и призреваемые в числе нескольких десятков тысяч человек. Благополучие и жизнь их всецело зависит от Министерства, заменяющего им родителей... Острый экономический кризис создал большие затруднения при выполнении этой последней задачи, особенно на пути осуществления ее силами отдельных... учреждений». Потребовалось создание координирующего органа, которому «необходимо иметь право свободной закупки как пищевых продуктов, так и различных материалов для хозяйственных надобностей по возможности из первых рук во всех местностях России, право беспрепятственного получения нарядов на вагоны в первую очередь и в случае надобности на военную охрану грузов, а также располагать сведениями, где и от кого представляется возможность приобрести необходимые продукты и товары по наиболее выгодным ценам». Министерство выражало уверенность в «полном содействии со стороны всех инстанций и лиц». В то же время, председатель Комитета понимал, что осуществление этих задач, особенно «в первое время, труднодостижимо, и до тех пор, пока продовольственный комитет не будет в состоянии вполне развить свою деятельность и занять место, которое позволило бы преобразовать его в орган, подобный интендантству Военного ведомства, отдельным учреждениям не следует порывать связь с продовольственными организациями, чтобы не стать в безысходное положение»¹. О наличии товарных запасов комитет обещал извещать учреждения Ведомства. 20 октября К.Г. Доппельмайер, почти 14 лет прослуживший в Витебске, был командирован в этот город «по делам Продовольственного комитета»².

Воспитательному дому в 1917 г. не хватало и средств на приобретение продуктов и материалов, на содержание служащих и питомцев разных категорий. 17 января 1917 г. Петроградская николаевская детская больница Мариинского ведомства попросила отпустить ей 854 р. 19 коп. «в дополнительное пособие на пищевое довольствие прислуги из питомиц ... воспитательного дома» (такая прислуга имелась во всех столичных заведениях ведомства). С аналогичными ходатайствами тогда же обратились к начальству руководители петроградских женских институтов – Сиротского, Мариинского, Патриотического и Елизаветинского. С их предложениями согласилась Сметная комиссия Ведомства, но до революции этот вопрос не был разрешен. После смены власти Контроль Ведомства не нашел препятствий к отпуску дополнительных средств. 5 апреля Опекунский совет утвердил заключение Сметной комиссии об отпуске дополнительных кредитов на сумму 6 120 руб. 45 коп. «на пищевое довольствие прислуги из питомиц ...дома». В мае это положение распространили на Елизаветинскую клиническую больницу для мало-

¹ Там же. ЛЛ. 94 – 95 об.

² Там же. Оп. 46. Д. 3775. ЛЛ. 2 об. – 5 об., 14 – 15.

летних детей. Ее главный врач сообщил, что «вследствие дороговизны» с марта расходует на пищу 82 слугам по 50 коп. в день на человека. Как и прочим, ему приказано было ограничиться 46 коп.¹

11 августа в Главное управление поступило прошение от администрации Александринского сиротского женского профессионального училища. В нем сообщалось, что до 1 августа «казенные служительницы училища (та же прислуга из воспитанниц) состояли в артели Николаевского сиротского института: «Ныне институт прекратил довольствие в артели служительниц училища, и оно принуждено было кормить их из общей кухни за плату 57, 5 коп.». Организовать «питание артелью» в училище не представлялось возможным, потому что штаты служительниц были заполнены не до конца, для приготовления еды требовалась прислуга и помещение, что вызывало дополнительный расход, да и на 46 коп., по мнению руководителей училища, «не прокормиться». В результате служительницам приходилось доплачивать за обеды. 10 сентября последовала резолюция: «Нет оснований к удовлетворению ходатайства»².

15 мая в Главное управление было направлено «весьма срочное» представление из Петроградского дома. Его авторы напоминали, что по положениям 1908 и 1911 гг. Дом получал ежегодно на содержание 15 летних яслей в округах 7 500 руб. В 1916 г. в виду дороговизны на 2 месяца денег не хватило, и совет дал еще 7 500 руб. За это время выросли цены, и в 1916 г. дополнительных субсидий хватило только потому, что «вследствие эпидемий в некоторых деревнях не все ясли работали непрерывно». К тому же, в яслях не было сахара, масла, муки и мяса из-за отсутствия продуктов на рынке или нехватки средств (их отпускали в расчете по 30 коп. в день на ребенка), не пополнялся комплект белья и дров, не хватало няnek, наконец, «дети были совершенно лишены игрушек». В наступающем летнем сезоне «продовольственный вопрос обострился. В некоторых деревнях ни за какие деньги уже не добыть теперь ни сахара, ни муки, а... молоко, картофель, яйца, иногда мясо настолько поднялись в цене», что по норме прошлого года придется ограничиться бутылкой молока, которая стоит 25 коп. Выплаты на ребенка должны были быть не менее 70 коп. в день». «Переполнение деревень беженцами, войсками, ранеными и военнопленными сделало то, что крестьяне подняли вдвое и даже втрое стоимость оставшихся у них свободными помещений, а девушки, свободно ныне зарабатывающие у себя дома 25 – 30 рублей за месяц, отказываются идти на службу няньками» меньше чем за 25 руб. в месяц. Следовало увеличить жалованье надзирательницам, выросла стоимость освещения и керосина для кипячения молока, увеличились расходы на мыло и стирку, требовались деньги на игрушки, белье и инвентарь. На один приют с 30 воспитанниками Дом предполагал получить 1 900 руб., а на 15 – 28 500, то есть, на 13 500 руб. больше, чем в 1916 г. «Совет делегатов, управляющий Воспитательным домом», нашел, что «ясли текущим летом особен-

¹ Там же. Оп. 67. Д. 114. ЛЛ. 1 – 11.

² Там же. ЛЛ. 18 – 20.

но нужны». На селе в 1917 г. остались только старики, «убогие» и женщины, и «положение детей в деревнях в страдную пору... будет особенно тягостно», так как они «останутся совершенно без присмотра и будут как никогда подвергаться несчастным случайностям и заболеваниям». И.А. Климов поддержал просьбу Совета, но Контролю Ведомства требуемая сумма показалась преувеличенной.

16 июня на съезде окружных врачей и надзирателей округов все «делегаты высказались за невозможность кормить детей на 57 коп. и за необходимость принять детей и крестьян-воспитателей». Окружные агенты просили открыть ясли на 2 месяца, до 1 сентября. Совет Дома «по срочности решил открыть ясли пока с 1 июля на полтора месяца», но ходатайствовал о 2 месяцах. Лишь 9 августа из Контроля Ведомства поступило известие: «В виду приведенных ...данных о... ценах на пищевые продукты к увеличению... до 70 коп. (на ребенка – Т.Ф.)...препятствий не встречается». Количество детей оказалось больше запланированного – 497 вместо 450, и соответственно, возросла численность прислуги. На полтора месяца работы яслей потребовалось еще 23 839 руб., которые обещали отпустить в текущем году¹.

31 мая инспектор Мариинской учительской семинарии в Павловске (учебного заведения, в котором обучались воспитанники – Т.Ф.) ходатайствовал об увеличении «пищевого довольствия для воспитанников... до 75 коп. в день на лицо», так как прокормить их по существующей норме не представлялось возможным. К прошению он приложил расчет стоимости питания 60 юношей при условии, что каждая неделя будет включать 3 мучных, 2 мясных и 2 рыбных дня. В середине 1917 г. на одного воспитанника отпускали по 52 коп. Этого хватало только на «мучной стол», а «кормить воспитанников исключительно одним мучным столом совершенно недопустимо». Инспектора поддержал Совет Воспитательного дома. Контроль Мариинского ведомства признал просьбу «подлежащей удовлетворению»².

С 1 мая 1917 г. по постановлению Особого совещания была увеличена плата за содержание питомцев в сельских округах Московского воспитательного дома. За детей от 1 года до 3 лет семьям крестьян-воспитателей стали платить 120 руб. в год, а от 3 до 6 лет – 144 руб. в год. В связи с этим на август 1917 г. правление Московского дома потребовало дополнительного ассигнования 620 000 руб. и получило разрешение на это Главного управления³.

24 августа Правление Петроградского дома «в виду чрезмерного вздо-
рожения жизни ... и отказа деревенских воспитателей от принятия к себе на
воспитание грудных детей, а также сдачи имеющихся у них на воспитании
питомцев в окружные управления по крайне малым размерам производимой
в настоящее время платы: от 1 года до 3 лет – 72 руб., от 3 лет до 10 лет – 60

¹ Там же. Д. 180. ЛЛ. 1 – 7.

² Там же. Д. 234. ЛЛ. 1 – 2 об.

³ Там же. Д. 210. ЛЛ. 1 – 6.

руб. в год, от 10 лет до 15 лет – 36 руб. в год», предложило увеличить плату до размеров, уже введенных в Москве. Дополнительные расходы должны были составить 934 344 руб. в год. Признавалось необходимым по примеру Москвы увеличить плату за содержание питомцев школьного возраста дополнительно до 24 руб. в год за 5 лет обучения питомца в школе, на что потребовалось бы еще 30 000 руб. в год. На письме имеется несколько резолюций. В частности: «Доложено г. министру. Полагал бы необходимым провести эту меру в срочном порядке во избежание наплыва безместных детей. 28.08.1917» и «Возможно допустить в качестве переходной меры».

Предложение руководителей Петроградского дома также было передано Особому совещанию при министре государственного призрения Его участники заявили, что увеличение норм оплаты «не могло бы разрешить в полной мере вопроса о призрении питомцев в сельских округах. ...Было бы более соответствующим предоставить питомцам призрение в особых детских приютах, подобно тому, как это уже ныне осуществляется Валдайским приютом». Впрочем, чиновники понимали, что создать такие приюты немедленно не представляется возможным, и с 1 сентября ввели предлагаемые нормы оплаты сельским воспитателям.

Тем не менее, 11 сентября и. д. директора сообщал начальству, что Воспитательный дом, не имея «возможности за неприбытием из округов деревенских воспитателей, желающих принять к себе на воспитание детей из грудных отделений, возраст которых требует уже вспомогательного вскармливания, вынужден особо интенсивно заняться приготовлением для этих детей продуктов питания (коровьего молока и других суррогатов), кроме того, работа в приготовлении последних еще увеличивается за отсутствием в доме молочных кормилиц». Эта работа требовала специальной подготовки, и И.А. Климов предложил внести в штат Дома новую должность заведующего молочной кухней с жалованием 1 800 руб. в год «при казенной квартире и со столом натурой». Работающим на кухне 4 фельдшерицам предлагалось увеличить оклад со всеми прибавками до 125 руб. в месяц. Прошение также было передано в Особое совещание, состоявшееся 28 сентября¹. Очевидно, что социально-экономические проблемы привели к краху традиционной системы вскармливания и воспитания сирот.

7 июня в Главное управление Ведомства поступило представление о повышении с 1 января 1917 г. (задним числом – Т.Ф.) «нормы на продовольствие безместных питомцев». По смете на каждого из «безместных питомцев, временно пребывающих в сельских лазаретах и при окружных управлениях», отпускалось по 20 коп. в день. Между тем, бутылка молока «стоит на месте 25 коп., а фунт хлеба 17 коп., и при существующей норме не было «никакой возможности кормить безместных не только досыта, но и впроголодь». В виду этого и. д. директора ходатайствовал «о повышении ...нормы ...хотя бы до 50 коп. на человека в сутки». К тому же, в смете не предусматривалось

¹ Там же. Оп. 27. Д. 2324. ЛЛ. 1 – 8.

денег «на приобретение безместным одежных вещей,.. воспитатели питомцев обыкновенно доставляют (их) в окружные квартиры совершенно не экипированными и без сапог и если, тем не менее, безместные более или прилично одеты, то единственно из человеколюбия гг. окружных агентов, экипирующих их на собственные средства, что вряд ли может считаться нормальным». И.А. Климов предлагал выделять на одежду одного ребенка по 25 руб. в год. В Главном управлении норму для безместных решили приравнять к увеличенным нормам для прислуги – 46 коп. на человека, а с внесением в смету 1918 г. статьи расходов на экипировку согласились¹.

22 августа Главное управление разрешило «продовольствовать безместных по 70 коп. как в Зимогорье (организуемой колонии), так при необходимости и в нанятых помещениях», за тех же возвращенных питомцев, которые оставались на квартире окружного надзирателя, по-прежнему выдавалось по 46 коп. В Воспитательном доме посчитали, что это несправедливо. В августе 1917 г. в Правление «ежедневно стали прибывать из округов заявления гг. окружных надзирателей о возвращаемых им крестьянами-воспитателями питомцев, ввиду как чересчур скудной платы, положенной на них при нынешнем тяжелом времени, так и паники вследствие близости неприятеля к Пскову. Питомцы эти прибывают в окружные управления полураздетые, без обуви, и приходится не только обути, одеть и накормить, но и давать им ночлег и помещение. Между тем, ...при округах сейчас нет ни квартиры для безместных, ибо за 300 руб. квартирных денег едва можно нанять квартиру для надзирателя с семьей, ни одежды, ни прислуги. Кормить же безместных на отпускаемые ныне для них деньги не представляется никакой возможности. Сейчас таких питомцев насчитывается около 100. Обсудив это заявление и находя такое положение безместных крайне критическим, Правление ...постановило ходатайствовать срочным порядком перед Главным управлением» о том, чтобы окружным надзирателям предоставили право нанять помещение для размещения детей, увеличить «пищевую норму для безместных до 70 коп. в день на человека» и отпустить им «на приобретение необходимой для таких безместных одежды по 25 руб. на человека». Зимой, при наступлении холодов, возвращение детей в окружные управления могло значительно возрасти. Окружные надзиратели просили указаний, как «дальше быть и что делать с питомцами». По их мнению, выходов было три: или собрать всех детей в Петрограде, что привело бы к скученности и увеличило смертность, или содержать их в сельских лазаретах, что вызвало бы рост заболеваемости здоровых, или «устраивать таких детей в особых колониях наподобие тех, о которых уже не раз подымался вопрос в делегатских совещаниях.., о которых упоминается в подготовленном И.А. Климовым проекте реформы воспитательных домов... и об устройстве которых он уже возбудил ходатайство». В самом затруднительном положении «в отношении безместных» находились Валдайский и Дворецкий окружные надзиратели. У каждо-

¹ Там же. Оп. 67. Д. 187. ЛЛ. 1 – 4.

го из них скопилось до 20 питомцев от 1 года до 8–9 лет. Летом детей разместили в яслях, но к концу лета, с закрытием яслей, они должны были «остаться без пристанища». Надзиратели просили открыть в селе Зимогорье под Валдаем колонию питомцев. К прошению прилагалась смета заведения. На 40 питомцев предполагалось затрачивать по 1 457 руб. в месяц. Еще 2 000 руб. единовременно следовало израсходовать на оборудование. При отрицательном ответе предлагалось устроить колонию в каких-либо яслях, так как **«иначе безместным негде будет ночевать»** (выделено в документе – Т.Ф.). В доме были составлены и проекты таких многофункциональных колоний примерно в том виде, в котором они и будут созданы в советский период. 19 сентября товарищ министра утвердил решение об открытии колонии¹.

Остро стоял и вопрос о материальном положении служащих воспитательных домов. Первыми заявили о необходимости улучшения условий жизни низшие служители учебно-воспитательных заведений. Росту их активности способствовала революционная обстановка в Петрограде. Уже 7 марта почетный опекун, управляющий Хозяйственной частью Смольного и Александровского институтов, сообщил, что служащие предъявили ему «ряд пожеланий». Почетный опекун считал, что к обсуждению проблемы следовало бы привлечь «выборных представителей от служащих». К его ходатайству были приложены протоколы собраний разных категорий служащих. Представители «женской прислуги» из воспитанниц Дома, явно малограмотные, с трудом могли сформулировать свои пожелания. Они просили о повышении жалования до 45 руб. «при готовом столе и казенной одежде». «Объ мундирования служащих выдавалось бы следующим образом, – писали женщины. – Палто через 5 и больше и бо которые и совсем не получали, а фуражки следуют ежегодно, но мы не получаем. Квартыры очень не удобные и местные и не которые не от горожены, а поставлены так, за свой счет»².

Позднее к ним добавились новые протоколы. Очередное трогательное прошение составили 17 «казенных девушек» (питомиц Воспитательного дома), служивших в институте с получением казенного стола, одежды и жилья. Они сообщали, что их жалование в 1905 г. составляло менее 2 руб. в месяц, в 1905 – 1915 гг. – 3 руб., а с 1916 г. – 4 руб. «На это жалование мы должны купить чай, сахар, а из одежды нам не выдаются платок для головы, пальто, галоши и чулки, – сообщали служительницы. – На сапоги мы получаем ежегодно 6 руб., а в настоящее время на это содержание крайне тяжело и трудно жить». Они также попросили об улучшении пищи: «Последние два года мы получали ежедневно булку, а теперь выдача булок прекращена». «Казенные девушки» просили и об увеличении пенсии. Они писали, что за 15 лет службы их пенсия составляла 1 руб. 80 коп. в месяц, за 25 – 5 руб. 25 коп., а за 35 – 6 руб. в месяц и высказывали пожелание об облегчении помещения в богадельни: «Между нами есть много девушек, выслуживших 15, 20, 25 и 30 лет. За эти годы мы много положили сил и здоровья на службе».

¹ Там же. Д. 216. ЛЛ. 1 – 18.

² Там же. Оп. 27. Д. 2357. ЛЛ. 7 – 8 об.

На основе прошений были составлены общие требования прислуги: увеличение оклада, выплата наградных в размере жалования дважды в год, выдача задержанных выплат, оплачиваемые отпуска, выплаты на рождение и обучение детей, на похороны и по болезни, пенсии, участие выборных от служащих при увольнении одного из них. Их дополняло новое прошение казенных служительниц: «1) Описываем то что мы не имеем сапог чулок галош полотенец платков новых покрывал юбок и куцавеек сахар и чай мыло для стирки, а жалованье получаем 4 руб. 2) Просим форму и стол и 20 руб. Просим обратить внимание на нашу просьбу. Девушки. 15 марта 1917 г.»¹.

12 мая комиссары Временного правительства участвовали в работе «Межведомственного совещания для рассмотрения проектов представлений гражданских ведомств об ассигновании чрезвычайных сметных кредитов на расходы военного времени». На совещании были рассмотрены проекты Главного управления о распространении правил 13 мая 1915 г. об увеличении суточных на все категории низших служащих заведений Мариинского ведомства (в действовавших правилах не был учтен ряд женских должностей, а также те служители, которые пользовались столом и квартирой)². С необходимостью установить одинаковое суточное вознаграждение были согласны все, и постановление это будет принято в июне 1917 г. Еще в мае на воспитательные дома была распространена 75%-я прибавка к жалованию «младшего персонала служащих и специалистов». «Женская прислуга» стала получать не меньше 8 руб. в месяц, служители-мужчины – не меньше 15 руб. На пищу им отпускалось 46 коп. в день, на одежду – 40 руб. в год. Пособия получали и семьи тех, кто служил в армии³. На очередном прошении прислуги со штампом 13 мая Е.П. Ковалевский не без раздражения написал: «Надо собрать справки и выяснить это заявление, никак не могу в нем разобраться. Ведь младшим служащим уже отпущены 1 1/2 миллиона, и ... 800 000 р., а учащим еще ничего»⁴.

Воспитатели, преподаватели и врачи прибавок так и не получили. Сведений об экономических требованиях персонала воспитательных домов найти не удалось, но его настроение примерно известно. 10 мая Е.П. Ковалевский получил анонимное письмо из Петрограда от «группы учительниц» младших классов. Авторы напоминали комиссару, что первой его обязанностью должна была стать «забота о быте служащих», что и было сделано по отношению к прислуге, из «добрых побуждений... или из особых чувств перед чернью, нам неведомо». Преподаватели же обойдены процентными военными надбавками. Анонимы требовали восстановления прав и в случае невыполнения требований пригрозили: «Придется при всем нежелании и нам

¹ Там же. ЛЛ. 9 – 13.

² Там же. Оп. 46. Д. 3960. ЛЛ. 165 – 166.

³ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 930. ЛЛ. 62, 80, 88, 140.

⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3960. Л. 101.

прибегнуть к тем же способам, которыми осуществляются законные права». «В чем дело?» – пометил комиссар на анонимке¹.

9 июня совет делегатов Петроградского дома заслушал представление «от фельдшерниц и учителей, служащих по Воспитательному дому и происходящих из питомцев дома, о их желании собраться вместе и обсудить их нужды и требования, единогласно постановил присоединиться к их просьбе и просить ... разрешить съезд... в Петрограде». Правление дома нашло его проведение «весьма желательным» для выяснения «всех накопившихся нужд учащего в сельских школах дома и фельдшерского персонала». Собраться можно было в Петрограде или в Павловске. Требовалось 1 400 руб. с учетом ограниченного «вознаграждения за службу» делегатов съезда. Представление два месяца ходило по кабинетам, и 24 августа Главное управление признало съезд «несвоевременным и не имеющим общественного и государственного значения»².

Над воспитательными домами летом 1917 г. нависла и проблема эвакуации. Проекты эвакуации Петрограда и его учреждений были сообщены министру государственного призрения князю Д.И. Шаховскому 28 мая. 3 июня в состав Комитета по подготовке плана эвакуации были включены чиновники Министерства. 7 июля в списке учреждений, эвакуируемых в Москву, появился Воспитательный дом. 3 октября в Дом был доставлен циркуляр Министерства о порядке обеспечения местами в пассажирских поездах семейств государственных служащих «в связи с разгрузкой Петрограда вследствие продовольственных затруднений»³.

В конце августа осложнилась обстановка в западных округах Петроградского дома. 23 августа псковский врач донес правлению, что в Пскове «по случаю взятия Риги началась паника, и ...необходимо озаботиться эвакуацией больных лазарета, а равно и питомцев округа, так как... с прекращением подвоза продуктов в Псков может оказаться, что больные и безместные питомцы будут обречены на голодовку». Вывезти его предлагали в Угловский лазарет, где больных почти не было. В случае необходимости планировалось эвакуировать и Новосельский лазарет, его собирались перевести в Плюсу⁴.

Таким образом, 1917 г. обострил многие проблемы воспитательных домов, привел к неизбежному их реформированию в первые годы советской власти и показал основные направления будущих реформ.

¹ Там же. ЛЛ. 102 – 103 об.

² Там же. Оп. 67. Д. 205. ЛЛ. 2 – 4.

³ Там же. Оп. 27. Д. 2350. ЛЛ. 1, 2, 21; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934. ЛЛ. 82 – 83 об.

⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 67. Д. 217. ЛЛ. 1 – 2.

Хуциева В.В.
«Министерская чехарда» и судьбы коммерческого образования весной – осенью 1917 г.

4 марта 1917 г. постановлением Совета министров Ведомство учреждений императрицы Марии передано в ведение Министерства народного просвещения «с назначением для временного управления при нем особых комиссаров»¹. То же распоряжение комиссара Временного правительства октябриста Е.П. Ковалевского² содержит просьбу «продолжить или возобновить там, где она была прервана, свою деятельность, и принять все меры к восстановлению правильной жизни и занятий в учебных заведениях», призыв «всех к единодушной работе на благо родины, вступившей на путь свободы и полного обновления на новых началах»³. Этому событию предшествовал период иллюзий для руководителей и сотрудников учебных заведений Ведомства, ибо им предлагалось самостоятельно решить вопрос о своей новой подведомственности. На 4 марта Коммерческом училище было назначено обсуждение «одного из неотложных учебных вопросов»⁴. Аналогичный вопрос – о переходе в МНП или в Министерство торговли и промышленности – обсуждался в училище и 13 апреля⁵.

Отныне меры, предпринимаемые Министерством народного просвещения, стали распространяться и на ранее привилегированные учебно-воспитательные учреждения Мариинского ведомства. Так, 20 марта 1917 г. (циркуляр об этом появился заблаговременно – 8 марта) во всех учебных заведениях проводился кружечный сбор «для усиления средств» Петроградского отдела Союза для борьбы с детской смертностью в России⁶. Это были меры в большей степени ориентированные на вопросы социального и профессионально-педагогического характера.

15 марта директор Петроградского коммерческого училища В.А. Вагнер сообщал комиссару Мариинского ведомства о переносе заседания Педагогической конференции с пятницы 17 марта на понедельник 20 марта, «по случаю имеющих быть в этот день гражданских похорон жертв революции»⁷, которые, как известно, состоялись на Марсовом поле 23 марта.

25 марта в 14 ч. в здании Главного управления Ведомства (ул. Казанская, д. 7) обсуждался вопрос «о материальных нуждах низшей прислуги учреждений Ведомства», куда комиссар Исполкома Государственной думы М.М. Ичас пригласил «одного представителя администрации и одного вы-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 9059. Л. 14.

² См. подробн.: Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 75, 84 – 85.

³ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 9059. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 9375. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Д. 9059. Л. 15.

⁷ Там же. Д. 9043. Л. 64.

борного из низшей прислуги»¹. Вопрос не был решен, т.к. уже 12 апреля директор училища получил прошение от трех низших служащих об улучшении своего тяжелого материального положения².

С 7 по 9 апреля в здании Коммерческого училища проходил Всероссийский делегатский учительский съезд, собравший 800 участников. Министр просвещения А.А. Мануйлов выступил с программной речью о «демократизации школы», содержащей, по мнению, некоторых исследователей, «демагогические обещания»³.

13 мая последовал циркуляр Главного управления Министерства народного просвещения по Ведомству учреждений императрицы Марии о признании «недопустимым для учебных заведений Ведомства» и изъятии «из употребления в тех учебных заведениях, в которых она применяется» учебника Григорьевского «Сокращенная русская грамматика. Этимология и синтаксис. Со сборником образцовых стихотворений и рассказов прозаического содержания», изд. 5, 1915 г.⁴

Еще 12 мая постановлением Временного правительства Ведомство включено в состав Министерства государственного призрения, главой которого являлся князь Д. Шаховской⁵. Отныне больше всего внимания стало уделяться хозяйственным и финансовым вопросам.

31 мая последовал циркуляр Министерства: «В целях разгрузки телеграфных проводов, налажения общего управления, обороны и продовольствия, Временным правительством признано необходимым по возможности сократить служебную переписку Министерств по телеграфу»⁶. Действительно, количество телеграмм в текущей документации резко сократилось.

26 июня администрация Коммерческого училища получила уведомление Комиссии по составлению списков присяжных заседателей о необходимости не позднее 1 июня предоставить список таковых⁷. В список Училища было включено 21 лицо: А.И. Бастен, ст. сов., классный воспитатель; Д.Д. Бочаров, ст. сов., классный воспитатель и преподаватель; Я.И. Бурлаков, кол. сов., секретарь Совета; В.А. Вагнер, д. ст. сов., доктор зоологии, директор Училища⁸; А.А. Воскресенский, дежурный воспитатель; Э.Р. Вреден, надв. сов., классный воспитатель и преподаватель; А.И. Ильинский, кол. секр., дежурный воспитатель; А.А. Громов, кол. сов., преподаватель; Ч.И. Гудлет, ст. сов., преподаватель; В.А.М. Измайлов, ст. сов., преподаватель; Н.И. Капустин, д. ст. сов., почетный член Совета; А.Г. Лемба, кол. секр., классный вос-

¹ Там же. Д. 9059. Л. 19.

² Там же. Д. 9165. ЛЛ. 1 – 5.

³ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917 – 1920). М., 1958. С. 62 – 65.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 9059. Л. 42.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 47.

⁷ Там же. Д. 9058. Л. 1.

⁸ См. подробн.: Рогинский Г. В.А. Вагнер. К пятилетию со дня смерти, 1849 – 1934 // Советская педагогика. 1940. № 1. С. 96 – 101.

питатель; Г.Г. Ноак, ст. сов., классный воспитатель и преподаватель; В.И. Морозов, коммерции советник, почетный член Совета; В.В. Осуховский, канд. филол., преподаватель; Н.С. Свидерский, кол. асс., классный воспитатель и преподаватель; А.Д. Синев, пот.поч. гр., почетный член Совета; Н.В. Тихомиров, ст. сов., преподаватель; А.И. Чевакинский, д. ст. сов., и.о. инспектора по воспитательной части преподаватель; А.А. Шульц, ст. сов., преподаватель; И.К. Яковлев, кол. секр., классный воспитатель и преподаватель¹.

1 июля – циркуляр управляющего Министерством государственного призрения А.А. Барышникова: «В виду создавшегося затруднительного положения в продовольственном отношении, вызывающего большие осложнения в деле прокормления воспитывающихся закрытых учебных заведений, а равно в виду различного рода других неблагоприятных обстоятельств, связанных с переживаемым временем, предлагаю местным начальствам Петроградских закрытых учебных заведений Ведомства отсрочить прием и съезд учащихся в оных заведениях для экзаменов и начала занятий до 1 октября сего года и ныне же предложить родителям и опекунам воспитывающихся не привозить детей в заведения ранее означенного срока, с указанием мотивов такой меры»². Занятия в Петроградском коммерческом училище начались 2 октября³.

28 июля – циркуляр управляющего Министерством государственного призрения А.А. Барышникова – «воздержаться от расширения своей деятельности, связанного с испрошением новых кредитов»⁴. В результате, сохранились документы вплоть до декабря 1917 г., свидетельствующие о ссудах училищу на неотложные нужды со стороны членов Опекунского совета⁵. Иначе справиться с закупками всего необходимого, оплатой охраны здания не представлялось возможным.

Хватало и бытовых трудностей. Так, 5 августа директор Коммерческого училища получил уведомление: «вследствие перехода станции от Петроградского общества электрических сооружений Петроградскому городскому общественному самоуправлению, заключенный с Вами договор на отпуск тока для Вашего помещения, срок коему истек 1 августа, не может быть в дальнейшем возобновлен на прежних условиях»⁶.

16 августа – циркуляр министра государственного призрения И.Н. Ефремова о постановлении Временного правительства от 16 июля – Опекунский совет Ведомства, Сметная комиссия, должности почетных опекунов упраздняются, полномочия Опекунского совета по административным, хозяйствен-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 9058. ЛЛ. 2 – 8.

² Там же. Д. 9043. ЛЛ. 75 – 76.

³ Там же. Л. 97.

⁴ Там же. Д. 9059. Л. 80.

⁵ Там же. Д. 9169. ЛЛ. 1 – 4.

⁶ Там же. Д. 9043. Л. 122.

ным и финансовым вопросам переходят к Министерству, права и обязанности почетных опекунов передаются начальникам учебных заведений¹.

Противодействие имело место, особо проявляясь в местнических правах администрации. На 30 сентября было намечено открытие очередной сессии Государственного комитета по народному образованию, в связи с чем Бюро Комитета обратилось к директору Училища с просьбой предоставить помещение для размещения приезжающих членов Комитета с 29 сентября по 6 октября, но В.А. Вагнер отказал².

9 ноября – декрет ВЦИК и СНК об учреждении Государственной комиссии по просвещению с пометкой, что «текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство народного просвещения»³. Министерство превращалось в исполнительный аппарат при Комиссии⁴. Для руководства школьным образованием создавался ряд отделов, ведавших начальными, средними и профессионально-техническими учебными заведениями. Особо отметим отделы технических школ и олитехнического образования, причем последний 21 октября 1917 г. будет преобразован в Отдел профессионального образования Наркомпроса. Впоследствии в июне 1918 г. эти отделы сольются в Отдел единой трудовой школы. Вообще же, период с ноября 1917 г. по середину 1918 г. следует считать важнейшим в новом культурном строительстве, т.к. тогда закладывались теоретические и организационные основы, вырабатывались главные направления и принципы Наркомпроса⁵. Советский аппарат стремился, прежде всего, привлечь на свою сторону широкие учительские массы, ликвидировать пережитки прошлого в системе народного образования, а таким анахронизмам, как закрытые и привилегированные учебно-воспитательные заведения для мещанства и купечества, в новой системе места быть не могло.

6 декабря – циркуляр Делегатского собрания Петроградских учебных заведений: «В годину тяжких испытаний и надвигающейся полной разрухи страны и, в частности, школы, Депутатское собрание представителей всех учебных заведений Министерства государственного призрения, находящихся в Петрограде и его окрестностях и Родительских при них комитетов в целях сохранения в сих заведениях порядка, обеспечивающего дальнейшее существование их, в заседании 22 минувшего ноября постановило считать себя единственным правомочным центральным органом, принявшим на себя всю тяжесть и ответственность управления названными заведениями, при условии сохранения местной автономии их. Призывая все учебно-воспитательные

¹ Там же. Д. 9059. Л. 81.

² Там же. Д. 9043. ЛЛ. 141 – 142.

³ Народное просвещение. 1918. № 1 – 2. С. 5.

⁴ См. подробн.: *Титкова С.С.* Создание органов государственного руководства культурным строительством в Советской России (1917 – 1920 гг.): Автореф. дисс ... к. юр. н. М., 1974. С. 11.

⁵ См. подробн.: *Кейрим-Маркус М.Б.* Создание центрального государственного аппарата по руководству культурой (ноябрь 1917 – середина 1918 г.): Автореф. дисс ... к. ист. н. М., 1977; *Штамм С.И.* Управление народным образованием в СССР (1917 – 1936). М., 1985.

заведения впредь до формирования в России центральной власти, пользующейся всенародным признанием, дружно сплотиться для блага родной школы, Исполнительный комитет Депутатского собрания предлагает местным управляющим учебных заведений – советам и педагогическим конференциям, отвергая всякие насильственные вмешательства со стороны захватчиков власти и их агентов, исполнять лишь постановления Депутатского собрания»¹.

12 декабря – циркуляр наркома по МГП А.М. Коллонтай об упразднении Совета детских приютов Ведомства, Постоянной комиссии Совета, Хозяйственного комитета, Комитета для сбора пожертвований, Комитета для изыскания средств на устройство слабых здоровьем детей в летний санаторий².

15 декабря – ее же циркуляр: учреждения Ведомства, «саботируя правительство крестьян и рабочих, не обращаются в Народную комиссию за необходимыми средствами, предпочитая либо оставить воспитанников голодными, либо противозаконно и самочинно, вопреки распоряжению народного комиссара, распускают призреваемых по домам. Слухи о прекращении стипендий и закрытии приютов и убежищ лишены всякого основания. Предлагаю родителям немедленно оповещать меня о самочинном роспуске и предупреждаю, что лица высшей администрации, виновные в преступлениях подобного рода будут немедленно уволены и привлечены к ответственности»³. В тот же день было принято постановление СНК о передаче всех учебных заведений духовного ведомства в управление Наркомпроса.

24 декабря попечителям учебных округов был разослан циркуляр Наркомпроса о введении на территории страны с 25 октября государственной власти в лице рабочего и крестьянского правительства, а также о структуре самого Наркомпроса. К весне 1918 г. учебные округа будут ликвидированы.

После Февральской революции объединить все учебные заведения страны в руках Министерства народного просвещения не удалось, только в феврале 1918 г. Наркомпрос официально получит в управление все учебные заведения, но и то столкнется с противодействием профессиональных учебных заведений, т.к. ни одно ведомство не имело «намерения выпускать из своих рук руководство специальными школами»⁴. В целом, в 1917–1918 уч.г. продолжали существовать гимназии, реальные и коммерческие училища и другие дореволюционные типы учебных заведений. Однако судьба их уже была предрешена.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 9059. Л. 131.

² Там же. Л. 132.

³ Там же. Л. 133.

⁴ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. С. 104.

Николаев А.Б.

Рабочие перед Временным судом (Петроград, 1917 год).

Как известно, временные суды в Петрограде были созданы приказом министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 г. В приказе указывалось, что временные суды образуются для того, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими». Присутствие Временного суда состояло из трех человек – мирового судьи (председатель), представителя от армии и представителя от рабочих¹.

Среди обвиняемых, представших перед Временным судом, были и рабочие. Какой либо статистики о характере преступлений, совершенных рабочими, а также о приговорах, вынесенных по этим делам временными судами, в нашем распоряжении не имеется. Вместе с тем материалы периодической печати, а также документы, выявленные в архивах, позволяют составить представление о том, по каким именно делам оказывались рабочие на скамье подсудимых в камерах временных судов Петрограда и какие наказания несли они за совершенные преступления и проступки.

Во временных судах оказывались рабочие, задержанные милиционерами за отсутствие документов. Так, 6 марта был задержан за отсутствие документов чернорабочий Константин Константинович Михайлов, который показал Комиссии по обследованию мест заключения г. Петрограда, что он уроженец Гдовского уезда Петроградской губ., живет в Петрограде 3 года, работал на стройке у подрядчика Смирнова (ул. Большая Дворянская, д. 29, кв. 15), а ночевал в ночлежном доме (пер. Зеленков, д. 7 а). Далее Михайлов сообщил, что он освобожден от призыва на воинскую службу на год по 1 января 1917 г., а все документы отосланы им в Ложголовское волостное правление для перемены паспорта. Член-обследователь М. Данилов записал в листе обследования: «Лицо внушает доверие. В виду того, что подлежит призыву[,] полагал бы немедленно отправить к Петроградскому воинскому начальнику. <...>»². 12 марта I временный суд Адмиралтейского района, опросив К.К. Михайлова, постановил освободить его из под стражи. В этот же день был освобожден и чернорабочий Федор Пименов, причины задержания которого неизвестны³.

Перед временными судами оказывались рабочие, ставшие в трезвом состоянии виновниками различных бытовых конфликтов, которые возникали по месту работы и проживания рабочих, в общественном транспорте и на улице. 3 марта милицией за драку был задержан ученик на Ижорском заводе Павел Кузьмич Иванов. В этот же день он показал Комиссии по обследова-

¹ Об образовании временных судов // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый (далее – СУ). 1917. № 58. 12 марта. Ст. 354. С. 544.

² ЦГИА СПб. Ф. 1699. Оп. 2. Д. 3. Л. 16.

³ Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

нию мест заключения, что подрался с братом из-за того, что тот отказался идти «в лавку за хлебом» и «бросил деньги». Член-обследователь М. Данилов записал в листе обследования: «<...> Преступления очевидно нет и потому необходимо выпустить»¹. Но только 12 марта 1917 г. I временный суд, опросив доставленного из Петроградского комендантского управления рабочего Иванова, постановил освободить его из под стражи². Т.е. с момента опроса и до постановления об освобождении прошло 9 дней, которые Иванов провел под стражей в Петроградском комендантском управлении!

19 июня 1917 г. VII временный суд Выборгского района рассмотрел дело рабочего новостроящейся железнодорожной линии Петроград-Токсово Яна Гендриковича Нудди по обвинению в клевете на рабочего той же стройки Петра Ивановича Капустина³. Как следует из материалов дела, оно возникло следующим образом. 4 июня 1917 г. около 23 час. Капустин появился в общежитии для рабочих, а затем прошел в комнату Нудди⁴, который в это время спал. Проснувшись Нудди, увидел, что Капустин снял со стены брюки, принадлежавшие Нудди и хотел уже уйти с ними. Но тот отнял от Капустина брюки. Утром 6 июня Нудди через переводчика сообщил о попытке краже своим товарищам по работе, которые решили передать это дело в примирительную камеру. Члены примирительной камеры С. Максимов и Н. Мухин от администрации, О. Васильев, Е. Ефимов и П. Семевич от рабочих провели расследование и установили, что «свидетелей-очевидцев, кроме самого Нудди не было, но были свидетели Сорокин, Виноградов, Пирухин и Федулов», которые подтвердили, что Капустин был в общежитии около 23 час. Они также показали, что Капустин просил у них «в долг денег, причем был в нетрезвом состоянии». Как следует из протокола № 2 заседания примирительной камеры, Петр Капустин «лично перед всеми товарищами» сознался в том, что он действительно был в этот день в номере Нудди. Хотя, Капустин и не признался в попытке краже, общее собрание рабочих и примирительная камера постановили: «Товарища Капустина снять с работ и удалить совершенно, т.к. он не может более иметь по отношению к себе доверия, и лица такого поведения не могут быть терпимы в среде товарищей»⁵. В свою очередь Капустин подал жалобу в VII временный суд, в которой обвинил Нудди в распространении заведомо ложного и позорящего честь заявителя слуха как вора, вследствие которого он был исключен рабочими из их среды. Он просил привлечь Нудди «к ответственности за клевету и подвергнуть его к наказанию»⁶. Суд приговорил Нудди за клевету к штрафу в 25 руб., а при неупла-

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

³ 16 июня дело слушанием отложено, т.к. не были вызваны повестками обвиняемый Нудди и свидетель (РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2071. Л. 17).

⁴ Я.Г. Нудди проживал в «казенном доме» по адресу: Зубцов пер., д. 6, кв. 8 (РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2071. Л. 1).

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2071. ЛЛ. 8 – 8 об.

⁶ Там же. Л. 12.

те к аресту на 7 дней. Нудди деньги внес¹, но тут же подал поднадзорную жалобу с просьбой приговор отменить и дело передать в другой Временный суд. Основанием для подачи жалобы было то, что VII временный суд отказался принять от него протокол примирительной камеры. По мнению Нудди, если бы протокол был бы принят, то суд признал бы его невиновным. В жалобе подчеркивалось, что «суд обязан предоставить обвиняемому все способы защиты», чего в его случае сделано не было².

10 апреля 1917 г. XVII временный суд Петроградского района рассмотрел дело старшего рабочего Петроградского механического и литейного завода (ул. Большая Спасская, д. 28) Антона Антоновича Смирнова. Суть дела состояла в следующем: 24 марта в квартире Смирнова (ул. Средняя Колтовская, д. 10, кв. 4) между ним и его жилищкой Дарьей Семеновой «произошла ссора, по поводу отказа ей Смирновым в найме комнаты, причем, согласно показаниям свидетелей, Смирнов ударил Семенову кулаком в грудь, а затем оттолкнул ногой ее ребенка». Временный суд присудил Смирнова «за оскорбление словами и действием» к штрафу в 100 руб. «с заменой при несостоятельности» арестом на 1 месяц³. Смирнов подал поднадзорную жалобу на имя министра юстиции А.Ф. Керенского с просьбой отменить приговор Временного суда. В жалобе он сообщил, что имеет жену и четырех детей, никогда не судился и «даже в судах не бывал». Далее он изложил причины и ход ссоры между ним и его жилищкой. По его словам, в начале 1917 года Семенова получила от полиции разрешение «на право покупки денатурированного спирта», а «в дни революции <...> к ней стали ходить рабочие и солдаты, угощались денатуратом, поднимали шум, заводили споры, а иногда пускались в пляс». Смирнов предупредил Семенову, что «если у нее будут производиться безобразия и распитие денатурата», то он откажет «ей от найма комнаты». Но она «не унималась» и тогда он предложил ей подыскать другое жилье. Смирнов привел в жалобе подробности утра 24 марта: «Семенова убежала <...> из своей комнаты, стала ругать меня, ударила полотенцем по глазам и хотела оцарапать мне лицо. В этот момент я схватил ее за руки. Она закричала, а также закричал и ее ребенок». Во время конфликта присутствовала родственница Семеновы и ее сожитель Голубев. Они то и показали, что Смирнов ударил свою жилищку и ее ребенка. Смирнов жаловался, что суд не разобрался в причинах конфликта. Кроме этого, он обратил внимание министра юстиции на то, что «Временный суд, приступая к допросу свидетелей со стороны обвинения, как это можно видеть из протокола заседания, вопреки § 13 <...> инструкции, не потребовал от свидетелей дать обещание показывать правду по чистой совести». Рассуждая по этому поводу, он заметил, что это могло послужить поводом к неправдивым показаниям свидетелей, введших суд «в заблуждении»⁴. В ответ на это обвинение Временный суд в своем

¹ Там же. Л. 17.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Оп. 184. Д. 1106. ЛЛ. 5 – 5 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 3 – 3 об.

представлении от 28 апреля удостоверил, что у председателя суда «вошло в привычку перед допросами свидетелей напоминать им об ответственности за ложное показание в суде, и что в протоколе заседания от 10 апреля 1917 г. имеется фраза “свидетели[,] предваренные об ответственности[,] показали”». Вместе с тем в представлении содержалось признание в том, что в протоколе заседания не записывалось «каждое напоминание каждому свидетельству отдельно». Делалось это по необходимости, т.к. в противном случае, указывалось в представлении, это крайне осложнит ведение протокола, помешает председателю «обратить больше внимания на более существенные стороны процесса»¹.

В некоторых случаях непосредственными жертвами противоправных действий рабочих становились дети. Так, 2 мая 1917 г. в Комиссариат Стекланного городка явился А.Н. Павленко, жительствующий по Обводному каналу д. 28/24 кв. 2 и сообщил, что его семилетняя дочь Мария гуляла во дворе дома по месту жительства, где работал плотник Григорий Константинов, который «по неизвестным причинам» ударил ее «молотком и причинил ей поранения». Во время опроса в милиции Павленко признал себя виновным. Милицкий протокол был направлен во Временный суд². Какое наказание вынес Временный суд по этому делу неизвестно.

Местом возникновения различных конфликтов, виновниками которых иногда выступали рабочие, был трамвайный вагон. Заметим, что пассажиры активно включались в пресечение конфликтов. 1 июня в IX временном суде Коломенского района рассматривалось дело рабочего Путиловского завода Соболева, который вошел в трамвай на остановке около Апраксина пер. с передней площадки. Не обращая внимание на протесты пассажиров, рабочий прошел в вагон и занял место на скамье. Когда же чиновник П. указал ему, что «вход с передней площадки вообще никому не разрешен», то рабочий вскочил с места и толкнул его в грудь. Вызванные милиционеры доставили виновника скандала и нескольких пассажиров в Комиссариат. После составления протокола Соболев был препровожден в IX временный суд. В ходе судебного разбирательства чиновник «отказался обвинить рабочего за оскорбление действием». Суд учел пожелание пострадавшего и не стал осуждать Соболева за оскорбление действием, а приговорил его к 10-рублевому штрафу с заменой арестом на 3 дня за вход в трамвай с передней площадки³.

Иногда рабочие проходили во временных судах по пьяным делам. Так, 26 апреля 1917 г. XX временный суд Спасского района приговорил за распитие спирта в чайной «Ростов-на-Дону» (Сенная пл., д. 13) рабочих Василия Михайловича Стельмакова и Сергея Николаевича Вылежанина к месячному аресту каждого⁴. Причем, в приговоре Временного суда не была указана воз-

¹ Там же. ЛЛ. 1 – 2.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

³ 10 руб[лей] за вход с передней площадки / Изо дня в день // Петроградская газета. 1917. 2 июня.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1176. ЛЛ. 15, 21.

возможность замены ареста денежным штрафом. В июле 1917 г. рабочий паяльной мастерской «Нового Арсенала» Л. Ермолаев был осужден Временным судом, видимо, за появление в нетрезвом виде в публичном месте к штрафу в 200 руб. с заменой арестом на 2 месяца. Кстати, он не постеснялся обратиться в Заводской комитет с прошением или выдать ему 200 руб. для внесения штрафа, или предоставить отпуск на два месяца. Заводской комитет 13 июля 1917 г. постановил: просьбу о выдаче 200 руб. отклонить, а после отбытия ареста принять Ермолаева на работу¹.

«Маленькая газета» рассказала о деле рабочего Невского механического завода Звонарева и его друга Половиникова, которые после «тяжелого трудового дня» решили выпить. Они достали «по бешеной цене» полбутылки спирта, пришли на квартиру к Звонареву, сели за стол «с легкой закуской» и «начали выпивать, радуясь завоеванию полной свободы». Не успели они выпить и по паре рюмок, как Звонарев был вынужден открыть дверь патрулю, возглавляемому милиционером. Как выяснилось, у него было предписание от коменданта Невского района на производство обыска. В результате обыска была найдена полбутылки спирта, распитая наполовину. Звонарева и Половиникова «за такое преступление» отвели в Комиссариат, где составили протокол. Вскоре они вместе с протоколом были препровождены во Временный суд, который присудил каждого за распитие спирта к штрафу в 50 руб.² Подчеркнем, что суд не предусмотрел в приговоре возможность в виду несостоятельности замены денежного штрафа арестом. Заметим и то, что ни в законе от 10 июля 1916 г.³, ни в законе от 13 мая 1917 г.⁴ нет нормы, которая предусматривала бы наказание за распитие алкогольных напитков дома.

Во временные суды крайне изредка попадали нетрезвые и буянившие рабочие. Так, 7 июня 1917 г. в 3-м Василеостровском подрайонном Комиссариате был составлен протокол на рабочего Петроградского военно-подковного завода Иванова «за пьянство и избиение товарищей того же завода». Протокол был направлен в IV временный суд Василеостровского района⁵. Видимо, 26 июля в Комиссариат III Казанского подрайона был доставлен «в сильно нетрезвом виде» член профсоюза рабочих печатного дела наборщик Николай Устинович Васильчиков, «буйствовавший на улице и пристававший к прохожим». До вытрезвления Васильчиков был водворен в Арестный дом Спасской части. 27 июля протокол с задержанным был препрово-

¹ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы / Ред. колл.: И.И. Минц (отв. ред.) и др. Составители: Б.Д. Гальперина (отв. сост.) и др. М., 1982. С. 109.

² Наша милиция. Точно прежде: наша полиция // Маленькая газета. 1917. 20 мая.

³ Об ответственности за некоторые нарушения постановлений Уставов об акцизных сборах и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения // СУ. 1915. № 204. 16 июля. Ст. 1604.

⁴ Об изменении ст. 42 Устава о наказаниях, назначаемых мировыми судьями, о замене ст. ст. 42¹ и 42² того же Устава новым постановлением и о дополнении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных новой (269²) статьей // СУ. 1917. 31 мая. Ст. 657.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 131. Д. 51. Л. 21.

жден в VIII временный суд Казанского района¹. Какие приговоры вынесли пьяным и буянившим рабочим IV и VIII временные суды неизвестно.

Рабочие представляли перед Временным судом за кражи, совершенные по месту их работы. В связи с этим, определенный интерес представляет воззвание милиции Трубочного завода, опубликованное «Маленькой газетой». В нем сообщалось, что досмотр («обыск») рабочих при выходе с завода отменен, т.к. «для сознательных рабочих <...> он является оскорбляющим личность». Тут же указывалось, что «в среде нашей – товарищи, все-таки находится, хотя очень мало, подонков, ворующих заводское имущество, принадлежащее всем нам гражданам трудовой России». В возвании приводились меры, принимаемые к ворам: «По постановлению общего собрания с завода такие лица сразу же рассчитываются. Временный суд относится [к ворам] очень сурово, но суровость эта справедлива. В дальнейшем предлагается наказание усилить». Всего, по словам авторов возвания, «с 10-го по 23-е марта рассчитано и предано суду 8 человек»². Борьбу с хищениями на производствах вели фабзавкомы и других предприятий Петрограда³. Так, Исполнительный комитет Балтийского завода на заседании 29 мая 1917 г. рассмотрел вопрос о «хищении резца Мурашкиным» и постановил «передать дело на рассмотрение Временного суда»⁴. Видимо, тогда же Исполком направил и дело по обвинению в краже рабочего Василия Еремеева во Временный суд. 28 июня 1917 г. Исполком Балтийского завода, рассмотрев внеочередное заявление Ефима Мурашкина и Василия Еремеева, принял следующее решение: «большинством голосов против 3-х воздержавшихся до разбора дела примирительной камеры – уплатить; если же Временный суд признает их правыми, то и за это время им уплатить, а до решения же суда никаких плат им не производить»⁵. 10 июля Исполком вновь вернулся к делу Мурашкина и Еремеева, которыми был «доставлен документ № 1080, выписка из дела Временного суда». Судя по всему, Временный суд снял с них обвинение в краже. На основании этого Исполком постановил: «допустить их до работы и за потерянное ими время уплатить, что принимается единогласно»⁶.

Сведения о кражах, совершенных рабочими на предприятиях, содержат милицейские суточные рапорта. Так, 27 апреля в Комиссариате III Москов-

¹ Там же. Д. 78. Л. 87 об.

² Твердая рука заводской милиции // Маленькая газета. 1917. 2 апреля.

³ См.: Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979. С. 61, 62, 108, 163 – 164; Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. М., 1982. С. 88, 292.

⁴ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979. С. 249.

⁵ Там же. С. 275. Укажем, что в протоколе заседания Исполкома от 28 июня 1917 г. они ошибочно названы Мурашовым и Ефремовым.

⁶ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979. С. 284. Отметим, что уже 14 июля на заседании Исполкома Балтийского завода было заслушано «письменное заявление начальника завода об увольнении с завода их обоих за нарушение правил внутреннего распорядка». В протоколе записано, что Исполком «единогласно присоединяется» «к этому решению начальника завода» (Там же. С. 290).

ского подрайона составлен протокол на работницу Екатерину Дымову, задержанную по обвинению в краже рипса¹ на гимнастерку с фабрики Бр. Гликиных и Горелова (ул. Коломенская, д. 39). Протокол вместе с задержанной препровожден в XIII временный суд Московского района². 17 мая по докладу директора Петроградского Стекольного акционерного общества милиция Стеклянного городка Александро-Невского района провела обыск в квартире, в которой проживала работница Мария Еонкова (Шлиссельбургский пр., д. 33/35, кв. 12). При обыске были «обнаружены стеклянные вещи с фабрики, в чем Еонкова признала себя виновной». Протокол, составленный в милиции, был передан во Временный суд³. В тот же Комиссариат поступило заявление Захарова – сторожа завода Ипполитова⁴ – «о краже с завода посредством выбрасывания через забор слитков свинца». Воров на месте преступления задержать не удалось. Под подозрение попали два китайца, один из которых наблюдал за плавильной печью, а другой явился на завод в неурочное время. Заводской комитет старост передал рабочих-китайцев в Комиссариат Стеклянного городка. Из милиции они и протокол были отправлены во II временный суд Александро-Невского района⁵. В Комиссариате II Коломенского подрайона проведено дознание о краже 28 фунтов красной меди, совершенной 7 июля рабочим Даниилом Шиловым с Франко-Русского завода. В этот же день произведенное дознание вместе с задержанным направлено в IX временный суд Коломенского района⁶. За сутки с 12 час. дня 20 июля и до 12 час. дня 21 июля в Комиссариате IV Василеостровского подрайона было проведено два дознания о кражах по заявлениям: 1) помощника смотрителя Балтийского завода «о задержании рабочего Бурхарде Лампе по обвинению в краже из завода воза медных стружек»; 2) рабочего Кабельного завода Сергея Игнатьева «о задержании Лукерьи Андриановой с похищ[енным] полевым телефонным проводом с завода, похитителем оказался рабочий Василий Васильев»⁷. В конце июля в том же Комиссариате принято заявление члена Комитета Соединенного кабельного завода «о краже работницей Александрой Беловой куска меди, с которым и была задержана»⁸. Все указанные лица – Лампе, Андрианова, Васильев и Белова – препровождены из Комиссариата с дознаниями в IV временный суд.

Информации о том, какие приговоры вынесли II, IV, IX и XIII временные суды вышеуказанным рабочим и работницам, совершившим кражи со

¹ Рипс – вид ткани.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 123. Л. 22 об.

³ Там же. Д. 37. ЛЛ. 22 – 22 об.

⁴ Речь, видимо, идет о Механическом заводе (Шлиссельбургский пр., д. 89 б), который принадлежал Петру Тихоновичу Ипполитову (Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.П. Шашковского. Пг., 1916. С. 282).

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 37. Л. 44.

⁶ Там же. Д. 86. Л. 22.

⁷ Там же. Д. 55. ЛЛ. 4 – 4 об.

⁸ Там же. Л. 11.

своих предприятий, нет. Но выявлены поднадзорные дела, по которым в качестве обвиняемых проходили рабочие, где приговоры имеются. 5 мая 1917 г. XI временный суд Литейного района рассмотрел дело токаря Инструментальной мастерской Патронного завода (Литейный пр., д. 3) Ивана Федоровича Федорова (Дворецкого¹) по обвинению в краже. Дело возникло следующим образом: 4 мая 1917 г. в виду заявления Комитета Гильзового отдела Патронного завода «о “систематической” краже из завода резцов, стали и американских патронов от токарных станков, помощником местного комиссара было проведено тщательное расследование»: опрошен ряд лиц, работающих на заводе, и проведены обыски. В результате обыска у владельца Технической конторы Ивана Ивановича Широкова были обнаружены стальные резцы, сданные ему на комиссию токарем Федоровым-Дворецким, а также подержанные патроны от станков, купленные им в марте у того же Дворецкого. Широков при обыске показал, что «знал Федорова-Дворецкого как комиссионера и не раз приобретал у него разные необходимые для его конторы предметы»². В этот же день милиционеры провели обыск на квартире Дворецкого (Литейный пр., д. 55, кв. 42). В ходе его, по словам Дворецкого, «были найдены технические инструменты, которые ими (милиционерами – А.Н.) были приняты за краденые с того завода, где я служу». После этого милиционеры доставили его в Комиссариат. Дворецкий позднее высказывал недовольство этим, подчеркивая, что милиционеры сделали это, в частности, «не наведя справки о моем социальном положении». Он, видимо, был уверен, что его социальный статус рабочего является гарантией неприкосновенности! Из Комиссариата Дворецкого «по составлению протокола» препроводили 5 мая во Временный суд, который приговорил его за кражу к полутора годам тюремного заключения³. Дворецкий, не признав себя виновным, дважды – 11 и 23 мая – подавал поднадзорные жалобы, в которых просил пересмотреть дело. В них он указывал, что «в свободное время <...> занимался коммерцией, поставляя в разном виде инструменты для контор и материалы освещения для заводов». Инструменты и материалы Дворецкий, по его утверждению, покупал по газетным объявлениям⁴, в «разных специальных магазинах, мастерских и в Александровском рынке»⁵. Он также обратил внимание министра юстиции, что «вызванные в суд до 10 чел[овек] рабочих Патронного завода <...> доказали мою непричастность и невиновность и кроме хорошего про меня ничего сказать не могли и в подозрении в краже инструментов я у них не был». Осужденный жаловался на то, что, во-первых, не имел защитника, во-вторых, «не были вызваны свидетели с моей стороны, которые бы подтвердили, что я действительно в свободное от завода времена занима-

¹ Фамилия «Дворецкий» по названию деревни Дворцы Дворецкой вол., Ржевского уезда, Псковской губ., откуда Иван Федоров был родом (РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1747. Л. 2).

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1409. ЛЛ. 6, 14 об.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 1747. Л. 2 об.

юсь коммерческими делами»¹. Заметим, что в ходе судебного разбирательства были заслушаны показания свидетеля И.И. Широкова, который не только рассказал о коммерческих делах Дворецкого, но и представил счет от 21 марта, по которому купил у рабочего-коммерсанта патроны от станков².

Большой общественный резонанс получило дело рабочего-железнодорожника Андриана Чижова по обвинению в краже. В частности, о нем писали газеты «День», «Живое слово» и «Новое время»³. Первый раз дело Чижова слушалось во II временном суде 21 июня. Он не признал себя виновным в краже, т.к. «ничего не брал»⁴. Суд постановил: «Чижова из под стражи освободить», обязать его «явиться без повестки 28 июня к 11 час. и вызвать свидетеля Куриловича». 28 июня в ходе судебного заседания свидетель Васильев показал: «Я по делу о краже ничего не знаю. Мне говорили, что Чижев костюмы выбросил из вагона». Свидетель Курилович же заявил, что «Чижев вытащил из вагона ящик и выбросил его на пути <...> я его задержал с ящиком галош». Свидетель Геценек показал, что ничего по делу не знает⁵. Опираясь на показания только лишь одного свидетеля обвинения – Куриловича – и отказавшись вызвать свидетелей защиты, указанных обвиняемым, II временный суд определил подвергнуть Чижова по ст. 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями подвергнуть тюремному наказанию на шесть месяцев. В прессе сообщалось, что «приговор прошел голосами временных судей – солдатского и рабочего представителя» и при особом мнении мирового судьи⁶. Но в выписке из книги II временного суда на особое мнение судьи Булгакова указаний нет. Хотя, именно он и заверил эту выписку⁷. Что касается Чижова, то его, как писал «День», «немедленно же взяли под стражу и отвели в тюрьму»⁸. Жена осужденного тут же обратилась к присяжному поверенному Науму Наумовичу Талмазану⁹, который «убедившись в неосновательности приговора», «обратился к министру юстиции с ходатайством об отмене приговора в порядке надзора и об освобождении арестованного»¹⁰. 18 июля 1917 г. за № 10395 1-е уголовное отделение 1-го департамента Министерства юстиции обратился во II временный суд с пред-

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Д. 1409. ЛЛ. 6 – 6 об., 14 – 14 об.,

³ Временная юстиция // День. 1917. 27 июля; Конфликт временного суда с министром юстиции // Живое слово. 1917. 28 июля; Судебные вести // Новое время. 1917. 28 июля.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 9 об.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Конфликт временного суда с министром юстиции // Живое слово. 1917. 28 июля; Дело А. Чижова 21 и 28 июня 1917 г. рассматривал II Временный суд Адмиралтейского района в составе: столичный мировой судья 23-го участка Николай Николаевич Булгаков и выборные судьи С. Половков и Ив. Юдинсон (РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 9 об.).

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 13.

⁸ Временная юстиция // День. 1917. 27 июля.

⁹ В справочной книге указано, что Н.Н. Талмазан был помощником присяжным поверенного (Весь Петроград на 1917 год. С. 669).

¹⁰ Временная юстиция // День. 1917. 27 июля; Конфликт временного суда с министром юстиции // Живое слово. 1917. 28 июля.

ложением доставить в Министерство юстиции дело А. Чижова и до возвращения его в суд «приостановить состоявшийся по этому делу приговор»¹. Справка (удостоверение) была доставлена во Временный суд присяжным поверенным Талмазан, который показал в суде, что «резолуция о приостановлении приговора сделана товарищем министра юстиции, действовавшим за министра юстиции». Кроме этого, Талмазан, заявив суду «о болезненном состоянии Чижова», попросил немедленно исполнить предписание о приостановке приговора и «выдать ему на руки» приказ в тюрьму об освобождении осужденного из-под стражи. Выслушав присяжного поверенного Талмазана, Временный суд, опираясь на то, что, во-первых, им не получено подлинное распоряжение министра юстиции о приостановке приговора; во-вторых, приговор над Чижовым уже приведен в исполнение; в-третьих, в удостоверении Министерства юстиции ничего не сказано о медицинском свидетельстве о состоянии здоровья осужденного, постановил: «препроводить дело министру юстиции, в ходатайстве о приостановлении приговора, как уже приведенного в исполнение, отказать»². 20 июля в 15 ч. 20 м. во II временный суд вновь явился присяжный поверенный Талмазан и представил ордер Министерства юстиции от 19 июля за № 30 067 в запечатанном конверте³, которым Временному суду предлагалось для рассмотрения обстоятельств разрешенного дела по обвинению Чижова краже «доставить означенное дело в Министерство юстиции и до возвращения его в суд приостановить состоявшийся по этому делу приговор»⁴. Талмазан показал в суде, что «означенный документ получен лично из регистратуры Министерства юстиции сего 20 числа, в чем он расписался в рассылной книге». Объясняя, почему ордер не был доставлен министерским курьером, он заявил, что сделал это лично «для ускорения дела»⁵. Этот факт вызвал удивление и недоверие к документу. В протоколе дневного заседания II временного суда по этому поводу записано: во-первых, «суду кажется сомнительным, что официальная бумага передана в Министерстве юстиции частному лицу», во-вторых, «бумага эта подписана 19 июля 1917 г., тогда как определение суда об отказе в перерыве наказания состоялось лишь 20 сего июля» и министру «не представлялось надобности вновь предлагать суду 19 сего же июля за № 30 067 о перерыве наказания Чижову, так как о сем им было уже послано предложение накануне». Суд определил голосами выборных судей И. Савенкова и К. Морозова при особом мнении столичного мирового судьи 1-го участка Дмитрия Федоровича Доможирова, что «не находит оснований к пересмотру, состоявшегося по сему предмету сего числа, постановления»⁶. 21 июля за № 10 437 товарищ министра юстиции Г.Д. Скарятин, «в виду возникших» у II временного суда «со-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 11 об.

² Там же. ЛЛ. 12 – 12 об.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. ЛЛ. 11 – 11 об.

⁶ Там же.

мнений в подлинности предложения министра юстиции» от 19 июля за № 30 067 по делу об Андриане Чижове, обвиняемому в краже, «вновь предлагаю суду доставить означенное дело в Министерство юстиции приостановить и до возвращения его в суд приостановить состоявшийся по этому делу приговор»¹. Временный суд не спешил выполнять предписание Министерства юстиции и нашел новую причину для отказа. 22 июля, обсудив предложение министра юстиции, суд нашел, что «согласно инструкции Временным судам министру юстиции предоставляется право отмены приговора, но не предоставлено право предлагать Временному суду приостанавливать состоявшиеся приговоры». В виду этого II временный суд определил: «оставить предложение министра юстиции без последствий». Определение было принято тем же составом Временного суда и вновь при особом мнении мирового судьи Доможирова². Заметим, что в этом вопросе временные судьи оказались еще большими законниками, чем Министерство юстиции. Действительно, § 16 Инструкции для временных судов устанавливал право министра юстиции отменять приговоры, а не приостанавливать их! 22 июля за № 10 443 товарищ министра юстиции Б.Г. Вальц, подписавший документ за министра юстиции, отправил новое предложение II временному суду. В нем он, сославшись на изучение подлинного дела Чижова, нашел, что «судом не были допрошены указанные Чижовым свидетели Лисовский и Большаков». Они, как писал товарищ министра, «должны были удостовериться, что осужденный в ночь совершения кражи работал по составлению поездов и участвовать в краже не мог». Отказом же в допросе этих свидетелей «суд нарушил существенное право защиты». Думается, что и эта мотивировка не убедила бы выборных судей. Но в рассматриваемом документе уже не было формулировки о приостановке приговора, а говорилось следующее: «предлагаю состоявшийся по настоящему делу приговор суда 28 июня 1917 г. отменить» и дело для нового рассмотрения передать III временному суду Александро-Невского района «с оставлением Чижова на свободе»³. Рабочий-железнодорожник был освобожден, а Талмазан, по утверждению прессы, «возбуждает против членов Временного суда обвинение в незаконных действиях»⁴. Почему выборные члены Временного суда стремились раздуть конфликт с министром юстиции? Думается, что это было связано с их недовольством предстоящим закрытием временных судов.

Рабочие совершали кражи и за пределами предприятий, на которых работали. 8 июня Комиссариат III Василеостровского подрайона составил протокол о краже рабочим П.Е. Сапегиним продуктов на пароходе «Мартын».

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Временная юстиция // День. 1917. 27 июля; Конфликт временного суда с министром юстиции // Живое слово. 1917. 28 июля; Судебные вести // Новое время. 1917. 28 июля.

Задержанный вместе с протоколом направлен в IV временный суд¹. Какой приговор вынес IV Временный суд делу Сапегина неизвестно.

Но материалы поднадзорных производств позволяют составить некоторое представление о наказаниях рабочим, совершившим кражи не по месту своей работы. 25 апреля 1917 г. XI временный суд Литейного района приговорил рабочего типо-хромо-литографии «Либерман и Грейнерт» (ул. Надеждинская, д. 22) Семена Моисеевича Богданова к аресту на 1 месяц за кражу. Рабочие типографии в количестве 55 человек обратились к министру юстиции с прошением, в котором указали, что знают осужденного, «в честности» которого никто из них не сомневается, более двух лет, «в течение 1-го года он работал в ночной смене и на нем лежала ответственность за целостность и сохранность мастерских». Называя все произошедшее «роковой случайностью», они просили «во имя справедливости» пересмотреть дело Богданова². 31 марта в 14 час. 30 мин. в Комиссариат III Московского подрайона милиционер Г.А. Гиршенок доставил рабочего-печатника Евгения Ефимова, задержанного за кражу продуктов из колбасной лавки И.П. Веденева (ул. Разъезжая, д. 22). Как показал служащий в ней «мальчиком» Василий Докудин, обвиняемый вошел в указанную колбасную, «взяв с выручки коробку шпрот и вышел из лавки». Докудин, сидевший за кассой, бросился на улицу, чтобы задержать вора, который побежал, «упал и был задержан». В кармане задержанного «обнаружено две коробки шпрот». Во время допроса в Комиссариате Ефимов «объяснил, что не знает, как попали шпроты в его карман». Протокол вместе с Ефимовым препровожден «на распоряжение Временного суда»³. В этот же день, т.е. 31 марта, XIII временный суд принял постановление: «Оставить под стражей; дело отложить в виду нахождения Ефимова в нетрезвом виде и буйстве на суде на 5 апреля 1917 года». 5 апреля Временный суд приговорил Е. Ефимова к тюремному заключению на четыре месяца⁴. 12 апреля IV временный суд приговорил трех рабочих братьев Александра, Василия и Ивана Веселовых за кражу к полутора годам тюремного заключения каждого. Как сообщалось поднадзорной жалобе, два брата Иван и Александр жили вместе с матерью (В.О., 17-я линия, д. 18, кв. 35), а старший брат Василий проживал в том же доме в кв. 26. Ночью 26 марта «в этом же доме была обокрадена молочная лавочка» и только через 25 дней по доносу жившего у Веселовой солдата Финляндского полка Василия у матери рабочих «был произведен обыск», в результате которого лавочник «признал за свои, бывшие в квартире у Веселовой стенные часы, а также около 2-х фунт[ов] чаю фирмы Высоцкого». Братья Веселовы писали в жалобе: «Все мы утверждаем, что солдат <...> оговорил нас ложно, после того, как он не стал платить за квартиру и ему предложили оставить комнату, он обещался отомстить за это». Они также обратили внимание министра юстиции на то,

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 51. Л. 22.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 999. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 5.

что солдат-финляндец, якобы слышавший через стенку их разговор о краже, не донес об этом сразу, а сделал это «лишь спустя месяц». Распространенность чая фирмы Высоцкого делала соответствующее заявление лавочника совершенно неосновательным. Веселовы также заявили, что часы, которые лавочник признал своими, принадлежали покойному отцу братьев Веселовых. Они назвали двух свидетелей, могущих подтвердить этот факт¹. Но они Временным судом не были вызваны и допрошены.

Весьма суровые наказания выносил Временный суд по делам о грабежах. Так, в одном Временном суде рассматривалось дело о разграблении лавки, совершенном еще в дни Февральской революции. Обвиняемыми по делу проходили две работницы Резиновой мануфактуры, которые сначала «выносили из лавки куски кумача на кокарды, а потом позаботились и сами о себе». В прессе сообщалось, что «при обыске у них нашли тканей на 1 000 рублей». По свидетельству Тана, обвиняемые держались на суде «свирепо», «особенно одна»: « – Как вы посмели посягнуть на рабочую руку? – Я сам рабочий, – возвращает ассессор. – погоди, мы тебе покажем, – угрожает она. – Мы не посмотрим, что ты рабочий, мы всех вас разделаем. – За правду готов пострадать, – возражает ассессор». Временный суд приговорил работниц за разграбление лавки к полутора годам тюремного заключения каждую².

Временные суды рассматривали дела рабочих, которые носили общественно-политический характер.

Временным судам приходилось приговаривать рабочих за оскорбления евреев и погромную агитацию. Л. Кин в статье «Суд просит!» рассказал о том, как один рабочий зашел в магазин отдать в починку часы, а часовщик «попросил на четвертак больше, чем следовало, по мнению заказчика». Тогда рабочий «взъерепенился и начал кричать “о еврейском засилии” и о том, что “били евреев, да мало”». В магазине находились и другие покупатели, которые «позвали милиционеров». Вскоре «виновный в дебоше оказался перед Временным судом», который приговорил его к 7 дням ареста³.

Одной из проблем политической жизни Петрограда весной 1917 года было «разжигание розни солдат и рабочих». После введения в Петрограде 8 часового рабочего дня на основе соглашения между Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов от 10 марта, в буржуазной прессе стали появляться статьи, в которых утверждалось, что «в то время, как солдаты проводят в окопах целые сутки, рабочие <...> не хотят работать свыше 8 часов». Тревожили солдат и газетные сообщения о падении производительности труда предприятий, работающих на оборону⁴. Солдаты стали приходить на промышленные предприятия с целью, выяснить вопрос о производительности труда. В связи с

¹ Там же. Оп. 185. Д. 1258. ЛЛ. 7 – 7 об.

² Тан. Все по-новому. I. Во Временном суде // Русская воля. 1917. 11 марта (веч. вып.).

³ Кин Л. Суд просит! // Современное слова. 1917. 17 марта.

⁴ Примечания // Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979. С. 607 – 608.

этим возникали конфликты, разрешаемые в ряде случаев с помощью временной юстиции. Так, по сообщению «Современного слова», в один из комиссариатов группа рабочих привела пожилого рабочего, на спине которого «приколота булавками крупная надпись “Провокатор”». После составления протокола и снятия по распоряжению комиссара бумаги с надписью со спины рабочего он был доставлен во Временный суд. В ходе судебного разбирательства рабочие показали следующее: «на завод, где работает обвиняемый, явились солдаты для расследования, понизилась ли после революции производительность труда. Рабочие заявили солдатам, что «никакого замедления» в работе не произошло. Обвиняемый же утверждал обратное, «указывал, что ход значительно замедлился». Это вызвало «чрезвычайное негодование» других рабочих, которые вывезли обвиняемого «на тачке с завода и приклеили к нему ярлык «провокатор». Временный суд не нашел в поступке рабочего состава преступления и «признал его по суду оправданным»¹.

Милицейские суточные рапорта содержат сведения о задержании рабочих за конфликты с хозяевами предприятий. В начале мая 1917 г. в I подрайонный Комиссариат Казанского района поступило заявление, видимо, владелицы прачечной Большаковой на четырех представительниц профсоюза рабочих прачечных о том, что «те оскорбили ее нецензурными словами». В свою очередь члены профсоюза Макина, Мисевич, Тебут и Щербакова подали заявление на Большакову, обвинив ее в том, что она «двух из них побила». В Комиссариате был составлен протокол и «все названные отправлены во Временный суд». Во второй половине мая в тот же Комиссариат поступило заявление содержательницы прачечной (наб. р. Мойки, д. 10) Б. Камыш о том, что представительница профсоюза прачек Якова (Басков пер., д. 3, кв. 2) «явилась в прачечную вместе с друг[ими] представ[ительницами] и стала снимать с работы прачек». Составленный протокол предполагалось направить в VIII временный суд². Какие приговоры вынес VIII временный суд по делам о прачках неизвестно.

Во второй половине июня во временных судах крайне редко рассматривались дела рабочих-большевиков, выступавших на митингах с антивоенными речами. В частности, «Русская воля» писала о деле рабочего-большевика В. Пашинцева. 21 июня он был задержан толпой на Знаменской пл. за призывы «к остановке работ в предприятиях, работающих на оборону». Солдаты доставили рабочего в Комиссариат, где он продолжил свои антивоенные речи, за что «один из солдат в порыве негодования ударил его по лицу». С протоколом, составленным в Комиссариате, Пашинцев был доставлен во Временный суд, который постановил препроводить его в «распоряжение воинского начальника для отправки на фронт»³.

¹ Т.Б. Случай во Временном суде // Современное слово. 1917. 13 апреля.

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 70. Л. 18.

³ «Оборонец» / Хроника // Русская воля. 1917. 22 июня (веч. вып.).

Временные суды, как правило, избегали рассматривать дела участников июльских событий в Петрограде. Вместе с тем, единичные упоминания о таких делах встречаются в прессе. Так, «Солдатское слово» писало о деле рабочего завода Розенкранц Алексея Осипова. Он выстрелил из револьвера, когда по Литейному проспекту шли к Таврическому дворцу казаки по приглашению Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он, кстати, позднее утверждал, что стрелял в воздух. Толпа посчитала, что стреляют казаки и они «начали подвергаться обстрелу со всех сторон». Стоявшие же рядом с Осиповым граждане обезоружили его и доставили в Комиссариат. После составления протокола Осипов был препровожден во Временный суд, который установил его принадлежность к одному из большевистских клубов и приговорил «за вооруженное выступление на улице и стрельбу» к полутора годам тюремного заключения¹. Напомним, что «прокурором Петроградского окружного суда было направлено во временные суды дознание о ряде лиц, обвинявшихся, в связи событиями 3 – 5 июля, по ст. 29 уст. о нак. (за появление с оружием в руках на улице)², перечислив арестантов за временными судами»³. Обратим внимание, что эта статья вводила в качестве наказания тюремное заключение на срок не свыше шести месяцев. Осипов же получил полтора года! Конечно, можно предположить, что столь строгое наказание было вызвано фактом его стрельбы. Но, судя по тому, что он не был передан судебному следователю, выстрел его не привел к человеческим жертвам.

Приведенный материал показывает, что Временный суд весьма снисходительно относился к рабочим, во-первых, задержанным без документов; и, во-вторых, ведшим ту или иную пропаганду. Укажем, что Временный суд по делам о рабочих нарушал нормы судопроизводства. В частности, отказался в рассмотрении постановления примирительной камеры, а также в вызове в суд и допросе свидетелей защиты по ряду дел, чем, несомненно, нарушал право защиты обвиняемых. Интересно и то, что временные суды на первый взгляд трудно обвинить в «классовости», т.к. они не предоставляли рабочим льготы по социальному происхождению. Но это только на первый взгляд! В тех случаях, когда рабочие начинали требовать к себе особого отношения, вплоть до неподсудности (!), ссылаясь на свой социальный статус, временные судьи выносили, как представляется, излишне строгие приговоры, останавливая свой выбор на верхней планке наказания. Подчеркнем и то, что Временный суд при рассмотрении дел, по которым в качестве обвиняемых выступали рабочие, занимался правотворчеством. В частности, он ввел наказание в виде денежного штрафа в 50 руб. за распитие алкогольных напитков на домашних квартирах, а также полутора годовое заключение в тюрьме за появление с оружием в руках на улице. Подчеркнем, что в указанных случаях

¹ М.Д. Участник петроградских беспорядков на суде // Солдатское слово. 1917. 9 июля.

² О новом изложении ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СУ. 1917. № 66. 23 марта. Ст. 376. С. 570.

³ ЦГИА СПб. Ф. 520. Оп.1. Д. 555. Л. 8.

Временный суд показывал свою несвязанность ни царским, ни новым материальным законами.

Тарасов К.А.
Тактика агитационной деятельности Военной организации РСДРП(б) В Петроградском гарнизоне в марте – июне 1917 года.

Для понимания сути тактических установок пропагандистской деятельности большевиков в Петроградском гарнизоне необходимо сначала вспомнить, в каком положении находилась РСДРП(б) после Февральской революции. Партия во время февральских событий в Петрограде не представляла сколько-нибудь значительной силы. Накануне многие члены Петроградской организации большевиков были арестованы, часть Центрального комитета партии находилась в эмиграции, многие были в ссылке. Необходимо было в условиях, когда возможно было легальными методами воздействовать на власть, расширить влияние в Петрограде и, особенно, в многотысячном гарнизоне. Специально для работы среди солдат была создан отдел при Петербургском комитете (ПК) – Военная комиссия, переименованная после расширения влияния в Военную организацию (В.О.), в задачу которой ставилось организация большевистских ячеек в запасных батальонах. В целом период с марта по июнь характеризовался для «военки», как ее называли, выведением идеального стиля, методов пропаганды и агитации, приспособление к конкретным условиям и специфике электората.

Военная организация в конце марта провела собрания, на которых был произведен подсчет большевиков Петроградского гарнизона. Точную цифру указать невозможно, однако число солдат большевиков было немногим большим 130 человек¹. Профессиональных агитаторов и вообще представителей интеллигенции среди солдат и офицеров, являвшихся сторонниками большевиков, было немного, следовательно, невозможно было обеспечить представительство на всех полковых митингах и тем более ротных. Из-за невозможности проводить значительную работу в казармах, главенствующим методом агитации Военной организации стали митинги, собрания и беседы в специально снятых помещениях. Например, в цирке «Модерн» и в доме Общества трезвости Сампсониевского братства (ныне Дом Культуры им. 1-го мая, Большой Сампсониевский проспект, д. 37). Собрания, объединяющие большое количество рабочих и солдат, могли обслуживать меньшее число агитаторов, а, следовательно, помогали проводить более эффективную работу при дефиците необходимых кадров. К тому же, таким образом удавалось создать некоторую поддержку своим агитаторам, пригласив на общий ми-

¹ Согласно номерам партийных билетов, хранящихся в РГАСПИ, 15 апреля был зарегистрирован лишь 137 член Военной организации (РГАСПИ. Ф. 464. Д. 7 – 81).

тинг сторонников из рабочих или солдат. Организаторами массовых собраний, по данным журнала митингов Петербургского комитета, были унтер-офицеры П.В. Дашкевич, И.В. Куделько, М.К. Тер-Арутюнянц, Б.М. Занько, солдаты Г.В. Елин, П.Г. Ерофеев, а так же А.М. Коллонтай и С.Г. Рошаль¹. Агитация большевиков была направлена на критику Временного правительства, и все мероприятия, проводимые им, встречались в штыки. Вот, например, как резюмировала деятельность большевиков-пропагандистов в Гренадерском запасном батальоне Особая следственная комиссия Временного правительства: «Сторонники последнего (Ленина) часто сами появлялись на митингах и собраниях батальона – как, например, Зиновьев, Коллонтай, Каменев, прапорщики Крыленко и Дашкевич, Рошаль и др., – где старались восстановить солдат против Временного правительства, а, кроме того, бросали в солдатскую массу семена недоверия из самого дворца Кшесинской, мимо которого гренадерам необходимо было проходить по дороге в город»².

Важным аспектом является то, что митинги в основном организовывались «летучие», то есть собирались внезапно, в короткие сроки, что мешало явиться достаточно солидным оппонентам. Поэтому и влияние В.О. первоначально охватывало только части, дислоцированные вблизи особняка Кшесинской. В требовании одного из полковых комитетов содержится следующая запись: «обратиться в ЦК РСДРП и организациям к нему примыкающим с предложением, чтобы эти организации, посылая своих агитаторов в 9 запасной кавалерийский полк, по крайней мере, за 2 дня извещали об этом полковой комитет для того, чтобы последний мог своевременно озаботиться приглашением оппонентов из представителей других социалистических течений»³. Уличные летучие митинги «военки» во время выборов в Городскую думу описывал очевидец: «представьте себе, <...> огромный грузовик, густо наполненный военными чинами всех родов оружия с огромным красным знаменем спереди, на котором красуется такой знаменательный лозунг: «Петроградские броневики стоят на страже интересов народа!» и чуть ниже – не менее кричащий плакат “Товарищи солдаты голосуйте за список № 6”»⁴.

Из затруднительного положения, связанного с нехваткой кадров, Военная организация выходила, используя массовые способы пропаганды. Кроме общих собраний и «летучих митингов», члены В.О. приступили к созданию солдатских клубов – мест, где аудитория была наиболее обширной, что несколько снимало остроту кадрового вопроса. Такой подход был продиктован положением в гарнизоне, когда «сочувствующих», интересующихся РСДРП(б) было достаточно много. Они представляли благодатную почву для пропагандистской работы для привлечения их в партию. 5 апреля 1917 г.

¹ РГАСПИ. Ф. 1. Д. 8. Л. 5.

² Из материалов Следственной комиссии по расследованию событий 3 – 5 июля // Красный архив. 1927. № 5. С. 26.

³ Солдатская правда. 1917. 11 мая.

⁴ Своеобразная агитация // Голос солдата. 1917. 27 мая.

клуб «Правда» впервые был упомянут в большевистской прессе, а его официальное открытие состоялось 7 апреля 1917 г.¹ Его целью, по мнению автора статьи в «Солдатской правде», было создание внепартийной общеобразовательной организации для просвещения солдат для того, чтобы там проводить большевистские идеи.

В начальный период работы в клубе велись регулярные лекции. По четвергам устраивались концерты-митинги². В.Е. Васильев так описал повседневную жизнь клуба: «Солдаты из всех частей гарнизона приходили туда, как к себе домой, где можно и отдохнуть, послушать хорошую песню, а главное – набраться ума-разума, других послушать и самим поговорить, поспорить о текущем моменте, о войне, земле. Охотно приходили в клуб и товарищи, приезжавшие с фронта...»³. Такая планомерная, регулярная работа продлилась недолго. Вскоре были отменены регулярные занятия, кружки, прекратилась организация дискуссий. Причинами послужили нехватка лекторов и загруженность членов Военной организации⁴. Клуб стал исполнять ту самую утилитарную функцию, ради которой и создавался, то есть, по выражению Н.И. Подвойского, он должен был «вербовать посредством него новых членов»⁵. Здесь проходила дополнительная подготовка для самых активных рядовых членов «Военки» и сочувствующих партии большевиков. Член клуба «Правда» приобретал представления о взглядах большевиков, но в большей мере, благодаря постоянному общению с руководителями В.О., получал материал для агитации. Члены клуба составили на начальном этапе основной актив для организации большевистских ячеек в частях гарнизона. Так солдат А. Алексеев из 180-го пехотного запасного полка вспоминал: «Постепенно из этого клуба мы в работе поднимались вверх, организовывали секции. Секции были и по районам, и по частям. Секции были военные, в них всегда была работа. Мало-мальски понимавший сущность и важность нашего дела солдат, к которому мы имеем доверие, уже работал где-нибудь в частях»⁶. Солдат 1-й роты запасного батальона Павловского полка Панфилов в своих показаниях Особой следственной комиссии сообщал, что «членов солдатского клуба было очень много, так из нашей 1[-й] роты их было не меньше 200 человек. Целью клуба было единение солдат различных полков. Ораторами выступали обыкновенно сами же солдаты»⁷. А.И. Тарасов-Родионов в своем романе-хронике примерно так же характеризует цели клуба «Правда», вкладывая их в уста Н.И. Подвойского: «солдат у нас много, но это все пока

¹ Солдатская правда. 1917. 28 апреля; Правда. 1917. 9 апреля.

² М.Л. Сулимова вспоминала о том, что в клубе «Правда» регулярно пели популярные солдатские и революционные песни (ГМП. Ф. 6. Д. 1111).

³ Васильев В.Е. И дух наш молод. М., 1981. С. 39.

⁴ См.: Алексеев А. В Петроградской «Военке» в 1917 // Красная летопись. 1926. № 1. С. 74.

⁵ Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.;Л., 1927. С. 16.

⁶ Алексеев А. Указ. соч. С. 74 – 75.

⁷ ЦГИА. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 20. Л. 119.

что в разнобой, а через здешний клуб мы свяжемся со всеми воинскими частями у нас создастся тогда здесь такая боевая военная организация, что только держись»¹.

Подобные клубы Военная организация стремилась распространить по всему Петрограду, но они не смогли широко развиваться из-за загруженности работников. Организационная работа по их созданию охватила только ближние районы к особняку Кшесинской. Так, 7 мая в Народном доме графини С.В. Паниной (Прилукская улица, д. 10, ныне Дворец культуры железнодорожников на Тамбовской улице, д. 63) открыли рабоче-солдатский клуб «Интернационал», ставший районным клубом большевиков². Несколько подобных заведений начали действовать в частях запасных полков. Например, в запанном батальоне Павловского полка солдатами ячейки В.О. из учебной и пулеметной команд 14 мая был открыт клуб «III Интернационал»³. Постепенно под влияние большевиков попала «Социалистическая школа» – культурно-просветительная организация 180-го запасного пехотного полка. По воспоминаниям одного из солдат, лекторами в клуб приезжали А.М. Колонтай, Н.И. Подвойский, В. Володарский (М.М. Гольдштейн), А.В. Луначарский, Н.В. Крыленко⁴. В 1-м пехотном запасном полку действовала так называемая Политическая школа. Основным лектором в ней был член В.О. В.В. Сахаров. На основе этой школы, согласно воспоминаниям самого В.В. Сахарова, большевики только в мае провели 50 ротных и полковых митингов⁵.

Начало выпуска специализированной солдатской газеты сыграло большую роль в расширении агитации и пропаганды «военки». 15 апреля 1917 г. увидел свет первый номер газеты «Солдатская правда» – центральный печатный орган Военной организации. Пресса должна была помочь распространить влияние большевиков на большую аудиторию, чем это было возможно с помощью агитаторов. Для газеты писали статьи в основном руководители В.О., а так же большевики-офицеры.

«Солдатская правда» изначально отмежевалась от центрального органа ЦК РСДРП(б) «Правды» из-за различия в подходах к агитации, необходимых для распространения большевистских идей среди рабочих и среди солдат. Так, оценивая установки редакции в подборе статей для солдатской газеты, А.Ф. Ильин-Женевский писал: «Газета должна была рассчитывать на самого неподготовленного, малограмотного читателя. Поэтому статьи и заметки составлялись нами всегда популярным языком и начинали всегда с самых основ затрагиваемого вопроса. Иностранные слова, конечно, никоим образом

¹ Тарасов-Родионов А.И. Февраль. Роман-хроника. М.; Л., 1928. С. 445.

² Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 65.

³ Правда. 1917. 8 апреля.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 263. Л. 50.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 68. Л. 15. См. о клубах: *Ветрова З.М.* К вопросу о подготовке агитационно-пропагандистских кадров в Петрограде // Вестник ЛГУ. 1966. № 14. Вып. 3. С. 32.

не допускались»¹. Действительно, статьи «Солдатской правды» были предельно просты по содержанию, внятно отражали одну мысль, без многословия и отступлений от темы. В колонки помещались стихи, нехитрые рассказы о «революционном» быте, письма (этот метод пропаганды встречался и у других газет таких, как «Русский инвалид», «Земля и воля»). Организация газеты (верстка) не отличалась чем-то особенным, если сравнивать, скажем, с популярной «Трудом и волей», использовавшей упрощенную форму подачи информации: вместо тяжеловесных текстов – цитаты из речей, выдержки из документов. В «Солдатской правде» не использовался крупный шрифт для удобства чтения или рамок вокруг важных статей. Серьезная политическая газета избрала другие способы, чтобы быть доступной рядовому читателю. В начале каждого номера помещались материалы резолюций, речей и программных установок, основных на данном этапе. Читатель мог сразу добраться до сути позиции большевиков по текущему моменту или впервые прочитать фундаментальные позиции по вопросам власти, мира и земли. Во второй части газеты, занимавшей около 40 % полос, помещали заметки, постановления, резолюции и письма с активной поддержкой народом и солдатами всех указанных в первой части требований. Тем не менее, не смотря на простоту изложения и ориентацию на доступность, авторы затрагивали основные направления агитации большевиков в армии.

В газете можно выделить три раздела: идейное руководство, освещавший самые последние новости и разъясняющий те или иные положения программы РСДРП(б); военно-бытовой, куда входил раздел писем с фронта и статьи, касающиеся казарменных нужд в свете необходимого переустройства; и крестьянский, посвященный земельному вопросу. Определенные темы, такие как братание, деятельность контрреволюции и другие, повторялись из номера в номер. Периодически в анонимных публикациях печатались незамысловатые истории о притеснении большевиков или о контрреволюционности офицерского состава («Гренадер сорвали», «Услуга генерала Корнилова»).

Для агитации номера выдавались бесплатно. Полковник Чепурковский в показаниях Особой следственной комиссии характеризует одного из своих подчиненных из ячейки большевиков: «Потом в батальон прибыл Славкин, который хотя и был непроходимый дурак, но так как очень усердно изучал каждый номер «Правды» и при всяком удобном случае излагал его как свое, что тоже пользовался авторитетом»². Газета смогла расширить географию агитационной и пропагандистской деятельности. В тех районах, где «Военка» не могла обеспечить достаточного представительства, солдаты могли выяснить отношение большевиков по тому или иному вопросу, а возможно вступить в ряды партии.

¹ Ильин-Женевский А. Ф. Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда» // Красная летопись. 1926. № 1. С. 59 – 60.

² ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7. Л. 106.

Дальнейшей задачей агитации Военной организации Н.И. Подвойский называл «внедрение в солдатские массы лозунгов о необходимости немедленного заключения мира, передачи всей земли крестьянам, установление контроля рабочих над производством»¹. Он писал, что метод оперативного распространения большевистских идей в солдатской массе предложил В.И. Ленин. Во-первых, это переход от массовых митингов к групповой агитации в беседах, а, во-вторых, концентрация всей агитации на основных вопросах момента, сведя ее к самому существенному – вопросам о власти, о земле, о войне². Насущные солдатские проблемы большевики использовали в своей агитации. Например, для пропаганды единения солдат и рабочих делался упор на то, что мир можно установить только общими усилиями. Н.И. Подвойский вспоминал: «На каждом собрании, на каждом митинге, на каждой беседе с солдатами говорилось, что у полупролетарского деревенского элемента нет интересов, отличающихся от интересов рабочего класса... отклоняясь от пролетариата своими колебаниями, они будут затягивать войну»³.

В подходе к пропаганде работники «Военки» исходили не столько из теоретических посылов требований партии, сколько из потребностей текущего момента, а авторитетность их словам придавало то, что о насущном говорили такие же солдаты. Н.И. Подвойский в воспоминаниях сформулировал главные слагаемые тактики пропаганды В.О.: «посылаемые военной организацией группы солдат проникали в казармы, легко смешивались с солдатами данной части и в различных группах заводили беседы на большие солдатские темы»⁴. Благодаря выбранной формуле, когда формой пропагандистской деятельности была выбрана работа в беседах, адресатом пропаганды являлся представитель той же социальной группы, а тематикой – насущные проблемы, создавалась атмосфера интимности, доверия между пропагандистом и потенциальным выборщиком, в которой солдат был более внушаем. По горячим следам революции В.И. Невский писал, что для руководителей В.О. оказалось неожиданностью, что без достаточного количества работников из интеллигенции удалось добиться успешной агитации. Отсутствие профессиональных ораторов компенсировалось доступностью слова рядовых: «крестьяне-солдаты простым мужитским языком поясняют окружающей их массе значение совершающихся событий»⁵. Организации было выгодно «заражать» своими идеями максимальное количество солдат, делая любого из них своеобразным агитатором. Н.И. Подвойский вспоминал, что именно подразумевал В.И. Ленин под групповой агитацией в беседах: «Надо поставить агитацию так, чтобы кухарка из орловской губернии была лучшим агитатором за

¹ Подвойский Н.И. Военная организация ЦК РСДРП(б) и военно-революционный комитет в 1917 // Красная летопись. 1923. № 6. С. 69.

² Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. С. 39.

³ Подвойский Н.И. Военная организация ЦК РСДРП(б). С. 69.

⁴ Подвойский Н.И. От февраля к октябрю // Ленинградская правда. 1926. 7 ноября.

⁵ Невский В.И. Народные массы в Октябрьской революции // Известия. 1918. 6 ноября.

наши лозунги»¹. В этом смысле помогла газета «Солдатская правда», которую даже неподготовленный работник мог использовать как материал для речи.

Как писал В.А. Антонов-Овсеенко, распространению влияния Военной организации «помог подход от чисто солдатских нужд, помог напор на опасность подготавливаемого Временным правительством наступления, четкая формулировка вопросов о братании и призыв к немедленному организованному отобранию помещичьей земли в ведение солдатских комитетов» либо «подход от “Декларации прав солдата”, ставить вопросы быта: не дают отпускникам «порционных» денег и т.д.»². Агитаторы поддерживали любое недовольство солдат, вызванное решениями правительства. Такой подход согласовывался с предложенной В.И. Лениным тактикой: «пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Совету рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»³. Но при этом пропаганда В.О. не ориентировалась на «Апрельские тезисы». Например, в ленинской программе нет ничего по вопросу отсылки маршевых рот из Петрограда, хотя этот момент стал одним из основных в агитации большевиков. То же касалось и вопроса о земле, который явно вытекал из решения Учредительного собрания Совета крестьянских депутатов Петроградского гарнизона, которое состоялось в середине апреля и о котором не могли не знать большевики. Тогда представители 25 частей (по одному от тысячи) постановили «теперь же» обратиться к правительству о немедленном издании земельного закона⁴.

Итогом тактики В.О. в марте – июне 1917 года стало значительное увеличение численности организации. К 10 июня, когда планировалась массовая пацифистская демонстрация, насчитывалось свыше 1 тыс. членов «Военки», не считая посещавших клуб «Правда»⁵.

Таким образом, на первом этапе распространения влияния большевиков в Петроградском гарнизоне, их агитация и пропаганда сконцентрировалась на трех основных направлениях: вопрос о мире, о земле и о власти. Агитация большевиков в запасных воинских частях Петроградского гарнизона отличалась доступностью, насущностью (подход от вопросов быта к интересам солдатской прослойки – заключение мира и перераспределение земли), наступательностью при некотором популистском подходе (к основным тактическим и программным требованиям Ленина и ЦК платформа большевиков присоединила целый ряд требований момента). Основными методами ведения агитационной работы были летучие митинги, массовые собрания, объединяющие представителей нескольких воинских частей, беседы агитаторов-солдат

¹ Подвойский Н.И. От февраля к октябрю // Ленинградская правда. 1926. 7 ноября.

² Антонов-Овсеенко В.А. В революции. М., 1983. С. 44 – 45.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 34. С. 11.

⁴ Дело народа. 1917. 25 апреля.

⁵ РГАСПИ. Ф. 464. Д. 7 – 81.

в казармах, лекции в клубах. Начало издания специальной большевистской солдатской газеты имело огромное значение для распространения в Петрограде идей РСДРП(б). Газета не только выражала мнение партии, но и агитационным пособием для новых членов В.О. Подобная тактика привела к увеличению числа членов организации, а так же распространению влияния большевиков практически на все воинские части Петроградского гарнизона. Тем не менее, нельзя говорить о «большевизации» гарнизона, поскольку в него входило несколько сот тысяч солдат, а поддержка лозунгов РСДРП(б) объяснялась их пацифистским содержанием.

Бажанов Д.А.

Революционный Гельсингфорс весной – летом 1917 г. в фотографиях (по материалам ЦВММ)

1. Дореволюционное фотографирование.

Фотографии как разновидность визуальных источников поставляют ценнейшую информацию для реконструкции исторических событий вообще и повседневных практик в частности. Причина данного явления состоит в том, что именно они позволяют увидеть воочию самые мелкие детали, зачастую не упоминаемые в других типах источников, а также «уложить» их в единое целое.

Повседневная жизнь столицы Финляндии до 1917 г. практически не получила никакого отражения в фондах Центрального военно-морского музея. Полагаем, что тут свою роль сыграли несколько причин. Музей пополнялся и пополняется за счет пожертвований либо самих очевидцев, либо их родных и потомков. Таким образом, коллекции складываются из материалов военнослужащих, в первую очередь моряков.

Но возможности для фотосъемки в этот период были серьезно ограничены. Снимки Гельсингфорса для офицеров не представляли большой ценности, т.к. он был для них доступным, а, значит, обыденным, т.е. не представлял сам по себе никакого интереса.

Что же касается нижних чинов, то здесь ситуация, как представляется, выглядит иначе. Матросы-новобранцы не имели физической возможности сойти на берег в увольнение в первые месяц-два своей службы. Для старослужащих город так же, как и офицеров, представлял собой место отдыха, а никак не культурный и исторический памятник, свидетельством чему является практически полное отсутствие описаний города в воспоминаниях¹.

¹ См., например: *Граф Г.К.* На «Новике». СПб, 1997; *Дыбенко П.Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. Из воспоминаний о революции. М., 1928; *Иванов Д.И.* «Гангут» идет в шторм. Львов:, 1979; *Тимирев С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб, 1998; *Ховрин Н.А.* Балтийцы идут на шторм. М., 1966.

Накладывался ряд ограничений на места пребывания нижних чинов в городе. В частности, в январе 1915 г. начальник Гельсингфорсского гарнизона генерал-майор М.В. Лобановский выпустил приказ № 16, в котором говорилось: «...Не упомянутые здесь театры (Александровский русский, Шведский и Финский – Д.Б.) и прочие увеселительные заведения (кроме цирка – Д.Б.) нижним чинам всех категорий и званий посещать безусловно запрещается. 4. Увольнение нижних чинов в кинематографы допускается только днем...»¹. Запрещалось матросам посещать и кофейни в центре города. В начале октября 1915 г. по вопросу о допуске в некоторые из них была создана специальная комиссия под председательством командира линейного корабля «Андрей Первозванный» капитана I ранга Г.О. Гадда². В результате работы комиссии нижним чинам было разрешено посещать 15 кофеен на окраинах и в порту. Судя по сохранившейся выписке из письма командира «Полтавы» капитана I ранга барона В.Е. Гревеница, датированного апрелем 1916 г., матросам запрещалось посещать некоторые сады. Летом для них был также закрыт проход по центральному бульвару – Эспланаде – и по улицам Северным и Южным Эспланадным по обе стороны³.

Еще одной трудностью было отсутствие фотографической техники у большинства нижних чинов и офицеров. И если наличие фотоаппарата у офицера было вполне допустимо, то для нижнего чина такое имущество было слишком не типичным. Фотографированием на кораблях занимался в основном, по-видимому, судовой фотограф. Такая должность упоминается, например, на линейном корабле «Полтава» осенью 1915 г.⁴ Этим объясняется и главная особенность фотографий военного времени: они запечатлевали детали служебного быта, причем на корабле. Город мог попасть в объектив лишь случайно, если там проходили какие-либо мероприятия, или как деталь общей панорамы⁵.

С падением монархии ситуация меняется...

2. «Коллекция» П. Тараканова.

Фотографии, подписанные «Снято Таракановым», были и раньше знакомы любителям истории отечественного флота. Они неоднократно публиковались в качестве приложений к статьям и монографиям⁶. В нескольких коллекциях, разрозненных отдельных снимках в фондах Центрального военно-морского музея удалось их обнаружить и нам. Благодаря надписи, сохранившейся на одной из них, удалось установить, что П. Тараканов являлся машинным унтер-офицером линкора 1-й бригады «Полтава». Это объясняет значительный интерес автора к событиям, затронувших в эти дни именно этот корабль. При этом бросилась в глаза одна любопытная деталь: если на

¹ Официальные распоряжения и приказы // Финляндская газета. 1915. 6/19 января.

² РГАВМФ. Ф. 743. Оп. 1. Д. 25. Л. 152; Ф. 751. Оп. 1. Д. 84. Л. 121.

³ Там же. Ф. 747. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 69 об.

⁵ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. №№ 033539/12, 033539/59, 033539/65

⁶ См., напр.: Приложение к разделу «Русское морское зарубежье» // Гангут. 1992. № 2.

одних снимках подпись сохранилась, то на других ее нет¹. Главный художник музея К.П. Губер, будучи специалистом в области фотографического дела этого периода, объяснил эти расхождения тем обстоятельством, что негативы приходилось отдавать в печать в фотоателье в городе. При этом никакого соблюдения авторских прав просто не существовало! А уже там владельцы, печатая негативы как открытки для всех желающих, вольны были вносить или не вносить авторство.

В фонде фотографий и негативов ЦВММ обнаружено и изучено 15 одиночных снимков, а также 2 коллекции: из 8 и 16 фотографий, многие из которых также дублируют друг друга.

Хронологически они охватывают период с 4 по 17 марта, что устанавливается событиями, запечатленными на них. Конечно, наибольшее внимание П. Тараканов уделил событиям 4 марта. Используя этот источник, можно попытаться реконструировать путь (вероятно, довольно типичный) моряка в этот день. На первой фотографии запечатлены линкоры на рейде². Отчетливо видны дредноуты 1-й бригады, на заднем плане – додредноуты 2-й. При этом рейд находится под толстым слоем снега и льда, что дает возможность убедиться, насколько легко было переходить матросам и солдатам между кораблями и берегом накануне, в ночь восстания. Затем идут несколько фотографий, посвященных мероприятиям на берегу. Вероятно, следующими по хронологии является очень известные изображения митинга на Вокзальной площади в ожидании приезда делегации из Петрограда. Вообще, фотографий оттуда известно не менее трех, что косвенно подтверждает затянутость (около 3 часов) этого мероприятия по времени. Все они одинаковы по композиции, отличаясь лишь углами съемки³. Полагаем, что вид снят из окон зданий, расположенных напротив, возможно, гостиницы «Фенния». Совершенно отчетливо видны попытки наладить порядок, выстроить прибывающие части. Однако порядок поддерживался лишь вблизи эпицентра, у правого входа на вокзал, там, где располагался руководивший прапорщик В. Бриллиантов. Чем дальше от входа, тем более солдаты и матросы сбивались из шеренг в единую нестройную толпу. На переднем плане заметно, как многие из них самовольно покинули строй, имея вид празднующихся⁴. Также бросается в

¹ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. №№ 05315 «1-й день революции. Гельсингфорс. 4. III. 1917. Снято Таракановым», 037483/9 – тот же снимок без подписи.

² ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 037483/1.

³ Там же. №№ 05315, 05355 (аналогичные виды – №№ 037483/9, 037483/11), 05388.

⁴ Старший лейтенант Г.К. Граф, занимавший в то время должность старшего офицера эскадренного миноносца «Новик», вспоминал об этом: «На большой Вокзальной площади для встречи депутатов собралась огромная толпа представителей армии и флота в Гельсингфорсе, причем все солдаты и матросы были вооружены, а все офицеры – безоружны... С левой стороны главного вокзального подъезда, тогда еще бывшего против гостиницы «Фенния», стояли моряки, а с правой – сухопутные. Всем этим сборищем старался распоряжаться и привести в нечто стройное комендантский адъютант прапорщик Бриллиантов. Многочисленное революционное стадо повиновалось плохо...» (Граф Г.К. На «Новике». СПб., 1997. С. 260).

глаза практически полное отсутствие офицеров (видны лишь двое перед шеренгой матросов). Еще два снимка показывают возвращение солдат гарнизона Свеаборгской крепости и матросов на корабли после этого митинга. Тут уже последние остатки организованности улетучились, люди идут небольшими группками, не особенно спешат, т.е. определенного времени возвращения, как видно, у них не было. Все это ярко иллюстрирует тезис о полной неспособности командного состава управлять своими подчиненными в первые революционные дни¹.

Следующая группа фотографий П. Тараканова относится к событиям 5 марта, когда «Полтаву», на которой он служил, посетили новый командующий флотом вице-адмирал А.С. Максимов и депутат Государственной думы Ф.И. Родичев. О том, насколько большое значение придавалось этому визиту, свидетельствует снимок, фиксирующий момент вступления на палубу линкора А.С. Максимова. Его встречал у трапа караул, полностью одетый по всем правилам и единообразно в шинели! То же относится и к часовому, перепоясанному подсумком². На митинге, проведенном Ф.И. Родичевым, мы наблюдаем то же единство в форме. Конечно, матросы не выстроены вдоль бортов, как это полагалось бы в дореволюционное время при большом сборе команды. Однако, многие политические деятели, навещавшие корабли флота в 1917 г. сознательно отказывались от таких церемоний, пытаясь, вероятно, дистанцироваться от «старого режима»³. Зато эффект от выступления Ф.И.

¹ Удивляться нечему! К вечеру 4 марта 1917 г. были убиты многие офицеры, командовавшие отдельными частями и кораблями. В их число вошли командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин, начальник 2-й бригады линейных кораблей контр-адмирал А.К. Небольсин, командиры миноносцев «Ретивый» и «Уссуриец» лейтенант А.Н. Репнинский и капитан II ранга М.М. Поливанов соответственно, сетевого заградителя «Зезя» – лейтенант граф В.П. Подгоричани-Петрович, посыльного судна «Куница» – лейтенант А.П. Ефимов, исполнявший должность командира крейсера «Диана» – старший офицер корабля капитан II ранга Б.Н. Рыбкин. Также погибли комендант Свеаборгской крепости генерал-лейтенант В.Н. Протопопов, начальник штаба сухопутной обороны крепости генерал-лейтенант П. Тиханович, командиры: 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка полковник А.А. Святский, электротехнической роты Свеаборгской крепостной артиллерии штабс-капитан П.Н. Алексеев, Свеаборгской воздухоплавательной роты штабс-капитан Д.Г. Левицкий (РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 1–3).

² ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 037483/3.

³ Там же. № 037483/10. О встрече революционных политиков больше всего писали применительно к визиту военного и морского министра А.Ф. Керенского в июне 1917 г. Вот, например, впечатления тогдашнего командира крейсера «Баян» капитана I ранга С.Н. Тимирева: «Я был предупрежден о его посещении не начальством, а каким-то береговым комитетом, которых за последнее время развелось видимо-невидимо. Были отданы распоряжения о торжественной встрече его, т.е. о вызове караула, команды во фронт и т.д.... Однако все мои приготовления пропали даром, т.к. старый революционер Керенский, желая избегнуть торжественности, которая могла ему повредить в глазах “товарищей”, подъехал к кораблю на извозчике с поднятым верхом и был замечен вахтенным лишь когда уже был на трапе. Я выскочил наверх и застал Керенского уже на шкафуте, беседующим с кучкой случившихся там матросов. Я представился ему и попросил его в мое помещение, пока не соберут команду в жилой палубе (шел дождь). Керенский, по-видимому, очень неохотно

Родичева был весьма велик, о чем свидетельствует кадр, фиксирующий отъезд автомобиля от дредноута. Хорошо заметно, как команда буквально облепила все надстройки и орудийную башню¹.

Наконец, третья группа фотографий, авторство которых принадлежит машинному унтер-офицеру «Полтавы», относится к церемонии торжественных похорон «жертв революции» 17 марта. Отличить их можно по изменившимся погодным условиям: если 4 – 5 марта на улицах города было еще весьма снежно, и погода стояла пасмурная, то спустя две недели снег стремительно таял, а на небе светило солнце. Первый снимок запечатлел торжественную церемонию поминовения погибших на улицах Гельсингфорса. Шествие двигалось по центральным улицам. Хорошо заметны колонны из нижних чинов, зато, как и в случае с митингом на Вокзальной площади, практически не видно офицеров (лишь три фигуры на дальнем плане). Единообразие формы одежды мы уже не наблюдаем: многие матросы вместо шинелей одеты в бушлаты, на груди у большинства приколоты розетки. Еще одна деталь, обращающая внимание – практически не ощущается, что это траурная церемония: лица у многих весьма радостные, да и гробов только два². Далее это шествие двинулось вдоль Южной гавани по набережной в сторону Брунспарка. На следующей фотографии зафиксирована толпа зевак, наблюдающая за этим шествием по Южной набережной. Складывается ощущение, что именно здесь и собрались желавшие взглянуть на это новое для них явление горожане. Набережная и боковая улочка были полностью запружены людьми, для прохода траурного шествия оставлен лишь узкий коридор. По нему и двигалась колонна военных по красным флагом³. Сфотографировал П. Тараканов и саму церемонию похорон. Самым примечательным на этом снимке, с нашей точки зрения, является количество захоронений – одно. Можно предположить, что оно братское. Однако нигде не встречаются имена погибших в ночь с 3 на 4 марта матросов. Одно имя дает нам подпись к этой фотографии: «Братская могила в городе Гельсингфорсе тов. Гуссаинова...»⁴. В аннотированных каталожных карточках музея отмечено, что вестовой Хусаинов служил на линейном корабле «Андрей Первозванный»⁵. Но все же, можно сделать вывод, данная церемония похорон носила более ритуальный характер и была призвана создать своего рода революционный мемориал. Принимая во внимание время похорон – 17 марта 1917 г., можно утверждать, что это был один из первых такого рода памятников (на Марсовом поле в Петрограде, например, похороны жертв революции прошли спустя 6 дней, 23 марта).

за мной последовал, повторяя все время: “Пожалуйста, только не ставьте во фронт, а соберите так, толпой”. Желание его было исполнено...» (Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 81).

¹ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 037483/12.

² Там же. № 037483/2, дублируют №№ 037483/6, 032562.

³ Там же. № 037491/1.

⁴ Там же. № 037491/5, дублирует (с подписью) № 035206.

⁵ Там же. Каталог фонда фотографий и негативов. Ящ.24. Карточка № 035206.

Впервые в тот день в Гельсингфорсе при большом стечении военных прошел митинг на Сенатской площади. В тот день ораторы выступали на ступенях Александровского университета¹.

3. Отдельные снимки марта 1917 г.

Дополняют «коллекцию» П. Тараканова отдельные снимки, сделанные в первые революционные дни на других кораблях. К ним, например, принадлежат три, относящиеся к крейсеру «Россия». Первые два запечатлели в высшей степени организованный уход части команды на митинг 4 марта. На первом – два офицера (судя по надписи, лейтенанты Б. Новицкий и В. Вогак), проверяющие внешний вид построенных матросов. Вся шеренга (72 чел.), стоявшая вдоль борта, одета безо всяких отклонений, т.е. в шинелях, башлыках. Налицо полное однообразие формы. На правом фланге – Андреевский флаг. На втором – команда по проложенной дощатой дороге маршем двинулась в город². Третье фото посвящено проводам 5 марта Ф.И. Родичева и М.И. Скобелева после митинга на корабле. Картина поразительно напоминает ту, что показал П. Тараканов на «Полтаве»: толпы матросов (на площади в несколько квадратных метров удалось насчитать до 50 чел.), стоявшие и почти висевшие на ограждениях борта – леерах, некоторые восторженно размахивали бескозырками. Единообразие в форме, как было накануне, нет: многие одеты в бушлаты. Отметим, правда, что команда и не в городе. Еще одна схожая черта – не видно офицеров³.

В фондах музея хранятся и две фотографии, сделанные на минном заградителе «Нарова». Первая представляет собой панорамный снимок, сделанный с борта с видом на Северную гавань и город. Видны лишь контуры кораблей, стоявших поодаль, да очертания домов. Остальное скрывала снежная пелена. На второй представлен митинг 5 марта. Единственный новый элемент – растянутая над палубой довольно плотная сеть, выступавшая, возможно, в роли укрытия от непогоды. Более нового мы ничего не увидим: на импровизированной трибуне выступал М.И. Скобелев, правее, скромно и незаметно, стоял вице-адмирал А.С. Максимов⁴. Примечательно, насколько дезавуирована на снимках фигура «революционного адмирала»: практически на всех изображениях на первом плане представлены посланцы из Петрограда, а командующий Балтийским флотом либо совсем отсутствует, либо находится рядом, в их «тени» и под их опекой. Подтверждает эту тенденцию и фото, принадлежавшее подшхиперу вспомогательного крейсера «Русь» П. Кочеткову. Надпись на обратной стороне гласила, что «представитель из Петрограда информирует командиров и матросов от кораблей, стоявших в гавани Свеаборгского порта, о положении в Петрограде, Кронштадте и об отречении от престола и бегстве царя-государя Николая Второго». На изображении видно, что митинг проходил у здания Императорского дворца (сегодня –

¹ Там же. Фонд фотографий и негативов. № 037483/14.

² Там же. №№ 05386/1, 05386/2.

³ Там же. № 05327.

⁴ Там же. №№ 28973, 030138.

Дворец президента Республики), т.е. близ Свеаборгского порта. Матросы были выстроены в шеренги, а на помосте, стоя лицом друг к другу, протянули руки Ф.И. Родичев и А.С. Максимов¹. Хронологически эта своеобразная передача полномочий (или «революционное освящение»?) происходила до начала объезда, но после торжественной встречи на Вокзальной площади 4 марта.

4. Революционная фотография весны-лета 1917 г.

Фотографии Гельсингфорса весны – лета 1917 г., отложившиеся в ЦВММ, можно разделить на несколько групп. Доминируют фотографии многочисленных митингов. Представлены митинги 12 и 18 апреля, 1 мая, 18 июня и 12 августа 1917 г. При этом наибольшее количество снимков – 10 – приходится на долю выступлений 18 июня. Типологически эти кадры повторяют в основных чертах те, что относятся к мартовскому периоду. Традиционными местами стали Сенатская или Вокзальная площади, а иногда, при большом размахе активности, и обе сразу, как это было 18 апреля или 18 июня². На Сенатской площади естественными трибунами стали ступени Кафедрального собора. На Вокзальной площади митинги, по сравнению с событиями 4 марта, «сместились» от вокзала к гостинице «Фенния», перекрывая всю проезжую часть³. Заметным выглядит и практически полное отсутствие горожан и людей в штатском летом 1917 г. Тем самым, наглядное подтверждение получил вывод Е.Ю. Дубровской о нарастании отчужденности русских военнослужащих и местного населения⁴. Интерес представляют и транспаранты, позволяющие делать выводы о политических настроениях. Так, митинг 1 мая проходил явно под воздействием идей о праве наций на самоопределение. На фотографии отчетливо видны лозунги «Свобода совести и языка», «Свобода, равенство и братство всех народов», «Самоопределение наций». При этом все они продублированы арабской вязью. Один плакат и вовсе был написан только ею. Тем самым, напрашивается вывод об организованности именно военных-мусульман. Присутствовали и лозунги партии социалистов-революционеров – «Земля и воля» и «В борьбе обрешь ты право свое»⁵. Что же касается выступлений 18 июня, то здесь содержание уже иное. Т.к. основным мотивом был антивоенный, то вполне логично смотрится требование «Хлеба и мира!». С другой стороны виден призыв «Вся власть Советам», что свидетельствует о непопулярности правительственной политики и подтверждает рост популярности большевистских лозунгов. Особое внимание на снимках обращают на себя матросы линейного корабля «Петропавловск», стоящие под черным знаменем с черепом и перекрещенными костями, скрещенными копьем и косой и надписью «Смерть буржуям». Полагаем, что вы-

¹ Там же. № 032561.

² Там же. №№ 05546, 05549, 02729, 4546.

³ Там же. №№ 02729, 033071.

⁴ Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск, 2008. С. 102.

⁵ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 033071.

ход с таким флагом на демонстрацию говорит о популярности на этом корабле идей анархистов¹.

Продолжали снимать яркие, необычные для моряков события. Примером может служить деятельность новых органов власти. Так, были обнаружены снимки, запечатлевшие делегатов I съезда моряков Балтийского флота, работавшего 25 мая – 15 июня 1917 г., а также группу членов Крестьянского союза. Они являются типичными «парадными» групповыми портретами участников². Аналогично представлен и судовой комитет линейного корабля «Севастополь». В отличие от предыдущих бросается в глаза большая однородность в одежде: на всех нижних чинах полная форма, офицеры тоже одеты по новой (как ее называли, «керенской») форме: погон нет, нарукавные нашивки, орденов нет, остались лишь знаки на правой стороне кителя³. Также отложились и две фотографии, посвященные открытию 8 августа Матросского университета. Церемония проходила торжественно, вел ее сам министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский. По этой причине многие матросы, запечатленные на первом снимке, что-то старательно писавшие, были одеты в парадную форму⁴. Второе фото является как бы обратно развернутым продолжением первого. Виден стол президиума, где правее центра сидел глава правительства и что-то говорил⁵. Возможно, это и была первая лекция, прочтенная для будущих агитаторов.

Наконец, на некоторых снимках запечатлены приезжавшие по различным поводам крупные политические деятели. К этому направлению относятся 3 фотографии, запечатлевшие визиты А.Ф. Керенского в мае и августе 1917 г. Об одной было уже сказано, две другие относятся к более раннему периоду. Они зафиксировали отъезд министра после митинга, возможно, в помещении Гельсингфорского совета. Атмосферу всеобщего восхищения подчеркивает запруженность людьми всей территории вокруг открытого автомобиля, у заднего сидения которого стоит А.Ф. Керенский. Некоторые стоят даже в окнах первого этажа. Кроме того, помимо обычных украшений флагами и лентами без труда можно различить огромные вазы с цветами, вынесенные, похоже, специально для него⁶. В то же время типологически эти кадры напоминают встречи политических деятелей (Ф.И. Родичева, М.И. Скобелева) в Гельсингфорсе в марте 1917 г.

Таким образом, фотография революционного периода с максимальной полнотой представила жизнь финляндской столицы именно в первые революционные дни, дополнив картину значительным количеством ценных деталей. В этот же период сложились основные направления съемки, которые сохранились и летом: митинги, новые политические явления, известные лица.

¹ Там же. №№ 02729, 036749.

² Там же. №№ 033144, 05371.

³ Там же. № Б-4571-р.

⁴ Там же. № 034384.

⁵ Там же. № 032754.

⁶ Там же. №№ 05405/1, 05405/2.

Однако количество снимков постепенно сокращается, что можно объяснить как психологическим привыканием к революционной круговерти, так и отвлеченностью моряков сиюминутными проблемами.

Белов М.Ю.

Тексты С.М. Буденного: степень достоверности

Автобиография С.М. Буденного 1925 г. и его мемуары «Пройденный путь» (написаны в 1950-е – 1970-е гг.) представляют собой популярные источники по отечественной истории XX в. За очень редкими исключениями данные сочинения используются иллюстративно, т. е. не анализируются, а просто пересказываются. Мы же попытаемся проверить степень достоверности сообщаемых в них фактов. Размеры статьи и тематика настоящего сборника ограничивают исследование лишь несколькими сюжетами из 1917 г.: участие Буденного в выборных армейских органах, а также его знакомство с М.В. Фрунзе, роль в подавлении Корниловского мятежа и деятельность в Октябрьские дни.

По версии С.М. Буденного, изложенной в воспоминаниях «Пройденный путь», весной 1917 г. он стал председателем Комитета 5-го эскадрона и членом Полкового комитета 18-го Северского драгунского полка Кавказской кавалерийской дивизии, а летом-осенью был председателем Полкового и заместителем председателя Дивизионного комитета. Фактически Семену Михайловичу пришлось выполнять обязанности председателя последнего из названных органов, так как его предшественник солдат Горбатов заболел и убыл на лечение. Работал он под руководством М.В. Фрунзе¹.

Разберемся с вопросом об участии С.М. Буденного в армейских комитетах. В этих целях обратимся к документальным источникам. Во главе списка Эскадронного 5-го комитета значится ефрейтор Григорий Пискунов, среди перечня комитетчиков 5-го эскадрона и кандидатов на эту должность фамилии Буденного нет. Председателем же Полкового комитета состоял старший унтер-офицер Иван Зимогляд. В списке делегатов и кандидатов фамилия Семена Михайловича не обнаруживается².

Президиум Комитета Кавказской кавалерийской дивизии во второй половине лета и осенью 1917 г. составляли: подпоручик Турман (председатель) и еще пять человек (1-й товарищ председателя; 2-й товарищ председателя и казначей; секретарь; товарищ секретаря; член Президиума). Помимо Президиума в дивизионный выборный орган входили члены Комиссии и члены Комитета – среди этих двух последних категорий Семен Михайлович не значится³. Как видим, должности «заместителя председателя Дивизионного комитета» не существовало, а ведь именно так именует себя мемуарист.

¹ Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1958. Кн. 1 С. 28, 30 – 37.

² РГВИА. Ф. 3570. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

³ Там же. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 195. ЛЛ. 324 – 324 об.

Обратимся к взаимоотношениям С.М. Буденного с М.В. Фрунзе. В 1925 г. командарм Конной в газете «Правда» заявил: «Впервые я увидел Михаила Васильевича в 1917 году в г. Минске, когда он был членом Фронтového комитета и одновременно начальником гражданской милиции. Уже в то время нужно было его *только увидеть выступающим на митинге*, чтобы узнать в нем славного борца за дело трудящихся»¹. Слова, выделенные нами курсивом, являются ключевыми для решения вопроса о степени знакомства Буденного и Фрунзе в революционный год: первый видел второго выступающим на митинге – и только.

Выявим роль С.М. Буденного в подавлении Корниловского мятежа. В автобиографии дано следующее объяснение. Из Гомеля бригада Кавказской кавдивизии направилась в Минск, но задержалась на станции Орша. В это время к Орше подходили двигающиеся на Петроград войска генерала Л.Г. Корнилова. По инициативе Семена Михайловича был разобран железнодорожный путь, а подошедшие шесть эшелонов корниловцев задержаны и обезоружены. За это командир Кавказской дивизии генерал А.С. Карницкий хотел предать Буденного суду, а бригаду разоружить, но солдаты, по словам Семена Михайловича, застрельщика не выдали, а себя отстояли².

В соответствии с «Пройденным путем» 1-я бригада Кавказской дивизии (16-й Тверской и 17-й Нижегородский полки) в Орше оказалась не проездом, а потому что туда ее направил прибывший от М.В. Фрунзе товарищ. Сам Михаил Васильевич посетил вагон Семена Михайловича в Могилеве, через который бригада следовала по пути из Гомеля в Оршу, и еще раз распорядился задержать Дикую дивизию. Буденному удалось уговорить командира бригады генерала Копачева и других ее офицеров не вмешиваться. Выдвинув пулеметы и конно-горную батарею и действуя совместно с оршанским ревкомом железнодорожников, бригада под общим руководством С.М. Буденного поэшелонно принимала и разоружала горцев. Про разбор пути ничего не сказано. Выполнив задание, драгуны отправились в Минск. В этом источнике генерал Карницкий хотел наказать только Семена Михайловича, но генеральское требование натолкнулось на решительное солдатское «нет!»³.

Далее сконцентрируем внимание на тех деталях трудов белорусских историков советского периода, которые являются подспорьем для решения поставленной нами задачи.

В работах 1951 и 1958 гг. И.И. Казеко писал о местных оршанских формированиях по борьбе с корниловщиной и об отряде, посланном 28 августа большевиками Минска в Оршу с целью перерезать связь дикой дивизии с

¹ Буденный С.М. Его уже нет // Правда. 1925. 3 ноября.

² Буденный Семен Михайлович (автобиография) // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, 13-е изд. М., [не ранее 1924 г.]. Т. 41. Ч. I. Стб. 51 – 52.

³ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. С. 33 – 35.

Могилевом¹. В 1983 г. историк добавляет к сказанному деятельность бригады под руководством Буденного².

В 1953 г. Л. Гапоненко утверждал, что на станции Орша был сформирован красногвардейский отряд из рабочих депо и военно-ремонтных мастерских. Поддержку красногвардейцам оказал очутившийся здесь 18-й Северский драгунский полк, в котором революционную работу вел С.М. Буденный. Получив от Фрунзе указания, драгуны под руководством Семена Михайловича задержали пять эшелонов дикой дивизии. Вклад М.В. Фрунзе, Л.М. Кагановича и руководителя северцев в разгром корниловщины равнозначен³.

В.Г. Ивашин в двух своих трудах 1957 и 1962 гг. подробнее других историков осветил роль Орши в подавлении Корниловского мятежа. В дни борьбы с корниловщиной в Орше были сформированы боевые отряды из рабочих-железнодорожников. Руководящую роль играли Оршанский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и воинские комитеты частей местного гарнизона. Благодаря их усилиям за короткое время (начиная с 29 августа) из рабочих и революционно настроенных воинских частей был сформирован отряд в составе 1 000 пехотинцев и 700 кавалеристов с 12 пулеметами, 3 батареями и 8 бомбометами. На подкрепление Оршанского отряда Смоленский и Витебский советы прислали 2 000 пехотинцев. Перешедшая в полное распоряжение Совета команда мотоциклистов заняла посты на всех дорогах к Орше и отлавливала автомашины с корниловскими агентами, несла службу связи и выполняла задачи разведки от Орши до Могилева. В этом ей помогали кавалерийские разъезды и бронированный автомобиль. Станцию Орша держал под контролем Совет. 28 августа на станции были задержаны 140 текинцев, а 30-го числа – несколько автомобилей с реакционными офицерами, несколько грузовиков с боеприпасами и воззваниями генерала Корнилова, а также сотрудник газеты «Новое время» Никаноров с контрреволюционными листовками. Автор упоминает и С.М. Буденного, вклад которого состоит в том, что, выполняя указание Минского комитета РСДРП(б) и руководя 17-м Нижегородским и 18-м Северским драгунскими полками, он в районе Орши задержал и разоружил пять эшелонов дикой дивизии⁴.

Оршанские события в их подаче И.В. Яцкевичем (1957 г.) схожи с картиной, нарисованной В.Г. Ивашиным; только здесь все представлено лапидарно. О С.М. Буденном ни слова⁵.

¹ Казеко И.И. 1) Михаил Васильевич Фрунзе в Белоруссии. Минск, 1951. С. 24; 2) М.В. Фрунзе в Белоруссии. Минск, 1958. С. 103 – 104.

² Казеко И.И. М.В. Фрунзе. Революционная деятельность в Белоруссии. Минск, 1983. С. 124 – 125.

³ Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917). [М.], 1953. С. 69 – 70.

⁴ Ивашин В.Г. 1) Великий Октябрь в Минске. Минск, 1957. С. 101 – 102; 2) Борьба большевиков Белоруссии против корниловщины. Минск, 1962. С. 41 – 44.

⁵ Яцкевич И. В. Перамога Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Беларусі. Менск, 1957. С. 24 – 25.

В исследовании И.И. Саладкова 1957 г. обращает на себя внимание следующий факт: из состава Оршанского отряда была выделена специальная группа знакомых с подрывным делом железнодорожных рабочих, которые в случае необходимости должны были пироксилиновыми шашками разрушить поездные пути. Переходя к роли Семена Михайловича, автор сообщает, что он руководил Северским драгунским полком, задержал и обезоружил несколько эшелонов корниловских войск¹.

В фондах РГВИА удалось обнаружить наиболее достоверный и полный источник – выписку из журнала военных действий полка. Она позволяет восстановить события жизни С.М. Буденного по дням. Напомним, что служил он в 5-м эскадроне.

31 августа. Согласно приказу начальника дивизии генерала А.С. Карницкого 18-й Северский полк в составе 6 эскадронов, 6 пулеметов, команды связи и ординарцев в час ночи с мест своих стоянок выступил в Минск на военную платформу Александровского вокзала с целью отправления в Оршу.

1 сентября². Первые два эшелона полка прибыли на станцию Оршу, где телеграммой «Главнавокр.»³ северские драгуны были подчинены представителю Временного правительства полковнику Короткову. По приказанию последнего дивизион (4 и 6 эскадроны) и пулеметная команда были отправлены дальше по железной дороге для борьбы с отрядом Л.Г. Корнилова.

2 сентября. Оставшиеся эскадроны (1, 2, 3 и буденновский 5), команда связи и ординарцы по распоряжению Короткова были расквартированы в населенном пункте Землянки возле города Орши.

3 сентября. Вернулся посланный против корниловцев дивизион.

4 – 7 сентября. Без перемен.

8 сентября. Ввиду плохой приспособленности Землянок к жилью во время дождливой погоды от полка были высланы квартирьеры для подыскания ближайших деревень в районе города.

9 сентября. Эскадроны полка расположились по найденным хорошим квартирам в районе Орши. 5-й эскадрон встал в деревне Заболотье. И по 17 сентября включительно все северские драгуны пробыли «на мирном положении»⁴.

Подведем итоги. Участие С.М. Буденного в подавлении Корниловского выступления выразилось лишь в том, что из района Минска он перебрався в район Орши – мятеж как раз к этому времени был затушен. Разбор по инициативе Семена Михайловича железной дороги (автобиография) – отражение виденного или слышанного в то время сюжета о рабочих с пироксилиновыми шашками, которые в случае чего должны были взорвать чугунку (И.И. Саладков, 1957 г.). Сотрудничество Буденного с Оршанским ревкомом желез-

¹ Саладков И.И. Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – февраль 1918). Минск, 1957. С. 176.

² В выписке указано 2 сентября, но это, вероятно, ошибка.

³ Надо полагать, что это Главнокомандующий военным округом.

⁴ РГВИА. Ф. 3570. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 1 – 2.

нодорожников («Пройденный путь») – следствие наличия в городе отрядов из рабочих-железнодорожников (Л. Гапоненко, В. Г. Ивашин). Прибывающие в Оршу эшелоны, которые Семен Михайлович разгружал (автобиография, «Пройденный путь») – имевшая место в действительности в дни корниловщины проверка (но не разгрузке!) проходящих через станцию составов¹. Основой для возникновения дикой дивизии (впервые у Л. Гапоненко, затем в «Пройденном пути») послужили задержанные в Орше 140 текинцев (В.Г. Ивашин).

Задержимся на деятельности С.М. Буденного в Октябрьские дни. В автобиографии он отмечал: «Октябрьский переворот застал меня в Минске, работающим совместно с фракцией большевиков Фронтового комитета Западного фронта. После переворота дивизия вскоре была распущена по домам. Я тоже демобилизовался и возвратился в Сальский округ в Платовскую станцию»².

В «Пройденном пути» представлена развернутая характеристика участия Семена Михайловича в событиях Октября. Вскоре после возвращения 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии в Минск начались выборы в Учредительное собрание. Драгунские полки дивизии (16-й Тверской, 17-й Нижегородский, 18-й Северский) проголосовали за список большевиков, а 1-й Хоперский кубанский казачий – за эсеров.

М.В. Фрунзе посоветовал солдатскому комитету Кавказской дивизии неофициально рекомендовать генералам и офицерам без шума оставить свои посты. Названные лица, получив от комитета такое напутствие и опасаясь расправы солдат, поспешили скрыться. Фактическое руководство дивизией, за исключением 1-го Хоперского полка, берет в свои руки солдатский комитет, т. е. Буденный.

Как-то в два часа ночи секретарь Минского горкома партии Кузнецов прислал Семену Михайловичу записку с просьбой выдвинуть к горкому надежные воинские подразделения. Автор воспоминаний пишет, что он выполнил просьбу – направил эскадрон Тверского полка и сам поехал вместе с ним.

Вскоре до Минска долетела весть о восстании в Петрограде. В предчувствии предстоящей борьбы С.М. Буденный вознамерился увести тверцев, нижегородцев и северцев в Сальские степи, предполагая использовать эти большевистски настроенные полки для организации и защиты советской власти. Однако в связи с общим желанием вернуться домой было принято решение о демобилизации. Комитеты раздали солдатам оружие, обмундирование,

¹ Сообщение газеты «День» о положении в гор. Могилеве в связи с корниловским мятежом. 1 сентября 1917 г. // Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) / Сост. В.В. Скоробогатый и др. Минск, 1957. Т. I. С. 619 – 620.

² Буденный Семен Михайлович (автобиография). Стб. 52.

продукты и прекратили свою деятельность. После этого Семен Михайлович отправился на Дон¹.

Сравним все эти данные, составляющие личную версию Буденного, с материалами выписки из полкового журнала.

25 октября – 1, 2 и 5-й эскадроны прибыли один за другим из Гомеля в Минск и присоединились к Северскому полку, перебравшемуся к тому времени в район названного города и расквартировавшемуся по близлежащим деревням. Интересующий нас 5-й эскадрон встал на постой в деревне Ваньковщина.

26 – 27 октября. Без перемен.

28 октября. Согласно резолюции дивизионного комитета и по приказанию начальника дивизии дивизион в составе 3, 4 и 6-го эскадронов под командой подполковника Анзорова выступил в город Минск для поддержки комитетов спасения революции, т. е. противников большевиков.

29 – 31 октября. Оставшаяся часть полка стояла без передвижений.

31 октября. По приказанию начальника дивизии дивизион (3, 4 эскадроны и взвод пулеметов) выступил к воинской платформе Александровской железной дороги для погрузки и отправления в город Оршу, где дивизион под командой подполковника Анзорова должен был поступить в распоряжение начальника гарнизона.

Далее значится «Командующий полком полк[овник] Кандин. 17 ноября 1917 г.» и на этом выписка заканчивается².

Получается, что 25 октября С. М. Буденный вместе с 5-м эскадронам прибыл из Гомеля в Минск. В тот же день в конном строю подразделение перешло в деревню Ваньковщина – 23 версты от Минска, Игуменский уезд³. Как минимум, до 31 октября 5-й эскадрон продолжал оставаться в означенной деревне. Видимо, здесь Семен Михайлович и узнал о каких-то пока еще непонятных петроградских событиях.

Сформулируем окончательный вывод. Источниковедческое значение проанализированных мемуарных материалов (автобиография и «Пройденный путь») применительно к 1917 г. можно оценить как низкое. С.М. Буденный искажил факты своего участия в революционных событиях. Неправда, выплеснувшаяся на страницы автобиографии в 1925 г., была повторена и через три десятка лет в 1-й книге «Пройденного пути».

¹ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. С. 35 – 37.

² РГВИА. Ф. 3570. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 3 – 5 об.

³ Список населенных мест Минской губернии / Сост. В.С. Ярмолович. Минск, 1909. С. 24.

Рыженков В.Ю. Деятельность режиссера Н.Н. Евреинова в Петрограде в 1917 году

К судьбоносному для истории страны, 1917-му году за спиной известного русского режиссера, драматурга, теоретика театра Н.Н. Евреинова (1879 – 1953) было уже 12 лет успешной драматургической и режиссерской деятельности. Его пьесы шли на сценах Александринского и Малого (Суворинского) театров, Нового театра Яворской. Он являлся одним из организаторов и режиссеров Старинного театра, представлявшего пьесы Европейского Средневековья. В течение двух лет (1908 – 1909) Евреинов возглавлял режиссуру в театре В.Ф. Комиссаржевской, сменив на этом посту В.Э. Мейерхольда. Затем вместе с братом великой актрисы – Ф.Ф. Комиссаржевским он основал «Веселый театр для пожилых детей», представлявший комедийные пьесы К. Пруткива. Пять лет Н.Н. Евреинов в качестве режиссера-постановщика и драматурга проработал в театре миниатюр «Кривое зеркало» А.Р. Кугеля, первого в своем роде театра сатиры и пародии. Наконец, в предреволюционное десятилетие появилось несколько работ Евреинова по теории театра, которые бурно обсуждались общественностью.

Революция 1917 года открыла новую страницу в истории страны и ознаменовала собой новый этап жизни и творчества Н.Н. Евреинова. Человек, чуждый политике, прежде использовавший ее только как материал для сатиры, Н.Н. Евреинов оказался вместе со всей страной в водовороте революции.

Цель данной статьи – выяснить отношение Н.Н. Евреинова к Революции 1917 г., рассмотреть его режиссерскую и общественную деятельность в период февраля – октября 1917 г., ее связь с событиями, развертывавшимися в стране.

О деятельности Н.Н. Евреинова в 1917 году написано не так много. В биографическом исследовании В.Г. Бабенко «Арлекин и Пьеро. Николай Евреинов. Александр Вертинский»¹ затрагиваются основные направления деятельности режиссера: постановки и выступления в кабаре «Привал комедиантов», участие в организации профессионального союза сценических деятелей. Автором впервые ставится вопрос о том, где находился режиссер в момент восстания в Петрограде в октябре 1917 г.

Упоминания о творчестве Н. Евреинова в 1917 г. можно найти в ряде специальных исследований. Большая статья А.М. Конечного, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса посвящена истории кабаре «Привал комедиантов», в котором протекала основная режиссерская деятельность Евреинова в 1916–1917 гг.²

¹ Бабенко В.Г. Арлекин и Пьеро: Николай Евреинов, Александр Вертинский. Материалы к биографиям. Размышления. Екатеринбург, 1992.

² Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 96 – 154.

В работе В.П. Лапшина «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году»¹ нашли отражение многие театральные и театрально-организационные события периода революции. Театральная жизнь 1917 г. освещена и в общих трудах по истории театра, богатых фактическим материалом. Их авторы, тем не менее, не всегда объективно подходили к деятельности Н.Н. Евреинова².

Среди источников, содержащих сведения о деятельности режиссера в 1917 г. мы можем выделить частично опубликованную переписку Н.Н. Евреинова и В.Э. Мейерхольда о возможности совместной деятельности³, воспоминания современников событий: А. Коонен, супруги А.Я. Таирова; Н.В. Петрова, друга и соратника Н. Евреинова⁴. Интерес представляют архивные документы о деятельности кабаре «Привал комедиантов», находящиеся в РГАЛИ⁵, и материалы о создании союза мастеров сценических искусств, сохранившиеся в АРФ ГЦТМБ⁶.

Революционные события февраля – марта 1917 г. перевернули весь привычный уклад жизни столичной творческой интеллигенции. Она с восторгом восприняла свершившуюся революцию, и в той или иной степени начала активно участвовать в общественной жизни. В первые дни марта, занимаясь организацией народной милиции, умер от заражения инфекционной болезнью футурист (полковник, военный врач Генерального штаба) Н.И. Кульбин, друг и творческий единомышленник Н. Евреинова⁷. Сам режиссер, судя по всему, в период Февральской революции находился далеко от Петрограда, на Кавказе. Поэт-футурист и друг режиссера, В. Каменский пишет, что зимой 1917 г. Н.Н. Евреинов неожиданно приехал к нему на выступление в Армавир и сообщил, что «вот-вот в Петрограде разразится революция»⁸. Евреинов направлялся в Сухум, где пробыл до середины весны 1917 г. или дольше⁹.

Что касается отношения режиссера к Февральской революции, то, по словам американского исследователя Х. Дана, Евреинов «принял новый порядок с огромным энтузиазмом в надежде, что может быть создан чудесный новый театр, в котором у него будет уникальная возможность испытать свои

¹ Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

² История советского театра. Л., 1933. Т. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 988. Оп. 1. Ед. хр. 1547. Л. 8; Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896 – 1939 / Вступ. ст. Ю.А. Завадского. М., 1976.

⁴ [Коонен А.Г.] Воспоминания А.Г. Коонен. «Камерный театр в первые годы революции. 1959 г. » // Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр: 1917 – 1921 / Отв. ред. А.З. Юфит. Л., 1968; Петров Н. 50 и 500. М., 1960.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2618. Оп. 1. Ед. хр. 42.

⁶ АРФ ГЦТМБ. Ф. 328. Ед. хр. 2.

⁷ Евреинов Н.Н. Оригинал о портретистах / Сост. и коммент. Т.С. Джуровой. М., 2005. С. 163.

⁸ Каменский В. Путь энтузиаста: Автобиографическая книга. Пермь, 1968. С. 200.

⁹ В.Г. Бабенко упоминает об открытке, присланной Евреиновым с Кавказа в Петроград и датированной 20 марта 1917 г. (См.: Бабенко В.Г. Указ. соч. С. 125).

самые последние и самые масштабные теории драмы. <...> Он чувствовал, что революция вместо разрушения театра, породит нечто чудесное»¹. Кроме того, у Евреинова был свой счет к рухнувшему режиму: в 1908 г. была запрещена к представлению поставленная им в театре В.Ф. Комиссаржевской пьеса «Царевна» по пьесе О. Уайльда «Саломея». Через год, в 1909 г. подвергся запрету за «сверхглумление над публикой» еще один спектакль – комедия Козьмы Пруткова «Фантазия», поставленная на сцене «Веселого театра для пожилых детей»².

Основным местом творческой деятельности режиссера в 1916 – 1917 гг. являлось артистическое кабаре «Привал комедиантов», пришедшее на смену закрытому в 1915 г. кабаре «Бродячая собака». У истоков «Привала» стояло «Петроградское театральное общество» во главе с актером Б. Прониным, официальный список которого насчитывал 27 членов, включая и Н. Евреинова³. Однако в первый сезон существования кабаре (весна 1916 г.) он не играл здесь ведущей роли, а делил «театральную власть» с В.Э. Мейерхольдом. Первый и последний раз в своем творчестве они работали на одной сцене. Однако уже осенью 1916 г. Мейерхольд вышел из числа деятельных участников жизни кабаре. «Из “Привала” ушел, вернее этой осенью и не входил в него, – сообщал в письме В.Э. Мейерхольд. – Теперь, когда меня там нет, ах, как я радуюсь, что нет меня там»⁴.

Отныне Евреинов единолично определял театральную политику кабаре, и даже отмечал позднее, что «был полгода всевластным диктатором» «Привала»⁵.

Падение монархии с ее цензурой дало возможность восстановить ранее запрещенные постановки. На сцене «Привала» вернувшимся весной с Кавказа Н. Евреиновым была вновь поставлена упомянутая комедия К. Пруткова «Фантазия». Сюжет пьесы выдуманного литературного автора представляет собой острую сатиру на театральный быт середины XIX века. «Богатая самолюбивая старуха» Чупурлина выбирает для своей воспитанницы Лизы жениха, исходя из богатства каждого из них, но в итоге выбор останавливается на молодом немце Адаме Карловиче Либентале, который проявлял нежную заботу о собачке Чупурлиной – Фантазии⁶. В пьесе пародировались бессодержательные по смыслу и однообразные по сюжету водевили, наполнявшие русскую сцену как в середине XIX века (времени создания пьесы), так и в начале XX века. Но вместе с тем автор пьесы намекал и на современную ему жизнь в условиях самодержавного строя с его регламентацией, угодничест-

¹ Dana H.W.L. Russia // A history of Modern Drama / Edited by Clark B.H., Freedle G. London; New-York, 1948. P. 444.

² Евреинов Н.Н. В школе остроумия: Воспоминания о театре «Кривое зеркало». М., 1998. С. 241.

³ Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е. Указ. соч. С. 96.

⁴ Мейерхольд В.Э. Указ. соч. С. 185.

⁵ Евреинов Н.Н. Оригинал о портретистах. С. 121.

⁶ Прутков К. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1965.

вом и доносами. Запрещенная к представлению после первого же спектакля в 1851 г., «Фантазия» была вновь запрещена в 1909 г., но возродилась после крушения самодержавия.

Обычно заканчивающее в конце апреля сезон, кабаре «Привал Комедиантов» продолжило работу, а его руководство решило остаться в революционной столице, отказавшись от ежегодного отдыха на дачах. В июне 1917 г. в программу кабаре «Привал комедиантов» добавились пьеса Ганса Сакса «Странствующий школьник» в постановке Н. Евреинова, а также его пародия «Школа этуалей», игравшаяся когда-то в театре «Кривое зеркало», и пьеса «Песня бродяги» в художественном оформлении Ю. Анненкова, А. Гауша и В. Лебедева. Рецензент газеты «Петроградский листок» отмечал: «Даровитый режиссер г. Евреинов изображает здесь первого в деревне, а художники Анненков, Гауш и Лебедев волей-неволей – белок в колесе, ибо размах у них гораздо больший, чем позволяет сцена-лилипут для кукольного театра. Из коротеньких номеров репертуара обычного театра миниатюр выдается забавный гротеск г. Евреинова “Школа этуалей”»¹. Добавим, что предметом «злобного и забавного вышучивания»² в этой пьесе, как напишет критик, стали популярные в начале века школы, за «умеренную плату» подготавливавшие кафешантанских певичек, «звезд» одного заведения (отсюда и название: «etoile» в переводе с французского – звезда).

15 июня 1917 г. Н. Евреинов принимал участие в праздновании именин артиста «Кривого зеркала» В.А. Подгорного.

Кроме участия в работе «Привала комедиантов», Н.Н. Евреинов весной – летом 1917 г. активно участвовал в театральной жизни страны, также на волне революционной эйфории, стремящейся к чему-то новому. В июле 1917 г. у ведущих театральных деятелей возникает идея о создании революционного в смысле искусства театра. Согласно А.Г. Коонен, ее супруг, режиссер А.Я. Таиров предложил В.Э. Мейерхольду и Н.Н. Евреинову «создать единый экспериментальный театр, где они работали бы все трое, сохраняя каждый полную творческую самостоятельность»³. По поводу предложения Таирова Евреинов сообщил 24 июля в письме Мейерхольду: «Искренне радуюсь, если наши профессиональные стремления действительно общи! – многое достигнуто будет проще, чем кажется. Главная точка преткновения – в невозможности порой отлучиться (напр[имер], для меня) из Пг[етрогра]да, а для Таирова, Комиссаржевского из Москвы, быть может»⁴.

Очевидно, эта «точка преткновения» и стала решающей: Евреинов не хотел связывать себя обязательствами с главными конкурентами в новаторском театре и искал подходящий предлог избежать такого сотрудничества. Он намерено избегал своего интервью, в котором речь должна была идти о новом театре. В.Э. Мейерхольд в письме к Таирову 13 сентября 1917 г. со-

¹ Цит. по: *Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е.* Указ. соч. С. 139.

² Театр и искусство. 1911. № 47. С. 901.

³ [Коонен А.Г.] Указ. соч. С. 165.

⁴ РГАЛИ. Ф. 988. Оп. 1. Ед. хр. № 1547. ЛЛ. 7 – 8.

общал: «Интервью не присылаю, потому что Н.Н. Евреинова никак не могу раскатать на это дело. Вижу с ним каждое воскресенье. Никак не могу понять, почему он отвиливает»¹. В итоге экспериментальный театр создан не был. Виноват ли в этом только Н. Евреинов, сказать трудно. Наверное, не меньшее значение имело само время: в России нарастал новый виток политического кризиса, в конце августа произошел Корниловский мятеж, становилась неизбежной новая революция. В таких условиях нестабильности организовать театр, который бы потребовал привлечения творческих сил из обеих столиц, становилось практически невозможно.

2 августа 1917 г. в «Привале комедиантов» состоялась премьера последней дооктябрьской программы кабаре, самой политизированной из всех. Среди одиннадцати номеров было и сольное выступление Н. Евреинова: «Из репертуара Н. Евреинова, (музыка Н. Евреинова), исп[олняет] автор»², которое, по свидетельствам очевидцев, оставляло очень хорошее впечатление: «В первую голову кажется, что эти песенки (Евреинова – В.Р.) дурного пошиба, <...> однако очень скоро вас покоряет Евреинов. Помимо хорошей музыки, Евреинов обладает подлинным крупным талантом», – отмечал театральный рецензент³. Но самым блистательным номером, оставшимся в памяти многих посетителей кабаре, стал «Хор большевиков-частушечников», запевала Н. Евреинов, декорации Ю. Анненкова⁴. Современник свидетельствовал: «Заканчивается программа постановкой Евреинова “Большевики”. У рояля сам Евреинов в желтой ситцевой косоворотке и съехавшем на бок картузе. Кругом все участники программы, одетые рабочими и солдатами. Все поют. Слова взяты из сборника “Революционные частушки”. Музыка и припев написаны Евреиновым». По свидетельству Н. Петрова, также одного из режиссеров кабаре (а в будущем – режиссера Александринского театра), «для этого номера Евреинов надевал поддевку, красную шелковую рубашку и лакированные сапоги»⁵. Мизансцена выглядела так: хор (все присутствовавшие в кабаре артисты и писатели), мрачно стоял у рояля и уныло повторял две последние строчки каждой частушки, пропетые запевалой хора. В один из вечеров программа произвела столь сильное впечатление на «двух мрачных “прапоров”», сидевших за одним из столиков, что один из них выстрелил в Евреинова из револьвера со словами: «Я эту сволочь пристрелю!». Однако запевале хора за мгновение до выстрела удалось прыжком, проскользнув по крышке рояля, спастись, а хор «рабочих и солдат» спрыгнул в зал⁶.

Впоследствии данная программа была оценена крайне негативно советскими театроведами. «Быть современным, вносить злободневную струю в театральную работу означает в это время охаивать большевиков, глумиться над

¹ Мейерхольд В.Э. Указ. соч. С. 189.

² РГАЛИ. Ф. 2618. Оп. 1. Ед. хр. № 42. Л. 1.

³ Петров Н. Указ. соч. С. 141.

⁴ РГАЛИ. Ф.2618. Оп.1. Ед. хр. № 42. Л. 1.

⁵ Петров Н. Указ. соч. С. 149.

⁶ Там же. С. 150.

пролетариатом и революционизирующей армией, – говорится в книге “История советского театра” 1933 г. о театрах столицы в 1917 году. – Обывательское зубоскальство по адресу революционных вождей пролетариата пробивает себе путь во все театральные жанры. <...> Равным образом, находим мы его в артистическом кабаре “Привал комедиантов”, где в конце августа среди прочих номеров программы выступает “хор большевиков-частушечников” с запевалой Н. Евреиновым»¹.

Что же в песенках хора «большевиков-частушечников» было такого, что одинаково раздражающе действовало и на монархистов, и на большевиков? Да и справедливы ли вообще упреки последних? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться непосредственно к текстам самих революционных частушек. Н.В. Петров цитирует такие строки: «Не печалься, гнев повыкинь, / Веселей будь, Горемыкин. / Для тебя да для царя, / Жаль поганить фонаря»². Или, например, последний куплет: «Аэроплан, винты винты / На кронштадтские планты – / Заграницей стал Кронштадт / И сам черт ему не брат!»³.

Основные темы частушек – это высмеивание царицы, ее связей с Распутиным, частушки про убийство Распутина, про Николая II, про войну, карточки, охранку, про саму революцию. В текстах частушек, взятых из брошюры «Народные революционные частушки», изданной в Петрограде в 1917 г.⁴ ничего антибольшевистского или высмеивающего пролетариат не было, в отличие от антимонархических выпадов. Единственное, что могло бы насторожить советских критиков – сам образ исполнителей – хор «большевиков-частушечников». Но и этому имеется свое объяснение. Н.В. Петров в своих воспоминаниях ошибочно относит эту программу к марту или апрелю 1917 г., что, естественно, неверно, ибо тогда партия большевиков не имела такого влияния и известности, которыми обладала в августе. Постановка данной программы – это свидетельство того, что даже в аполитичной богеме уже сложилось прочное представление о большевиках, как о ведущей и мощнейшей политической силе в Петрограде. Прозвучавшие на страницах «Истории советского театра» обвинения Н.Н. Евреинова в высмеивании и принижении большевиков, не имея никаких объективных оснований, объясняются только предвзятостью и грубым классовым подходом авторов ко всей деятельности Н.Н. Евреинова, уехавшего из СССР в эмиграцию в 1925 г. Но «левацкая» позиция авторов им дорого обошлась. В 1934 г. в письме к Н.Н. Евреинову его переводчица Э.Л. Идельсон, проживавшая в Ленинграде, по поводу «Истории советского театра» сообщала, что один из членов Правления союза писателей просил ее передать Н. Евреинову, «что в этой книге

¹ История советского театра. Т. 1. С. 22.

² Петров Н. Указ соч. С. 149.

³ Цит. по: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е. Указ. соч. С. 141. В данной частушке отразились актуальные политические события весны – лета 1917 г. – установление советской республики в Кронштадте.

⁴ Народные революционные частушки / Сост. Иван Меньшевик. Пг., 1917.

много клеветы и подлости, что редактор этой книги, некто Рафалович, уже “убран от искусства”, арестован как политически неблагонадежный человек»¹.

Данная программа кабаре продолжалась до середины сентября 1917 г., когда из-за очередного наводнения в Петрограде подвал «Привала комедиантов» пришлось закрыть вплоть до ноября 1918 г. Известно, что готовилась еще одна программа, включавшая несколько инсценировок стихотворений Козьмы Пруткова в постановке Н. Евреинова. Однако осуществить ее не удалось.

В августе 1917 г. Н.Н. Евреинова захлестнула общественная жизнь. Он принимал участие в организации профессионального союза театральных деятелей. 10 августа в Москве по инициативе Н.Н. Евреинова, Ю.П. Анненкова, А.В. Лентулова, В.Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова состоялось организационное собрание «мастеров сценических искусств (режиссеров, художников-декораторов), созванное, для организации всероссийского профессионального союза»². В собрании приняло участие около 20 человек. Председателем был избран А.Я. Таиров. Было избрано временное бюро в составе В.Э. Мейерхольда, Ю.П. Анненкова, Ф.Ф. Комиссаржевского и самого А.Я. Таирова³. Н.Н. Евреинов участия в заседании не принял, вероятно, потому что собрание проводилось в Москве, а он, находясь в Петрограде, был занят в деятельности кабаре «Привал комедиантов».

Отсутствие Евреинова можно объяснить и другой причиной. В начале августа 1917 г. Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов принял решение об организации в сентябре в Летнем саду грандиозного трехдневного гуляния-зрелища в пользу русских военнопленных, посвященного эпохе Великой Французской революции. Сообщалось, что «будет построен бутафорский городок, изображающий Париж того времени. На подмостках будут выступать актеры, изображающие художественно-артистическую богему конца XVIII столетия»⁴. Художественная часть поручена Ю.П. Анненкову. Заведующим режиссерской частью был назначен Н.Н. Евреинов. И хотя «грандиозное гуляние-зрелище» осуществлено не было, вероятно, Евреинов был целиком поглощен подготовкой этой постановки.

Следующее собрание театральных деятелей под названием «Всероссийская конференция профессиональных союзов деятелей сцены» прошло 20 августа, уже в Петрограде в зале театра Музыкальной драмы⁵. Любопытно, что в рукописном протоколе собрания среди присутствовавших театральных деятелей мы вновь не находим имени Н.Н. Евреинова. Несмотря на это, шесть дней спустя, 26 августа, московская газета «Вечерние новости» сообщила, что «Союз мастеров сценических постановок выделил из состава своих

¹ РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 2. Ед. хр. № 77. Л. 1.

² Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 387.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 389.

⁵ АРФ ГЦТМБ. Ф. 328. Ед. хр. 2. Л. 1.

членов две комиссии. Первая из них – режиссеры Ф.Ф. Комиссаржевский, В.Г. Сахновский, художники Б.Г. Якулов и И.С. Федотов – разрабатывают устав союза. Вторая комиссия – режиссеры Н.Н. Евреинов, В.Э. Мейерхольд, Ю.Л. Ракитин, Н.М. Фореггер, художники Ю.П. Анненков и Бабенчиков – занимаются изучением вопросов авторских прав режиссера»¹.

В октябре 1917 г. Евреинов и Анненков ставят пьесу В.К. Винниченко «Черная пантера» в Малом Суворинском театре².

В конце октября или в начале ноября Н.Н. Евреинов спешно уезжает из Петрограда. Сложно сказать, когда точно Евреинов покинул столицу: до Октябрьского переворота или после. Согласно воспоминаниям одного из посетителей кабаре, в ночь с 25 на 26 октября Евреинов выступал в «Привале». В момент выстрела «Авроры», «на сцене пел хор “Большевикочастушечников” с артисткой О.А. Глебовой во главе и Н.Н. Евреиновым за роялем (им была поставлена вся программа)... Вскоре стены задрожали от выстрела, стреляло орудие. Все заволновались и собрались уходить»³. Исследователь В.Г. Бабенко отметил, что данные воспоминания, вероятно, не могут относиться к октябрю, так как «Привал» был уже закрыт. Однако он допускает, что исследователи истории кабаре могут ошибаться, и кабаре продолжало работать. Он также отмечает, что программы в «Привале» никогда не начинались раньше десяти часов вечера, но согласно приказу военного генерал-губернатора Петрограда, все развлекательные заведения и клубы в целях экономии электричества должны были закрываться в 11 часов вечера. Таким образом, в момент выстрела «Авроры», в 21 час 45 минут, концертная программа кабаре, вероятно, уже шла. Добавим, что если же кабаре было действительно закрыто в сентябре, то услышанный очевидцем выстрел мог быть тем самым выстрелом из револьвера в Н.Н. Евреинова, прозвучавшим в августе и смешавшимся в памяти мемуариста с выстрелом «Авроры».

В любом случае, на рубеже октября – ноября 1917 г. Евреинов покинул Петроград и начал свое двухлетнее путешествие по Кавказу и Украине. Из Петрограда он вновь отправился в Сухум к своему старому знакомому, художнику, князю А.К. Шервашидзе. Здесь «при сухумском Артистическом обществе была организована многообразная театральная деятельность: читались лекции, ставились спектакли»⁴.

Другой вопрос: что заставило Евреинова покинуть революционный город. Его отъезд точно не был обусловлен политическими или идеологическими предпосылками. Когда через год, в ноябре 1918 г. все же состоялось открытие нового сезона кабаре, Н.Н. Евреинов, несмотря на то, что находился за пределами Советской России, был указан в составе художественного

¹ Лапшин В.П. Указ соч. С. 390.

² Бабенко В.Г. Указ. соч. С. 125.

³ Цит. по: Бабенко В.Г. Указ. соч. С. 125.

⁴ Иванов В. «Милый лектор», он же – «современный маркиз де Сад»: Николай Евреинов: «Театр и эшафот» // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века. М, 1996. С. 18.

совета «Привала»¹, что едва ли имело бы место в случае его политической эмиграции. Вероятнее всего, главной причиной его отъезда стал страх перед возможными революционными беспорядками. Его не было в Петрограде в момент Февральской революции, вероятно, он решил покинуть Петроград накануне или сразу после Октябрьской революции. Он был известным в городе человеком, одним из ведущих режиссеров-новаторов, и к тому же, он приобрел определенную популярность благодаря своему номеру с частушками в «Привале комедиантов», в котором хоть и не делал выпадов против большевиков, но все же подшучивал над ними. Евреинов, человек крайне осторожный и рассудительный, скорее всего, решил заблаговременно покинуть эпицентр будущих событий, в надежде на сохранение имущества, а возможно и жизни. Следует сказать также, что на протяжении всей гражданской войны он будет стараться избегать близости к театрам военных действий.

Деятельность Н.Н. Евреинова в 1917 г. вошла яркой страницей в его биографию. В революции 1917 г. он, в первую очередь, увидел возможность свободы творчества. Крушение российской монархии уничтожило всякие цензурные ограничения. Н.Н. Евреинов не только восстанавливал запрещенные, но и готовил новые постановки. Он участвовал в общественной жизни страны, стал одним из основателей профсоюзного движения театральных деятелей. Откликаясь на политические реалии конца лета 1917 г., он создал блестящий номер «Хор большевиков-частушечников», отразивший рост популярности большевиков в стране. Его срочный отъезд из Петрограда после Октябрьской революции не носил политического характера, а объяснялся вполне обоснованным страхом человека перед возможными беспорядками. Н.Н. Евреинов покинул Петроград, но вернулся в него через три года и вновь обрел популярность в условиях уже нового советского театра.

Репников А.В.

«За грехи... и преступления... промотавшихся отцов» (И.А. Родионов, П.Н. Краснов и Ф.В. Винберг о революции в России)

Анализируя различные оценки октябрьской революции 1917 года в своей книге «Идеология национал-большевизма», Михаил Агурский пришел к выводу, что «самые резкие обвинения (в адрес русского народа – А.Р.) исходят, казалось бы, из совершенно неожиданных источников, а именно со стороны активных русских националистов»². В качестве примера он цитирует писателя И.А. Родионова и полковника Ф.В. Винберга. Представляется, что эта тема заслуживает отдельного обсуждения. Обличение русского народа, который, перестав быть «народом-строителем» и «народом-

¹ Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е. Указ. соч. С. 144.

² Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris, 1980. С. 7.

государственником» превратился в «своевольную чернь», забывшую божеские и человеческие законы, со стороны названных публицистов действительно имело место. К ним можно добавить и П.Н. Краснова. Что объединяло этих людей? Почему они, неоднократно писавшие о любви к своей родине, столь резки в оценках. Агурский на этот вопрос не ответил. Попробуем это сделать, отталкиваясь от «типичного высказывания» самого Агурского: «Надо попытаться понять действия всех, кто бы они ни были: кадеты, эсеры, левые коммунисты, сектанты»¹. Для того, чтобы понять, прежде всего, нужно отказаться от навешивания политических и иных ярлыков и попытаться посмотреть на ситуацию с точки зрения вышеупомянутых персонажей.

Петра Николаевича Краснова² историку представлять не нужно, но имя Ивана Александровича Родионова³ сегодня в большей степени известно филологам и литературоведам. В 1980 – 1990-е гг. в российской и украинской печати развернулась полемика, в ходе которой некоторые исследователи приписывали ему авторство романа «Тихий Дон»⁴. Происходивший из дворян земли Войска Донского в период Первой русской революции, он участвовал с казачьей сотней в усмирении рабочих волнений в г. Боровичи. В 1901 г. «вышел на льготу» (в отставку). Общероссийскую известность ему принесла книга «Наше преступление. (Не бред, а быль)», с подзаголовком «Из современной народной жизни» (СПб., 1909), выдержавшая только в 1910 году 5 изданий и неоднократно переиздававшаяся за границей. Родионов писал о посткрепостнической деревне, которая «одичала и озверела, и всего больше одичала и озверела молодежь... Точно все помешались и принялись истреблять друг друга. В крестьянской среде, особенно между молодежью, убийства стали обычным явлением. Среди них это даже не считается преступлением, а перешло в обычное времяпровождение... Тут уж поднимается брат на брата, сын на отца, отец на сына... такая война ведет к одичанию, к анархии, то есть к полному распадению государства, когда уже не будет существовать

¹ Приводится в статье: *Исакова А.* Русские корни израильского либерализма // *Лехаим*. 2010. № 12. С. 52.

² См.: *Гребенкин И.Н., Репников А.В.* Краснов Петр Николаевич // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*. М., 2009. С. 360 – 364.

³ См.: *Репников А.В.* Родионов Иван Александрович // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия*. М., 2010. С. 400 – 404.

⁴ См.: *Стукалова Г.П.* 1) Один офицер по фамилии Родионов // *Огонек*. 1993. № 17; 2) *Страница истории России* // В кн.: *Родионов И.А.* Наше преступление. М., 1997; *Кузякина Н.* Кто автор «Тихого Дона»? Претендент номер... – есаул Родионов // *Час пик*. 1991. № 40; *Запелалов В.Н.* 1) Литературная судьба Родионова // *Русская литература XI – XX вв., Проблемы изучения*. СПб., 1992; 2) Автор «Тихого Дона» был Р.? // *Час пик*, 1994. № 10; 3) Литературная судьба Ивана Родионова и его книга «Тихий Дон» // *Родионов И.А.* Тихий Дон СПб., 1994; *Краюхин С.* «Тихий Дон» из спецхрана. Развеезна еще одна литературная мистификация [интервью с В.Н. Запелаловым] // *Известия*. 1993. 17 ноября; *Гетманец А.О.* 1) Забытый русский писатель // *Наукові записки ХДПУ ім. Г.С. Сковороди*. Сер. Літературознавство. 2000. Вип. 1; 2) Роман о трагедии русского народа // *Наукові записки ХДПУ ім. Г.С. Сковороди*. Сер. Літературознавство. 2001. Вип. 1; 3) *И.А. Родионов.* Забытый русский писатель. Харьков, 2008, и др.

ни властей, ни суда, а, следовательно, и порядка, потому что некому будет охранять и поддерживать порядок. Тогда восторжествуют лихие люди, потерявшие стыд и совесть»¹. Произведение получило широкую известность и М.О. Меньшиков, посвятил ему восторженный отклик: «В удивительной книге г. Родионова *все правда*, и в самом деле это “не бред, а быль”, как он сам рекомендует свою книгу. Все фактически здесь не сочинено, а снято с натуры... Вот это реализм, художественный реализм!... После “Воскресения” гр. Л.Н. Толстого я не читал более важного по значению романа, как “Наше преступление”. В писательской манере И.А. Родионова вообще много сходного с Толстым: почти то же проникновение в душу людей и почти та же способность простейшими движениями вскрыть самую сущность жизни»².

Если Краснов до революции, в монархических организациях не состоял и писал не на политическую, а на военно-историческую тематику, то Родионов был известен в черносотенных кругах. В апреле 1911 г. он опубликовал в журнале «Прямой путь» (орган РНСМА) стилизованные под былинку сатирические стихи «Москва-матушка», в которых через призму «казачьего» мировоззрения излагал свой взгляд на российскую историю. «Земщина» расценила произведение, как «злую сатиру на всю Русь»³. В феврале и марте 1912 г. Родионов выступал в Русском собрании с докладами, вскоре опубликованными отдельной книгой. Значительное место он уделил еврейскому вопросу: «От общего сожительства всегда и во всем выиграет еврей, и всегда и во всем потеряет ариец, потому что еврей совершенно беззастенчив, невероятно нагл и главное – вооружен такими видами оружия, от которых ариец скорее с гадливостью отвернется, чем воспользуется ими для борьбы и защиты»⁴. В 1913 г. Родионов выступил в Русском собрании с докладом на тему «Донские казаки в Смутное время», в котором утверждал, что главными бедствиями России являются пьянство, а также деградация низшего слоя и разложение высшего (в первую очередь, представителей интеллигенции). Участвовал в правомонархическом движении и Федор Викторович Винберг⁵, являвшийся членом Русского собрания и РНСМА.

В 1913 году Родионов опубликовал сначала в журнале «Прямой путь»⁶, а затем отдельной книгой⁷ очерки «Тихий Дон», в которых противопоставлял казаков, как носителей монархического мировоззрения и начала дисциплины, иногороднему и инородческому (в первую очередь, еврейскому) населению, проживающему в области Войска Донского: «Под давлением подстроенного жидами и интеллигентами “общественного мнения” Военное министерство

¹ Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997. С. 208 – 210.

² Меньшиков М.О. Русское пробуждение. М., 2007. С. 159, 162.

³ Земщина. 1911. 19 сентября.

⁴ Родионов И.А. Два доклада. Неужели гибель? Что же делать? СПб., 1912. С. 153.

⁵ См.: Иванов А.А. Винберг Федор Викторович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 241 – 243.

⁶ Прямой путь. 1913. № 5 – 7, 9, 10, 12; 1914, № 1.

⁷ Родионов И.А. Тихий Дон. СПб., 1914, на титульном листе значится 1913 г.

вскоре после “освободительной” смуты распустило инструкторов и погубило прекрасный древний обычай на Дону. Старые казаки – отцы и деды недовольно ропщут... молодежь... вместо строевых занятий пьянствует, бездельничает, озорничает и отбивается у отцов от рук... В настоящее время в казачьих станицах беспрепятственно может жить всякий иногородний пришелец... Эти господа развращают и распропагандируют казачью молодежь... Отсюда полное бесправие и бессилие казаков в борьбе с... наплывом с севера того мусора, которым, как грязным илом затягивается порядливая, дисциплинированная, благообразная казачья жизнь»¹.

По мнению Родионова и Краснова слухи о «темных силах» и Распутине имели под собой основание. В 1911 году Родионов примкнул к заговору против Распутина. М.В. Родзянко вспоминал, что обличительный разговор епископа Гермогена с Распутиным происходил в присутствии «войскового старшины Родионова», который потом пересказал его Родзянко². Краснов же в романе «От двуглавого орла к красному знамени», (Берлин, 1921 – 1922) демонизировал фигуру Распутина и давал негативную характеристику Александры Федоровны. В отличие от Краснова, Винберг не разделял критического взгляда на Распутина и относился к императрице с пиететом: «Я имел счастье знать государыню с первых дней ее воцарения. Часто видел ее величество близко и имел счастье удостаиваться Ее разговора и в немногие светлые, и во многие горькие минуты ее жизни. Смею верить – и этой уверенности у меня никто не отнимет – что знаю свою государыню хорошо. И какой ее знаю, я ее глубоко и благоговейно чту и как царицу, и как русскую женщину, и как мать, и как супругу моего царя»³.

Первую мировую Родионов считал «судьбоносной ошибкой Императорского правительства, т.к. не Германия, а Англия являлась действительным историческим врагом России. С Германией же, соединяя ее технику со своим сырьем, Россия могла бы составить непобедимый союз, которому никто в мире не был бы опасен. Он говаривал, что немец – хороший товарищ и, в противоположность австрийцу, надежный союзник. Только ему надо сперва рога обломать, чтобы тевтонская спесь всего не испортила»⁴. Оценивая впоследствии поведение британских союзников в период гражданской войны Родионов с сарказмом писал: «Все верили, пламенно, безоглядно верили, что их невообразимые страдания и великие жертвы не пропадут даром, что “доблестные”, “благородные”, “верные” союзники, покончив с общим врагом, из чувства благодарности к настоящей подлинной России не оставят их без по-

¹ Родионов И.А. Тихий Дон. СПб., 1994. С. 191, 193.

² Родзянко М.В. Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000. С. 95.

³ Винберг Ф.В. Крестный путь. Часть первая. Корни зла. Репринтное издание. СПб., 1997. С. 181.

⁴ Цит. по: Стукалова Г.П. Страница истории России // Родионов И.А. Наше преступление. С. XLVII.

мощи, выручат»¹. Полагал, что уничтожить самодержавную Россию удалось «только при поддержке всех европейских народов: и врагов, и союзников ее, а главным образом при усердной помощи самих русских, их интеллигентных кругов. Ведь какими же надо быть круглыми дураками... чтобы взорвать собственный дом, а с ним и самих себя»². Краснов солидаризировался с Родионовым, считая свержение монархии и последовавший за ним развал военной и государственной мощи России результатом британских интриг.

Февральская революция была воспринята Красновым спокойно. Постфактум он утверждал, что будто бы верил в способность Временного правительства привести страну к Учредительному собранию, а Учредительного собрания – к конституционной монархии с великим князем Михаилом Александровичем во главе. Винберг же повел себя принципиально, отказавшись присягать Временному правительству, после чего был переведен из действующей армии в резерв чинов Петроградского военного округа. Разложение армии и неспособность Временного правительства остановить сползание страны в хаос породили в военной среде поиск претендента на роль диктатора – сильной и харизматической личности.

26 августа 1917 г. верховным главнокомандующим генералом Л.Г. Корниловым Краснов был назначен командующим 3-м конным корпусом, выдвигавшимся в направлении Петрограда. В воспоминаниях «На внутреннем фронте» (Берлин, 1922) он утверждал, что не был близок к Корнилову и посвящен в его планы, но, являясь сторонником наведения порядка в стране и армии, был в принципе согласен с его действиями. В Пскове, куда он прибыл, чтобы принять командование корпусом, Краснова задержали для дачи показаний о причастности к корниловскому выступлению, однако аресту он не подвергся. Винберг во время выступления Корнилова, должен был, согласно плану, совместно с другими офицерами поддержать выступление генерала А.М. Крымова из Петрограда, но войска Крымова в Петроград не вошли. Родионов также принимал участие в подготовке и выступлении Корнилова и был арестован. До октября 1917 г. он содержался вместе с другими участниками выступления в тюрьме. После освобождения 18 октября из Быхова, вывез семью из Москвы, затем перебрался в Новочеркасск и с ноября участвовал в создании Добровольческой армии.

В казачестве Родионов видел единственную силу, способную побороть большевизм: «Я не сомневался, что Россия... должна непременно докатиться до дна, т.е. до большевизма. Но большевики, захватив все, в некоторой части народа натолкнутся на вооруженный отпор. Такой отпор дадут казаки и, прежде всего, донские. Это будет первой ареной кровавой междоусобной

¹ Родионов И.А. Жертвы вечерние. (Не вымысел, а действительность). Берлин, 1922. С. 105.

² Родионов И.А. Дети дьявола // Садовской Б.А. Шестой час; Родионов И.А. Дети дьявола. СПб., 2003. С. 120.

бойни»¹. Н.Н. Львов свидетельствовал: «На казачество Родионов возлагал большие надежды. Он был уверен, что казачество стряхнет с себя революционное наваждение, потому что в казачестве крепок бытовой уклад, тогда как в русской деревне быт разрушен. “Для народа нужен устав, – повторял он, – без устава русский человек пропал”»².

После неудачи наступления на Петроград Краснов был арестован революционными властями, но вскоре освобожден и тайно выехал на Дон, где скрывался до начала антибольшевистского казачьего восстания в апреле 1918 года. В мае 1918 г. в Новочеркасске Кругом спасения Дона был избран атаманом Всевеликого войска Донского. Родионов участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в штабе армии. Редактировал газеты «Донской край» (правительственный орган П.Н. Краснова) и «Часовой» (выходила в 1918 – феврале 1919 гг. в Новочеркасске с сатирическим приложением «Крапива»), отличавшиеся монархической и антисемитской направленностью. Пропагандировал текст «Протоколов Сионских мудрецов». Родионова, как и Краснова обвиняли а «германской» ориентации и казачьем сепаратизме. Оба они не разделяли политических взглядов А.И. Деникина, что провоцировало конфликтные ситуации. После выхода в отставку Родионов эмигрировал, проживая последовательно в Константинополе, Югославии, Франции, Германии, Сербии. Германия притягивала русских правых эмигрантов³. В Берлине Родионов примкнул к группе Высшего монархического совета. Сотрудничал в журналах «Атаманский вестник» (Париж, 1935 – 1939), редактировал совместно с Красновым «Казачий сборник». Винберг эмигрировавший вместе с немецкими войсками из Украины в Германию, издавал монархическую газету «Призыв» и журнал «Луч света». Участвовал в капповском путче и после его провала перебрался в Мюнхен.

В эмиграции Родионов издал повесть «Жертвы вечерние. (Не вымысел, а действительность)» (Берлин, 1922), посвященную участникам Ледяного похода – «жертвенной военной и учащейся молодежи, пролившей потоки своей невинной крови... отстаивая обманутую, поруганную и ограбленную Родину, преданную на невиданные испытания и муки в руки исконных врагов рода человеческого за грехи, верхоглядство и преступления их легкомысленных, промотавшихся отцов»⁴. Повесть была выпущена отдельными книгами на французском и венгерском языках, а также вызвала отклик в среде правой эмиграции, А.С. Гершельман отмечал, что книга рисует «гибель безумно смелых детей за преступления отцов, пошлой игрой в либерализм промотавших свою родину»⁵. Обращаясь к событиям революции, Родионов писал о

¹ Родионов И.А. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. М., 2008. С. 31.

² Там же. С. 45.

³ См.: Серегин А.В. Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919 – 1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность: Дисс... к. ист. н. М., 2010.

⁴ Родионов И.А. Жертвы вечерние. С. 3.

⁵ Двуглавый орел. 1922. № 29. С. 11.

развращенности народа: «Пока у него был Бог и царь над ним, он был смирен»¹. Интеллигенция и чернь свергли царя, после чего А.Ф. Керенский «позируя и кривляясь, как жалкий балаганный клоун» не смог сдержать «двух главных дьяволов красного социализма» В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого². Накопившаяся «в темных недрах русской народной стихии зависть, злоба, низость, гнусность, хамство, ненасытная жажда насилий, крови, грабежа и воровства, получив свободу, вдруг пробудилась и подобно чудовищному гигантскому нарыву, как грязная вода через развороченную плотину с угрожающим шумом и ревом прорвалась»³. После того, как к власти пришли большевики «только единичные люди догадывались, что с воцарением большевизма – мученическая смерть антипатриотическим, распутным и легкомысленным интеллигенции и буржуазии, уничтожение вырожденческой, развратной культуре и невообразимо-тяжкие испытания, полуистребление и полное разорение всему забывшему Бога и совесть, растленному, преступному и жестоковейному русскому племени. Они понимали, что большевизм – это пылающий адским огнем метеор, по воле карающего Провидения ринувшийся в прогнившее сверху донизу, необъятное, смрадное русское болото. От его... падения полетят во все стороны гнойные брызги и мутными волнами разольются по лицу всей земли... он взбушует все загнившееся зловонное болото, сожжет много доброго, здорового, но сожжет и гной, растеряет свою... силу, распадется на части, зароется... и образуется тогда твердая почва, и будет добрый материал, и начнется новое, здоровое строительство»⁴. Критическую оценку всем слоям русского общества дал в своей книге «Крестный путь», изданной в 1922 г. в Мюнхене и Винберг. Он полагал, что никто не свободен от вины и по отношению к царю, оказались одинаково виновными и «грубый зверь-солдат-красноармеец, и злобное полу-животное, развращенный до мозга костей рабочий, и эгоист стяжатель, аморальный мужик». Но, с другой стороны, в революции, по мнению Винберга, виновен и ученый профессор, и мелкий интеллигент, и видный влиятельный финансист, и средний купец, и мелкий торговец, и крупный землец, и даже какой-нибудь безвестный бухгалтер. Винберг признавал: «Я, как русский, являюсь убежденным поклонником идеи русского самодержавия, но не закрываю глаз перед действительностью и знаю, что совершенства на земле не бывает. А потому сознаю, что и при самодержавном строе много неправды творилось в России, много беспорядков и внутренних недугов омрачало ее жизнь, много злых, несправедливых людей совершало беззакония и чинило обиды, по отношению к ближним своим... Но я сознаю и уверен..., что без царя, без самодержавия, все эти отрицательные стороны русской жизни усугубляются по крайней мере в сто раз»⁵.

¹ Родионов И.А. Жертвы вечерние. С. 210.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 18 – 19.

⁵ Винберг Ф.В. Крестный путь. С. 239 – 240.

Краснов называл как факторы, способствовавшие революции, духовное разложение русского народа, упадок веры, ослабление монархического начала, усталость от войны и проч. По его мнению, Россия и русский народ «двулики». Есть «отчаянная и никчемная» разрушающая сила, и есть «прекрасная и сильная» созидаящая. Только царская власть способна объединить и дисциплинировать «высокоталантливый, но расплывчатый русский народ», предоставив свободу для позитивного творчества и обуздав стремление к разрушению. Родионов возлагал вину за революцию на евреев, масонов и русский народ, который превратился в «бесчисленное стадо воров, убийц, трусов, алкоголиков, вырожденцев, идиотов, поправших все божеские и человеческие законы, веру, Бога, отечество... Такой народ не имеет будущего. Он кончен»¹.

Краснов видел в большевиках разрушителей исторической России: «Ленин разрушал Россию во имя блага всего человечества. Ленин делал громадный научный социалистический опыт, от успеха которого зависело: быть или не быть социализму в мире. Ленин насаждал социализм и высшую форму его – коммунизм и потому он этим научным экспериментом покрывал все зло и всю кровь»². В романах «Largo» (в основу положены события, связанные с Делом Бейлиса), «Ложь» и др. негативно оценивал роль еврейства в истории России. Считал, что основную роль в революции сыграли левые радикалы и маргиналы, которых направляли евреи и масоны: «Масонам страшно казачество... Крепко сидит в нем Христос. Казак и в коммунисты запишется, а все крест носит... И, помяните мое слово, масоны уничтожат казаков»³. В своих произведениях Краснов с любовью описывал жизнь казачества и был склонен представлять Гражданскую войну как конфликт Войска Донского и советской России и, как следствие, конфликт казаков и русских. Как и Родионов, подчеркивал позитивную роль Войска Донского как главной внутривосточной силы, ведущей вооруженную борьбу с советской властью. По мнению Родионова, казачество, «менее развращенный, менее преступный, более законопослушный и здравомыслящий народ», поэтому цель большевиков состоит в его уничтожении, а также и в истреблении «всей русской интеллигенции, которая сама того не подозревая... помогала... развращать и губить Россию»⁴. Для большевистского руководства, Родионов предсказывал такой финал: «Когда вы всех нас передушите, ограбите и перебьете и когда убивать и грабить вам уже будет некого, вы вцепитесь, мертвой хваткой вцепитесь в глотку друг-другу и... пожрете один другого...»⁵.

По воспоминаниям С.И. Родионова (сына Ивана Александровича): «Монархизм был... частью его религиозных убеждений, и он говорил, что

¹ Родионов И.А. Жертвы вечерние. С. 209.

² Краснов П.Н. От двуглавого орла к красному знамени. Екатеринбург, 1995. Кн. 3. Ч. VII – VIII. С. 227.

³ Там же. С. 231.

⁴ Родионов И.А. Жертвы вечерние. С. 211, 213.

⁵ Там же. С. 238.

как Бог на небе один, так и царь на земле один, имея ввиду Землю Русскую. Государю был предан, но считал его слишком мягким человеком и говорил, что при Александре III никакая революция не была бы возможна, т.к. он был настоящим хозяином своего дела»¹. Винберг (арестованный большевиками в начале декабря 1917 года по обвинению в принадлежности к монархической организации В.М. Пуришкевича) заявил на процессе: «Я монархист: был им всегда и всегда останусь... Я всю жизнь до сих пор прожил и прослужил в верноподданнических чувствах к нашему государю императору, и чувства такие я хранил не потому, что так мне лично было выгодно, а вследствие вдумчивого понимания их и знания истории моей Родины... Я теперь такой же убежденный монархист, как был и раньше... Я сознательно и любовно признавал тогда власть государя и был бы подлым рабом, если б теперь от него отрекся»².

Родионов видел спасение России в восстановлении монархии: «Россия гибнет от того, что царя свергли... Россия теперь труп без головы... И весь этот кошмар будет длиться до тех пор, пока снова не прирастет голова. И голова эта будет царь, а не какой-нибудь жидо-масонский ставленник – президент. И когда найдется голова – царь, то как в сказке, труп, точно вспрыснутый живой водой, оживет и вставшая на ноги Россия скажет свое слово презренному, надменному миру мещанишек, предателей и торгашей...»³. Родионов писал: «Как монархист, с первого же дня революции держался одного и того же мнения, что этот акт вынужденного отречения государя Николая Александровича был губительным для России и династии. Этого своего убеждения я никогда ни перед кем не скрывал»⁴. Краснов вкладывает идею возрождения монархии в уста многих положительных героев своих произведений: «Только наследственный государь сможет примирить всех... Только государь, избранный народом русским, или наследственный монарх – стоит над партиями. Только он может творить. Ему покорятся сами все те, кто от него отложился. Да и отложились-то не от него. Отложились от того хаоса, который стал на его место»⁵. Симпатизируя национал-социализму, Краснов, однако, утверждал, что для возрождения России нужен не диктатор, как в Германии, а царь: «Счастлива Германия, что Бог послал ей такого вождя, счастлива тем, что она едина... так в России быть не может... Царь был существом России, и без царя не могла быть и Россия... Тут – один народ, одно государство, один вождь. Там были царь и народ, и они вдвоем и создавали государство, Российскую империю. Они были неотделимы, и, когда не стало царя,

¹ Стукалова Г.П. Страница истории России // Родионов И.А. Наше преступление. С. XLVIII.

² Винберг Ф.В. В плену у «обезьян». (Записки «контрреволюционера») // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов при участии С.Г. Зирина. М., 2008. С. 143 – 144.

³ Родионов И.А. Жертвы вечерние. С. 306 – 307.

⁴ Родионов И.А. Забытый путь. С. 32 – 33.

⁵ Краснов П.Н. От двуглавого орла к красному знамени. С. 305 – 306.

народ распался и началась непрерывная борьба, и она будет продолжаться до тех пор, пока снова не скрепит разноплеменную Россию единый православный царь»¹. Вместе с тем, в отличие от Родионова и Винберга, о Краснове нельзя однозначно говорить о как об убежденном монархисте; его монархизм носил скорее не идеологический или «мистический», а тактический характер.

В эмиграции Родионов написал роман «У последних свершений», из которого в виде отдельных произведений были опубликованы два больших фрагмента: «Сыны дьявола» (Белград, 1932) и «Царство сатаны (Из загадочного и реального)» (Берлин, 1937). Израильский исследователь С.Ю. Дудаков отмечает: «Роман “Сыны дьявола”... целиком построен на “учении” сионских мудрецов: один из главарей заговора, некто Дикс, посвящает новичка Липмана в историю и тайны организации... автор разукрашивает “учение” мелкими подробностями библейско-евангельского толка, доказывая, что евреи еще со времен создания Талмуда “отвернулись” от Бога праотцев... Роман “Сыны дьявола” подводил итог идейного развития “Протоколов”»². Работы Родионова вызвали неоднозначную реакцию в среде духовенства. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский писал Краснову: «Мы предупреждали Ив[ана] Ал[ександровича], что Слово Божие есть меч обоюдоострый, и нужно чрезвычайное смирение и проверка себя святыми Церкви, чтобы толковать его»³.

В 1923 г. в связи с публикацией повести «Жертвы вечерние» Родионов общался с А. Розенбергом, отмечая: «Я его очень хорошо знаю и много с ним говорил, когда перевод “Жертв вечерних” печатал в *Volkischer Beobachter* в 1923 году, между прочим, предостерегая их глупые выступления, *предрекая им полный провал и виселицу*»⁴. В книге «Царство сатаны» Родионов предрекал «оздоровление человечества на началах православной веры и истинного Бога» и восхищался «изумительной по благой плодотворности государственной деятельностью» А. Гитлера⁵. В конце 1934 г. Родионов уверял Краснова в личном письме: «О фюрере я прежнего мнения, никогда не отрицал его удивительных заслуг для Германии и не отрицаю этих заслуг до сегодняшнего дня. Последние слова подчеркиваю. Но основа та, на которой он танцует, гиблая, гнилая. Он играет на безумном и кровавом аномальном шовинизме, на их ужасной национальной гордыне, которая приведет в будущем к страшной катастрофе. Русский народ он презирает и ненавидит, он все-таки верхогляд и под ужасным влиянием своего вдохновителя и друга Розенберга... Розенберг... спит и во сне видит обращение русского народа в навоз для удоб-

¹ Краснов П.Н. Ложь. Париж, 1939. С. 403, 404, 405.

² Дудаков С.Ю. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX – XX вв. М., 1993. С. 197.

³ Странник [архиепископ Иоанн Сан-Францисский]. Переписка с генералом П.Н. Красновым // Континент. 1988. № 56. С. 317.

⁴ Родионов И.А. Забытый путь. С. 56.

⁵ Цит. по: Запевалов В.Н. Родионов Иван Александрович // Русские писатели, 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 315.

рения немецкой почвы... Сейчас они думают отхватить Остзейские провинции, не прочь и Украину. Да кто им даст? Россию европейцы уже поделили, если бы могли. Не могут, так как немедленно вся Европа захлебнется в крови. Это понимают все, кроме немцев»¹.

В марте 1922 года Винберг стал одним из организаторов покушения на П.Н. Милюкова, в ходе которого был застрелен В.Д. Набоков. Затем он переехал во Францию, где и скончался в 1927 году. Родионов скончался 24 января 1940 года, не дожив до начала войны Германии против СССР. Краснов же приветствовал начавшуюся войну в письме Е.И. Балабину в июне 1941: «Итак... Свершилось! Германский меч занесен над головой коммунизма, начинается новая эра жизни России... Германия готовится отдать старый дом России. Быть может мы накануне новой вековой дружбы двух великих народов»². С лета 1943 года Краснов сотрудничал с немецкими властями и военным командованием. В марте 1945 года, посетив расположенный в Северной Италии Казачий стан, Краснов произнес речь на торжественном открытии школы пропагандистов. Он «повторил, что в свое время была Великая Русь, которой следовало служить, но она в 1917 году “заразилась неизлечимым, или почти неизлечимым, недугом”. Что в отличие от русских с севера, население казачьих областей “оказалось почти не восприимчивым к коммунистической заразе” и что нужно “спасать здоровое, жертвуя неизлечимо больным”, иначе “больной элемент” задавит здоровых... во избежание такого развития событий, необходимо найти союзника-покровителя, и таким покровителем может быть только Германия, поскольку немцы – единственно “здоровая нация, выработавшая в себе иммунитет против большевизма и масонства”»³.

29 мая 1945 в г. Лиенце (Австрия) Краснов был передан британскими оккупационными властями советской стороне. 16 января 1947 г. его казнили в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Младший сын Родионова, Гермоген в годы войны находился в казачьих частях Краснова и «под конец II Мировой войны был преподавателем русского языка и истории в красновской казачьей офицерской школе в Италии»⁴. Он также был выдан советской стороне в Лиенце и долгое время находился в местах лишения свободы. По отбытии срока в Якутске, в должности заведующего редакционно-издательским отделом Сибирского отделения АН СССР, где и умер в 1961 году.

Винберг, в отличие от Родионова и Краснова, казаком не был, но их идейные установки во многом близки. Они сходились в оценке причин и последствий падения монархии. При этом беспощаднейшей критике подверга-

¹ Родионов И.А. Забытый путь. С. 56.

² ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

³ Цит. по: Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 196.

⁴ Цит. по: Стукалова Г.П. Страница истории России // Родионов И.А. Наше преступление. С. XLIX.

лись не только евреи, социалисты, либералы, буржуазия, масоны и т.д., но и русский народ, который развратился, потерял нравственные ориентиры, деградировал. Для Родионова и Краснова характерно противопоставление дисциплинированного казачества и утратившего веру и честь русского народа. Присутствует и своеобразное эсхатологическое восприятие революционных событий как «кары», «возмездия» за грехи. Характерно для них противопоставление военных и гражданских, одобрение военной диктатуры сильной и харизматической личности. Их объединяли: последовательный антилиберализм и декларирование верности монархическим идеям, антисемитизм и негативная оценка роли еврейства в мировой истории вообще и в истории России в частности; прогерманские симпатии; интерес к правым движениям в Германии. Оценка национал-социализма давалась ими с позиций – поможет ли это свержению большевизма в России или нет.

**Сведения об авторах
(на ноябрь 2010 г.)**

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Белов Михаил Юрьевич – аспирант кафедры русской истории РГПУ;

Захаров Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории РГПУ;

Иванов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ;

Репников Александр Витальевич – доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов РГАСПИ, профессор Российской академии театрального искусства (ГИТИС);

Рыженков Виталий Юрьевич – аспирант кафедры новейшей истории России исторического факультета СПбГУ.

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий менеджер ГЭ;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ);

Тарасов Константин Андреевич – студент 2 курса магистратуры кафедры русской истории РГПУ;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Хуциева Виктория Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ.

Сокращения

- АРФ ГЦТМБ** – Архивно-рукописный фонд Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина;
- ВКГД** – Временный комитет Государственной думы;
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации;
- ГМПИР** – Государственный музей политической истории России;
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж;
- ЛГУ** – Ленинградский государственный университет;
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
- РГАВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства;
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории;
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив;
- РГИА** – Российский государственный исторический архив;
- РГПУ** – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;
- РНСМА** – Русский народный союз имени Михаила Архангела.
- СПбГУ** – Санкт-Петербургский государственный университет;
- ЦВММ** – Центральный военно-морской музей;
- ЦГАИПД СПб** – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга;
- ЦГА СПб** – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;
- ЦГИА СПб** – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Оглавление

От составителя.....	3
Стогов Д.И. Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А.А. Римского-Корсакова, и их политическое значение	5
Захаров А.М. Февральская революция 1917 года в «Дневнике» А.Р. Ледницкого	13
Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора	21
Соколов А.В. «Совещание членов Государственной думы по делам Православной церкви» и смена состава Святейшего Синода (апрель 1917 года)	58
Иванов А.А. В. М. Пуришкевич и Временное правительство: от поддержки к разочарованию.....	70
Фруменкова Т.Г. Социально-экономические проблемы Петроградского воспитательного дома в марте – октябре 1917 г.....	82
Хуциева В.В. «Министерская чехарда» и судьбы коммерческого образования весной – осенью 1917 г.....	92
Николаев А.Б. Рабочие перед Временным судом (Петроград, 1917 год).	97
Тарасов К.А. Тактика агитационной деятельности Военной организации РСДРП(б) В Петроградском гарнизоне в марте – июне 1917 года.	112
Бажанов Д.А. Революционный Гельсингфорс весной – летом 1917 г. в фотографиях (по материалам ЦВММ).....	119
Белов М.Ю. Тексты С.М. Буденного: степень достоверности	127
Рыженков В.Ю. Деятельность режиссера Н.Н. Евреинова в Петрограде в 1917 году.....	133
Репников А.В. «За грехи... и преступления... промотавшихся отцов» (И.А. Родионов, П.Н. Краснов и Ф.В. Винберг о революции в России).....	141
Сведения об авторах (на ноябрь 2010 г.)	153
Сокращения	154
Оглавление	155

Революция 1917 года в России: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ

Сборник научных статей

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Якушева

Издание распространяется по подписке.
Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 3.10.2011.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman Суг.
Печать ризографическая
Усл. печ. л. 9,9
Тираж – 300 экз.

Отпечатано в ИПЦ СПГУТД с оригинал-макета заказчика.
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26